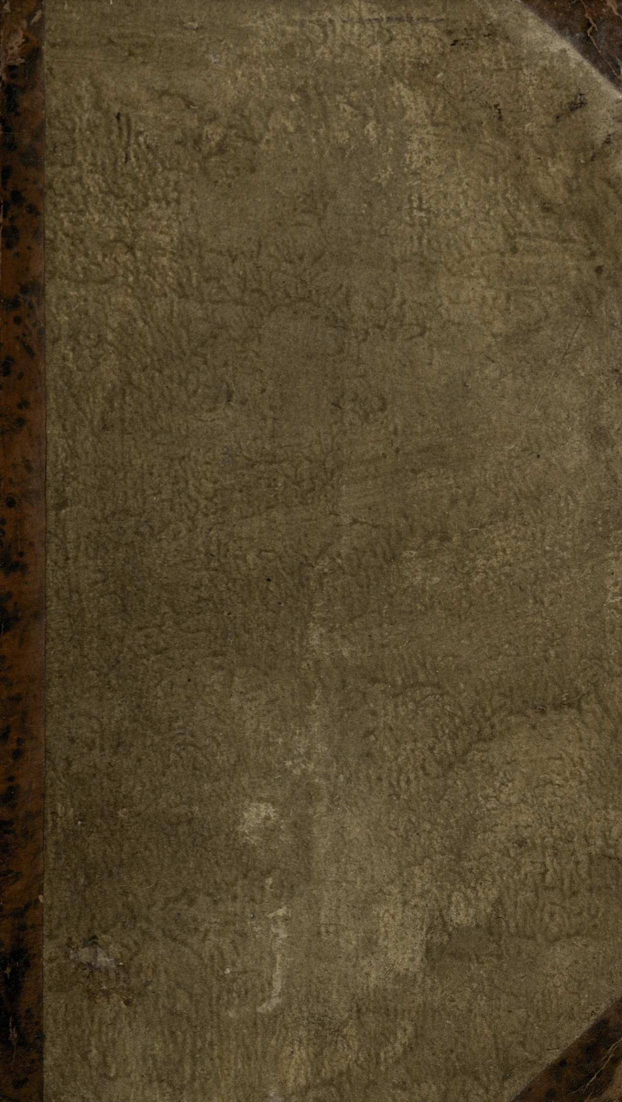

ЛЮБОВЬ СИЛЬНѢЕ ДРУЖБЫ

ПОВѢСТЬ ГИШПАНСКАЯ.

Переведена съ Французскаго языка

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ

1764 года.

ЛЮБОВЬ СИЛЬНЯЕ ДРУЖБЫ.

ПОВѢСТЬ

ГИШПАНСКАЯ.

Многими примѣрами ясно доказано, колико опасно все благополучїе наше полагать въ забавахъ здѣшнїя жизни, и сколь мало получаемъ мы себѣ тѣмъ удовольствїя, естьли чрезмѣрно предаемся вещамъ тлѣннымъ. Для того только любимъ мы совершенства, чтобъ горестнѣе оплакивать ихъ потерю: обожаемъ красоту на то, дабы чрезъ лишенїе оной суровѣе за наше слѣпое обоженїе быть наказанымъ. Въ сей повѣсти увидимъ, какимъ образомъ всевышнее провидѣнїе старается отвращать насъ

отъ

отъ чрезмѣрныхъ преданностей страстямъ, отвлекающихъ отъ должнаго къ нему почтенія, и приводитъ насъ къ добродѣтелямъ, отъ коихъ мы слѣпо удаляемся.

Донъ Людвигъ де Падилло и Донъ Алварецъ де Пардо, рожденные въ Гранадѣ, изъ знатнѣйшихъ домовъ сего Королевства, утвердили между собою съ самыхъ юныхъ лѣтъ нѣжную дружбу. Живучи и продолжая купно всѣ науки, укрѣпили они ее столь неразрывною, что нималое время въ разлукѣ быть не могли.

Природа равнымъ образомъ наградила ихъ дарованіями, и почти не можно было различить, кто изъ нихъ больше похвалы былъ достоинъ. Разумъ, красота, храбрость и благородная поступка, дѣлали ихъ совершеннѣйшими дворянами во всей Гишпаніи. Нравы ихъ со всѣмъ почти сходны были, и они тѣмъ только разнились, что Донъ Людвигъ былъ вспылчивѣе Дона Алвареца. Но не взирая на сіе могли бы они остаться вѣчно друзьями, ежелибъ никого кромѣ себя не любили, и

ежелибъ

ежелибъ любовь не разорвала ихъ дружбы. Каждой изъ нихъ былъ ужѐ на двадцать второмъ году, однако ни одинъ не былъ еще тронутъ прелѣстью красотъ, хотя Гранада была оными наполнена. Они всегда чуждались женщинъ, и думали, что никогда влюблены не будутъ; только тѣмъ напрасно льстились. Въ томъ же еще году, при учрежденномъ отъ молодаго дворянства, въ честь женскому полу рыцарствѣ, увидѣли они такую красавицу, которая своею рѣдко виданною красотою на вѣки ихъ плѣнила. Прельстившись ея пріятностьми, ни на что, кромѣ любезнаго имъ вида, очей своихъ не обращали. Побуждаемы равнымъ любопытствомъ, спрашивали они у судей рыцарства о ея родѣ и имени, и какъ давно она въ Гранадѣ. Одинъ изъ судей обьявилъ имъ, что она дочь Графа Мендоцы, которой не давно изъ Мадрита пріѣхалъ, а зовутъ ее Эльвирою. Онъ сказывалъ, что сей старой Графъ былъ долгое время въ службѣ Королевской, имѣлъ знатной чинъ, и употреблялся во

противъ себя всѣхъ рыцарей смѣлость имѣющихъ. Не бывшïе въ сраженïи льстились отмстить надъ нимъ бесчестïе своихъ товарищей, которые Падилломъ побѣждены были, и для того выѣзжали съ охотою. Но все ихъ сопротивленïе служило только къ умноженïю славы Алварецовой. Онъ побѣдилъ не толко тѣхъ, кои еще въ сраженïи не были, но и побѣжденныхъ его другомъ, изъ коихъ многïе покушались изпытать съ нимъ своего счастïя, но имѣли такуюжъ участь, какъ и съ его другомъ. Всѣ зрители признали Парда перьвымъ побѣдителемъ, а судьи рыцарства въ тотъ же часъ подвели его къ молодой Мендоцѣ, для полученïя награжденïя.

Донъ Людвигъ слѣдуя за Алварецомъ, не воображалъ себѣ, чтобъ другъ его не отдалъ ему полученнаго портрета, ежели станетъ о томъ просить его. Старой Мендоца превозносилъ ихъ похвалами; и потомъ смотря на нихъ съ прïятною усмѣшкою говорилъ: Храбрые друзья! ежелибъ вы сражались между

жду собою, такъ моглибъ мы справедливо различить храбрѣйшаго; а теперь находимъ столько равенства въ вашей побѣдѣ, что я съ согласїя Эльвиры намѣренъ обѣимъ здѣлать награжденїе. Портретъ ея принадлежитъ по законамъ рыцарскимъ Дону Алварецу; а перстень, что она теперь на рукѣ имѣетъ, достанется Дону Людвигу, которой побѣдилъ только половину рыцарей. Всѣ присутствующїе похвалили приговоръ его, а Эльвира обѣихъ друзей, ставшихъ предъ нею на колѣни, наградила, Дона Алвареца портретомъ, а Дона Людвига перстнемъ.

По окончанїи рыцарской забавы былъ великолѣпной столъ, и сей веселый пиръ окончился съ удовольствїемъ всѣхъ присутствующихъ. Эльвира превосходила красотою всѣхъ бывшихъ притомъ женщинъ, а влюбившїеся друзья, искусствомъ въ сраженїи и прїятностїю разговоровъ превзошли всѣхъ мущинъ. Наконецъ всѣ разъѣхались по домамъ, и искали въ снѣ покою. Донъ Алварецъ и Донъ Людвигъ, не имѣвъ времяни за

многими неспособностями говоришь откровенно, отложили изъясненіе до другаго дня. Ночь препроводили они очень безпокойно. Эльвира представлялась воображенію ихъ со всѣми своими прелестьми, и принуждала слѣдовать той страсти, которая влекла ихъ въ вѣчную къ ней неволю. Пардо во всю ночь разсматривалъ пристально портретъ ея, и восхищаяся онымъ признался самъ себѣ, что нѣтъ для него на свѣтѣ болѣе счастія, какъ владѣть ею. Донъ Людвигъ чувствуя равномѣрной жаръ, предпріялъ скоряе открыть любовь свою Мендоцѣ, и просить его о дочери. Влюбясь пламенно въ Эльвиру, не могъ спокойно видѣть портретъ ея въ рукахъ другаго, и намѣрился съ Дономъ Алварецомъ размѣниться на перстень, не имѣя нималаго подозрѣнія, чтобъ другъ его на то не согласился. Пардо напротивъ того не опасаясь нимало своего друга, предпріялъ употребить всевозможныя старанія къ снисканію любьви Элвириной, и отъ отца ея брачнаго соизволенія. Онъ выбралъ Дона Людвига своимъ стара-

рате-

рателемъ въ сватовствѣ, и сїе почиталъ себѣ за удовольствїе, что будетъ друга имѣть повѣреннымъ.

Въ таковыхъ размышленїяхъ засталъ день влюбившихся друзей. Алварецъ намѣряся итти къ Дону Людвигу, одѣвался съ поспѣшностїю; но въ самое то время увидѣлъ его вшедшаго къ нему въ спальню. Обнявши другъ друга по обыкновенїю, началъ Донъ Алварецъ говорить: ты меня предупредилъ, любезной Людвигъ. Не взирая на вчерашнее веселїе, кажется мнѣ, будтобъ сто лѣтъ не видался я съ тобою: ибо не могъ безъ помѣшательства вчерась тебѣ открыться. Я то же самое чувствую, отвѣтствовалъ Донъ Людвигъ, и радуюсь упредивъ тебя посѣщенїемъ. Да не ужьли, продолжалъ онъ улыбаясь, должны просители предупреждать тѣхъ, отъ кого они что ни есть получить надѣются? И когда тому такъ быть должно, то какъ ли бы не поспѣшалъ я притти сюда, только не могъ бы довольно рано встать для испрошенїя у тебя такой милости, отъ которой все мое благополучїе зависитъ.

Надлежитъ ей состоять изъ чего ни-есть со всѣмъ невозможнаго, отвѣтствовалъ Донъ Алварецъ, есть ли я откажу тебѣ. Мнѣ самому весьма нужно, продолжалъ онъ съ ласковымъ видомъ, снискать твою благосклонность; ибо имѣю до тебя такую прозьбу, которая можетъ быть не менѣе твоей важна мнѣ. Откройся безъ околичностей, и скажи, что я для тебя могу здѣлать? Ты тѣмъ безъотговорно обяжешь себя къ исполненїю моего прошенїя. То, о чемъ я друга моего просить буду, для него очень легко исполнить, отвѣтствовалъ Донъ Людвигъ, а для меня весьма важно. Будучи друзьями не спорывали мы никогда между собою о чести, продолжалъ онъ; и я тебѣ побѣду вчерашную съ радостїю уступаю, надѣяся, что она была единственнымъ твоимъ желанїемъ. Напротивъ того здѣлай и ты мнѣ удовольствїе; возми отъ меня перстень Эльвиринъ, а вмѣсто его отдай мнѣ портретъ ея. О боже! перервалъ Донъ Алварецъ рѣчь его отступивъ нѣсколько шаговъ. Что? мнѣ отдать тебѣ пор-

портретъ Эльвиринъ? Нѣтъ! любезной Падилло; требуй лучше моей жизни. Въ сей часъ готовъ я тебѣ жертвовать ею; но не надѣйся, чтобъ я когда нибудь упустилъ изъ рукъ моихъ такое сокровище, которое мнѣ жизни миляе.

Какъ! вскричалъ Падилло съ досадою! ты любишь дочь Мендоцову? Не только что люблю, но и обожаю, отвѣтствовалъ Пардо. Я хотѣлъ тебя о томъ увѣдомить, и просить отъ тебя помочи. Прозьба твоя, говорилъ Донъ Людвигъ, будетъ столько же мало имѣть успѣху, какъ и моя. Падилло равно съ тобою любитъ молодую Мендоцу, и будетъ тебѣ во обладанiи ею спорить до потерянiя жизни. Выговоривъ сiи слова, вышелъ онъ съ свирѣпымъ видомъ, и оставилъ Алвареца въ наичувствительнѣйшей печали. Великодушной Пардо, привыкши къ тесному съ Падилломъ обхожденiю, ощущалъ несказанное огорченiе въ потерянiи его дружбы. Онъ сравнивалъ оную съ страстною своею любовiю, которая производила раздоръ между ими, и хотѣлъ

тѣмъ преодолѣть себя. Но по многомъ размышленіи не находилъ никакого другаго къ тому способа, кромѣ того, чтобъ престать любить Эльвиру; чего никакъ не могъ здѣлать. Потомъ говорилъ онъ самъ въ себѣ: *Я вижу, что непремѣнно вѣчная злоба, по тесной нашей дружбѣ, между нами воспослѣдуетъ. Но при всемъ томъ не буду я перьвымъ нарушителемъ оной; а буду обходиться съ Падилломъ по прежнему; допущу его искать супружества Эльвирина; а притомъ съ своей стороны употреблю всѣ возможности къ полученію предъ нимъ преимущества.*

Мендоца имѣя великія дарованія, не былъ невольникомъ строгихъ обычаевъ своего отечества. Домъ его былъ всѣмъ тѣмъ отворенъ, чьи отличныя добродѣтели и разумъ были ему извѣстны. Сіе дѣлалъ для того, чтобъ Эльвира избрала сама достойнаго себѣ супруга. Узнавши Дона Людвига и Дона Алвареца, провѣдалъ и то, что они своимъ разумнымъ поведеніемъ сыскивали себѣ свободной входъ въ такіе домы,

гдѣ самую уединенную жизнь вели. Желая имѣть съ ними знакомство, просилъ ихъ въ день бывшаго торжества о посѣщенїи себя, и чтобъ обходились съ нимъ безъ околичностей. Огорченные любовники, желая сїе привѣтствїе употребить въ свою пользу, пошли къ нему въ день бывшаго между ими разговора. Алварецъ пришелъ прежде, и какъ онъ во всемъ былъ скромнѣе Дона Людвига, такъ не могъ никто во всѣхъ разговорахъ о его солюбовникѣ ничего такого примѣтить, чтобъ хотя малую холодность и перемѣну открыть могло. Будучи весьма честенъ, не хотѣлъ уничтоженїемъ достоинствъ своего солюбовника умножить свои: а напротивъ того говорилъ онъ о Людвигѣ съ такою похвалою, что въ Мендоцѣ и Эльвирѣ произвелъ къ себѣ почтенїе, и они здѣлали ему за благородное его поведенїе лучшей прїемъ, нежели до того оказывали. Хотя обѣихъ друзей по всѣмъ слухамъ почитали равныхъ достоинствъ, только Алварецу начали тогда давать предъ Дономъ Людвигомъ преимущество.

Счастливое сїе предваренїе подкрѣплялъ онъ своимъ разумомъ и учтивою поступкою, коея и благопристойность требовала имѣть при первомъ посѣщенїи. Ласковое Эльвирино съ нимъ обхожденїе подавало ему надежду быть любимымъ. Будучи поощряемъ сею надеждою, здѣлался онъ больше любьви достоинъ, и страстные его взоры весьма хорошо въ пользу ему говорить умѣли. Хотя онъ о своей любьви прекрасной Эльвирѣ не промолвилъ ни одного слова, однако она разговоръ очей его довольно разумѣла; ибо все то пристально примѣчала, что они ей являли. Но въ самой лучшей для Алвареца часъ, доложили о прїѣздѣ Дона Людвига. Мендоца принялъ его также ласково какъ и Парда; но Эльвира увидѣвъ его не оказала столько радости, какъ при входѣ Дона Алвареца.

Вдругъ стала она смутна и задумчива, и хотя съ учтивостїюжъ ему поклонилась, однако съ такою холодностїю, которую Падилло примѣтилъ. Злоба его противъ Пардо и такъ ужѐ была велика, но присут-

присутствїемъ онаго въ семъ домѣ еще болѣе умножилась, и ввергнула его въ несносное огорченїе. Онъ казался отъ того ужасно смущеннымъ, и неудовольствїе свое явно оказывалъ; за что никто не хотѣлъ его сравнить съ Алварецомъ.

Сей разумной дворянинъ, не хотя раздора своего здѣлать явнымъ, уступилъ ему свое мѣсто, которое имѣлъ до его приходу сидя возлѣ Эльвиры. Удалясь отъ нихъ сѣлъ онъ въ такомъ разстоянїи, чтобъ Донъ Людвигъ могъ вольно съ нею разговаривать. Но сей раздраженной соперникъ, вмѣсто благодарности за сїю учтивость надъ нимъ лишь смѣялся, и давалъ колкою шуткою разумѣть, что конечно почелъ онъ самъ себя недостойнымъ онаго мѣста: ибо уступилъ его съ такою тороплывостїю. Я бы тебѣ онаго, продолжалъ онъ, отнюдъ не уступилъ прежде потерянїя моей жизни. Донъ Алварецъ отвѣтствовалъ на сїю обиду весьма снисходительно, однако съ такимъ видомъ, которой показывалъ, что онъ себя благопристойностїю принуждаетъ.

Мен-

Мендоца и прекрасная Эльвира, дивясь поступкамъ Дона Людвига, старались безъ успѣху перемѣнить разговоръ ихъ. Падилло безпрестанно всѣму тому смѣялся, что до Дона Алвареца принадлежало. Напослѣдокъ столь далеко разпространилъ свою шутку, что благоразумной Пардо, боясь вытти изъ терпѣнія, и дабы противъ должнаго Эльвирѣ почтенія не здѣлать непристойности, намѣрился пойти въ садъ. Онъ подозвалъ туда съ собою одного изъ бывшихъ гостей, подъ тѣмъ видомъ, будтобъ хочетъ посмотрѣть расположеніе онаго; а тотъ примѣтя въ немъ смущеніе, охотно согласился здѣлать ему товарищество.

Бѣседа была при Эльвирѣ тогда многолюдна; а какъ и ей разговоры Падилловы становились ужѐ въ тягость, то спросила она гостей, не хотятъ ли они въ садъ прогуляться? на что всѣ охотно согласились. Сія красавица льстилась при гуляньѣ такимъ образомъ раздѣлиться, чтобъ сыскать средство избавиться отъ Дона Людвига; но онъ надѣяся тамъ

тамъ способнѣе съ нею разговаривать, просилъ у нее руки.

Графъ Мендоца по выходѣ Алварецовомъ, пошелъ въ слѣдъ за нимъ, и поручилъ гостей дочери и сестрѣ своей. Онъ желалъ узнать причину видимаго между сими дворянами несогласія, о коихъ тѣсной дружбѣ вездѣ говорили. Пришедъ туда, нашелъ Алвареца въ лавровой бѣседкѣ, гдѣ онъ сидѣлъ съ своимъ товарищемъ. Приближась къ нему съ пріятнымъ видомъ, говорилъ: храброй Пардо! извини мое любопытство; оно происходитъ отъ того, что я отмѣнное къ тебѣ предъ твоимъ другомъ имѣю почтеніе. Я нахожусь въ Гранадѣ столь короткое время, что никого здѣсь инако, какъ только по слуху, не знаю. Вы съ Падилломъ приводили меня въ восхищеніе своею похвальною дружбою, и я слышалъ, что она изъ давныхъ лѣтъ васъ соединяетъ. Вчерась видѣлъ я самъ тому доказательство, когда вы при бывшемъ рыцарствѣ не хотѣли другъ съ другомъ спорить о преимуществѣ. Сей вашъ поступокъ вкоренилъ въ меня о васъ обѣ-

ихъ

ихъ превосходное мнѣнїе. Однако я не могу отъ тебя скрыть, что другъ твой со всѣмъ отличнаго съ тобою кажется мнѣ нраву, и его разговоры чрезмѣрно меня раздражили. Я хвалю твой разумъ, почитаю себя за то обязаннымъ, и надѣяся быть когда ни есть твоимъ другомъ, осмѣливаюсь теперь спросить тебя, не былоль у васъ послѣ вчерашняго дня какой ссоры, и какая была тому причина? Донъ Аларецъ невоображая себѣ сего вопроса, не зналъ сперьва, что отвѣтствовать. Хотя сей случай былъ ему весьма удобенъ, для открытїя любьви своей; однако онъ будучи нѣжно влюбленъ, ставилъ за непристойность такъ скоро, и непоказавъ Эльвирѣ услугъ, открыться отцу ея. Притомъ почиталъ онъ за должность, для прежней Падилловой дружбы, быть нѣсколько молчаливымъ. Сїи разсужденїя ввергнули его на нѣсколько минутъ въ смущенїе; но сколь скоро одумался, то сказалъ Мендоцѣ: Милостивой государь! честь, которую вы мнѣ оказываете, не допускаетъ меня

скрыть

скрыть того предъ вами, что Донъ Людвигъ показываетъ причину быть мною недовольнымъ. Не таюсь и въ томъ, что я самъ предвижу скорой и совершенной разрывъ нашей дружбы, да можетъ быть и теперь ее нѣтъ больше межъ нами; только въ этотъ разъ прошу меня не принуждать болѣе къ открытїю нашей тайны, и притомъ мнѣ повѣрить, что сїя прозьба произходитъ отнюдь не отъ того, чтобъ я не имѣлъ къ вамъ довѣренности и почтенїя. Вѣрьте, милостивой государь! что я единственно для того говорю сїе, ибо почитаю себя недостойнымъ, имѣть повѣреннымъ своимъ свѣтлѣйшаго Мендоцу.

Графъ хотѣлъ было отвѣтствовать, но приближенїе гостей въ томъ ему помѣшало. Размышляя нѣсколько о словахъ Алварецовыхъ, понялъ онъ наконецъ изъ нихъ часть справедливости. Къ пущему его увѣренїю, удалось ему невзначай примѣтить нѣкоторые взоры соперниковъ, кои заставляли его думать, что Эльвира была причиною ихъ несогласїя. Да притомъ усмотрѣлъ

онъ

онъ великое смущенïе изъ глазъ Дона Людвига и своей дочери, при ихъ къ нему приближенïи, и изъ того заключилъ, что скромность Падиллова не такъ была ограничена, какъ Пардова. Хотя онъ несказанно желалъ узнать причину Эльвирина безпокойствïя, но видя себя тогда не въ такомъ мѣстѣ, гдѣбъ можно было получить о томъ изъясненïе, скрылъ происходящее въ своихъ мысляхъ. Возъимѣвъ къ Дону Алварецу больше, нежели къ Дону Людвигу, склонности, желалъ онъ, чтобъ и Эльвира никому, кромѣ его, не понравилась, и чтобъ Падилло не помѣшалъ ему имѣть Алвареца своимъ зятемъ. Но какъ ли онъ ни желалъ союза Пардова, однакожъ предвидѣлъ, что долженъ будетъ отказать обѣимъ, и не допустить тѣмъ до несогласïя два знатнѣйшïе въ Гранадѣ дома. Сïи размышленïя привели его въ безпокойствïе, да и Эльвира казалась весьма смутною, отъ чего становились разговоры очень слабы. Всѣ гости думали, что ихъ присутствïе тому виною, и для того

того по домамъ разходились. Алварецъ вышелъ прежде всѣхъ, а оставшіе гости по нѣсколькихъ минутахъ также разъѣхались; по чему и Донъ Людвигъ видѣлъ себя принужденнымъ слѣдовать ихъ примѣру. Откланявшись Эльвирѣ, растался онъ съ нею, а она для многихъ причинъ давно ужѐ того желала.

Сія красавица, чувствуя нѣсколько любьви къ Алварецу, мысленно тѣмъ восхищалася, что нашла его разумна и любьви достойна. Язвительныя Людвиговы словà подкрѣпляли ее въ любви къ Парду. Она была дерзостью Падилловою, кою оказалъ онъ открытіемъ своей любьви, приведена со всѣмъ противъ его въ ненависть, и намѣрилася дать преимущество тому, кто молчать умѣлъ. Ревностію раздраженной Людвигъ, гуляя въ саду, твердо думалъ, что Алварецъ открылъ Эльвирѣ любовь свою; по чему столь хитро располагалъ шаги, что удалилъ ее очень далеко отъ гуляющихъ съ ними, и сыскалъ способъ безъ всякаго помѣшательства съ нею разговаривать. Тутъ не упуская

случая, говорилъ ей: я нещастливъ, сударыня, что Пардо предупредилъ меня открыть вамъ ту жестокую любовь, коею прекрасная Эльвира насъ воспламенила, и которая разорвала союзы дружбы нашей. Соперникъ мой во всемъ меня счастливѣе; получа преимущество предо мною въ награжденiе за храбрость, имѣлъ онъ и то удовольствiе, что прежде меня вамъ изъяснился.

Молодая Мендоца, удивясь несказанно отважному сему открытiю, взглянула на него съ презрѣнiемъ. Донъ Алварецъ, говорила она ему, не имѣлъ со мною такихъ разговоровъ; и я не могу понять, съ чего и вы отважились столь дерзко говорить мнѣ? Моя несказанная любовь и отчаянiе, въ коихъ я теперь нахожусь, къ тому меня принудили, отвѣчалъ Падилло; ибо имѣю я солюбовника въ лучшемъ моемъ другѣ. Я знаю, продолжалъ онъ, что открытiе мое очень скоропостижно; мнѣ ненадлежало бы прежде здѣланiя многихъ заслугъ изъясняться; но какъ я женидьбу окончанiемъ моего желанiя имѣю, и не-

несказанно опасаюсь моего солюбовника, то для того не мѣшкая ни мало, былъ принужденъ вамъ открыться. Алварецъ обладая вашимъ портретомъ, желаетъ и сердца вашего; но прежде должно ему отнять жизнь мою, или я разлучу его съ вами на вѣки. Эльвира угрозами Дона Людвига огорченная, отвѣтствовала ему съ холодностію: Я очень мало беру участія въ моемъ *портретѣ*; чтожъ принадлежитъ до моего сердца, такъ состоитъ оно въ полной власти моего родителя, съ которымъ должны вы объ немъ спорить. Съ сими словами оставила она его удалясь къ гуляющимъ въ саду, и тѣмъ разговоръ *пресѣкла*; и тогда то примѣтилъ Мендоца ихъ смущеніе. Увѣренъ будучи о добродѣтели своей дочери, не сумнѣвался онъ въ справедливомъ отъ нея отвѣтѣ, естьли о томъ спрашивать ее будетъ. Сколь скоро увидѣлъ способное къ разговору время, то не медля просилъ Эльвиру, дабы увѣдомила его, не открылъ ли ей Людвигъ притчину своего съ Пардомъ несогласія.

Мо-

Молодая Мендоца, чувствуя непреодолимую ненависть къ Падиллу, была вопросомъ своего родителя очень довольна, и радовалась, что нашелся случай открыть ему Людвигову дерзость. Она разсказала весь разговоръ бывшей между ими, и просила, чтобъ никогда не допускалъ ихъ въ ея покои.

Мендоца обѣщалъ оное исполнить, и видя, что Алварецъ наблюдая благопристойность не открылся, началъ за то почитать его больше прежняго. Но при всемъ томъ не отмѣнилъ своего намѣренія, дабы никому изъ нихъ не отдавать Эльвиры, ибо не хотѣлъ быть причиною ихъ несогласія, и имѣть непріятелями ихъ сродниковъ. Будучи прозорливъ, видѣлъ онъ, что нѣтъ еще ему никакой нужды о томъ беспокоиться, и льстился, что такая летучая любовь скоро минуется, и солюбовники примирятся. Надѣяся на сіе, предпріялъ онъ спокойно скрывать свои мысли до тѣхъ поръ, пока не начнутъ они сватагься.

Не долго надлежало ему скрывать оное. Нетерпѣливый Людвигъ препроводилъ ночь отъ жестокой своей ревности въ такомъ мучительномъ состоянїи, что не зналъ ни чѣмъ, кромѣ сватовства Эльвиры отъ того свободиться. Уповая на знатность природы и великое свое богатство, думалъ онъ склонить Мендоцу къ предпочтенїю себя предъ Пардомъ, коего состоянїе не столь было знатно. Онъ хотѣлъ застать Графа безъ свидѣтелей, и для того пошелъ къ нему безъ замедленїя. Мендоца хотя и понялъ причину его посѣщенїя, однако впустилъ въ кабинетъ къ себѣ; а Падилло вошедши, началъ говорить сими словами: *Милостивый государь!* я хочу васъ просить о несравненной вашей дочери, которая одна только въ состоянїи здѣлать жизнь мою благополучною. Хотя она красотою, добродѣтельми и рѣдкими дарованїями превосходитъ всѣхъ тѣхъ, кто можетъ льститься ея супружествомъ; однако я беру дерзновенїе просить васъ о ней, и думаю, что вы меня не почтете недостойнымъ

имяни вашего зятя. Природа моя знатна, и небо наградило меня такимъ иждивенїемъ, коимъ могу себя содержать по своему достоинству; и потому осмѣливаюсь вступить въ союзъ съ вами. Я хочу все мое богатство, и мое отъ страстной любьви всплamененное сердце вручить прекрасной Эльвирѣ въ вѣчное обладанїе.

Донъ Людвигъ одаренъ былъ всѣмъ тѣмъ, что человѣка любьви достойнымъ здѣлать можетъ, и Мендоца не сравнивая съ нимъ Алвареца, не безъ труда бы могъ отказать ему въ Эльвирѣ. Но какъ онъ вспыльчивость своего нраву, при перьвомъ свиданїи явно доказалъ, и Эльвиру привелъ къ себѣ въ ненависть; то не трудно было старому Графу на прозьбу его отвѣтствовать. Онъ предпрїялъ непремѣнно исполнить свое намѣренїе, и сказалъ ему въ отвѣтъ: Государь мой! я принимаю ту честь, которую вы мнѣ оказать хотите, съ особливымъ почтенїемъ; и естьли бы имѣлъ намѣренїе Эльвиру выдать въ Гранадѣ за мужъ, то поступилъ бы про-

противъ родительской любьви, колибъ ее за кого нибудь, кромѣ храбраго Падилла, выдалъ. Но я имѣю весьма важныя причины, чтобъ ее ни за кого такъ скоро не выдавать; да притомъ не вѣдаю и того, сколь долго мнѣ здѣсь пробыть можно. Я принужденъ для нѣкоторыхъ важныхъ обстоятельствъ, принадлежащихъ по большей части до моей дочери, безъ замедлѣнія ѣхать въ *Минорку*, и прежде моего оттуда возвращенія не могу ни кому обѣщать ее. Сверьхъ того, люблю я ее много, и не хочу принуждать къ замужству, къ чему въ ней ни малой склонности не вижу. И такъ извините меня въ томъ, что принужденъ вамъ отказать, и просить о оставленіи вашего намѣренія. Какъ! вскричалъ Падилло, вы отказываете мнѣ въ Эльвирѣ? Я понимаю очень ясно, отъ чего происходитъ мнѣ сія обида. Алварецъ, будучи счастливѣе меня, открылъ вамъ любовь свою съ успѣхомъ, и вы пронзаете грудь мою, дѣлая ему предо мною преимущество. Однако будьте увѣрены, что я не до-

пущу его быть свидѣтелемъ моего несчастія.

Донъ Алварецъ, отвѣтствовалъ Мендоца съ досадою, не говорилъ мнѣ о томъ ни одного слова; и естьли то правда, что Эльвира ему понравилась, то почитаю я себя за его молчаливость много обязаннымъ. Да вы, государь мой, продолжалъ онъ принявъ на себя важной видъ, по чему берете смѣлость мнѣ за то выговаривать? Я не долженъ ни кому отчетомъ въ моемъ поведеніи; а вы еще весьма молоды, и имѣете о своихъ поступкахъ очень мало попеченія. Слѣдуйте искреннему моему совѣту, и не здѣлайте Эльвиру причиною вашего раздору. Естьлижъ хотите пріобрѣсть ея благосклонность, то должны вы оба равное имѣть стараніе въ сохраненіи ея чести, а выборъ отдать ей въ полную волю.

Тому, кто приготовился, отвѣчалъ Людвигъ смягча свою вспыльчивость, эдакимъ образомъ говорить не трудно. Я предвижу мою судбину, отъ васъ мнѣ назначенную; но соперникъ мой не долго будетъ наслаждаться

ждаться своею побѣдою. Съ сими словами пошелъ онъ поклонившись низко, и изъ глазъ его блистала злоба и отчаяніе. Мендоца опасаясь дѣйствія его ревности, пошелъ тотъ же часъ къ Алварецу, которой приготовлялся къ нему итти. Влюбившейся Гранадецъ несказанно удивился приходу Мендоцову, и почтя оной дѣйствіемъ дружбы, началъ было съ нимъ учтивостію наполненной разговоръ; но Графъ обнявши переревалъ рѣчь его, и говорилъ: Алварецъ! твой соперникъ не столько скроменъ, какъ ты; онъ открылъ мнѣ сего дня любовь вашу: но будь увѣренъ, что я отдаю справедливость твоему поведенію, и различаю тебя съ Людвигомъ. Я доказалъ ему оное отказомъ въ моей дочери; а напротивъ того за великую бы почелъ себѣ радость, естьлибъ могъ тебя соединить съ нею. Только какъ ли я ни желаю союза съ тобою, однако предвижу, что ускорю тѣмъ твою погибель. Падилло въ несказанномъ теперь отчаяніи; и естьли отдамъ я за тебя Эльвиру, то не можно

вамъ будетъ обойтися, не употребя другъ противъ друга своего оружїя. Онъ нападетъ на тебя, а ты будешь обороняться: смерть котораго нибудь изъ васъ, приведетъ меня въ великое безпокойствїе, изъ коего мнѣ освободиться будетъ не можно. Родъ твой знатенъ, но Людвиговъ въ томъ тебя превосходитъ: и мы скоро увидимъ кровавую войну между вами, ежели я соглашусь здѣлать тебя зятемъ. Когдажъ раздоръ сей воспослѣдуетъ, то должно мнѣ будетъ, мстя или защищая тебя отъ нападенїя, имѣть въ немъ участїе. Однако, любезной Алварецъ, я не хочу тебѣ равно какъ и Людвигу отказать въ Эльвирѣ; но прошу только притвориться, будтобъ ты о ней больше не думаешь. Симъ способомъ можемъ мы утолить гнѣвъ Падилловъ, и принудить его забыть Эльвиру; что непремѣнно послѣдуетъ, естьли увидитъ онъ себя лишеннымъ всея надежды. Когда ты въ семъ намѣренїи со мною согласенъ, то даю тебѣ теперь же мое слово, что Эльвира никого мужемъ,

кромѣ

кромѣ тебя, имѣть не будетъ. Ахъ! милостивый государь, вскричалъ Алварецъ; какое смѣшенїе радостей и печали предлагаете вы страстному моему сердцу! коли ужѐ несправедливой Людвигъ открылъ вамъ эту страсть, о коей я до того времени молчать хотѣлъ, покуда не здѣлаюсь достойнымъ взаимной любьви Эльвириной; такъ не буду и я больше таиться. *Я* люблю дочь вашу, и клянусь, что благополучїе моей жизни, зависитъ только отъ обладанїя ею. Ежели же вы, милостивый государь! въ правду такъ ко мнѣ благосклонны, что почитаете пламя мое справедливымъ, то какъ можете требовать, что бы я чести и любьви моей вредными поступками, здѣлался союза вашего недостойнымъ? Не ужь ли бы не узнали всѣ люди по моему поведенїю, что я моею терпѣливостїю убѣгаю лишь отъ сраженїя, и что робость нудитъ меня скрывать прямыя мои мысли? Послѣ сего можно ли вамъ дочь вашу отдать за такого человѣка, которой обесчестилъ себя подлыми поступками.

Нѣтъ, милостивый государь, я къ сему не способенъ. Почтенїе можетъ меня принудить къ скромности противъ любьви достойной Эльвиры, но ничто не можетъ склонить къ понесенїю обиды отъ Людвига. Любовь моя ему извѣстна, и я никогда не здѣлаю ничего такого, по чемубъ могъ онъ думать, что сердце мое перемѣнилось. Однако въ томъ могу васъ увѣрить, что не буду перьвымъ нарушителемъ нашей дружбы; а буду всевозможно стараться убѣгать отъ всѣхъ случаевъ, которые могутъ привесть насъ до крайности. Но когда мой соперникъ отважится здѣлать на меня нападенїе, тогда почту я его такимъ непрїятелемъ, которой смерти моей ищетъ, и такимъ, противъ коего честь и любовь велятъ мнѣ сбороняться. Только къ чему сїя медлѣнность? Развѣ не въ вашей состоитъ волѣ, продолжалъ онъ, проливая слезы, выбрать меня своимъ зятемъ? Можно ли статься, чтобъ презрительная злоба перемогла власть вашу? Не ужъ ли вы подлинно надѣетесь, что Па-

дилло умедлѣнїемъ моего благополучїя исправится? Нѣтъ, милостивый государь! вы сами дѣлаете меня несчастнѣйшимъ человѣкомъ, отдаляя мое благополучїе. Не взирая на всю вашу предосторожность, увидите вы Людвига спустя долгое время, столько же злобнымъ и несправедливымъ, какъ и теперь. Естьли я дѣйствительно столь счастливъ, что ваше намѣренїе въ пользу мою клонится, такъ не медлите моимъ благополучїемъ. Сей только одинъ способъ можетъ воздержать вспыльчивые Людвиговы поступки. Потерявъ всю надежду, и увидя меня супругомъ Эльвиры, не отважится онъ никогда вооружиться на такую жизнь, съ которою ваша и ея соединится: ибо не льзя ему будетъ ласкаться обладанїемъ вашей дочери, естьли умертвитъ меня.

Мендоца понялъ изъ сей рѣчи, что ему преодолѣть честь Алварецову столькожъ труда имѣть надобно, сколько въ утоленїи гнѣва Людвигова; и для того помышлялъ нѣсколько минутъ, какъ бы посту-

 пить

пить ему. Наконецъ непремѣнно намѣрился остаться въ своемъ предпріятіи, и повторилъ Парду свое обѣщаніе, съ тою прозьбою, чтобъ цѣлую недѣлю не посѣщалъ его, и остерегался бы дойти до крайности съ своимъ соперникомъ. Симъ поступкомъ, любезной Алварецъ, говорилъ къ нему Мендоца, всеглишь ты въ меня пущшее къ себѣ почтеніе, и тѣмъ можешь получить Эльвиру. Пардо будучи страстно влюбленъ, не могъ возпротивиться такому повелѣнію, отъ котораго ожидалъ всего своего благополучія. Обѣщалъ все то исполнить, что Мендоца отъ него требовалъ, и благодарилъ его за предпочтеніе съ такою преданностію, которая доказывала ясно любовь его къ Эльвирѣ. Послѣ того разстались они съ довольною съ обѣихъ сторонъ учтивостію и ласкою, Мендоца намѣряся произвесть въ дѣйство свой вымыселъ, а Алварецъ, въ пріятной надеждѣ быть скоро счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

Падилло находился со всѣмъ въ отмѣнномъ состояніи. Онъ вышелъ изъ

изъ дому Мендоцова съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ сыскавъ своего соперника принудить его къ сраженію. Но по выходѣ встрѣтился съ однимъ изъ друзей своихъ, которой разговаривая съ нимъ долгое время, и примѣтя въ немъ великое безпокойствіе, не давалъ ему до тѣхъ поръ покою, пока онъ не открылъ ему своего состоянія, и того, что намѣрился умертвить Алвареца. Другъ его удивился несказанно, что столь долговременная дружба рушилась, и помышлялъ, какимъ бы образомъ отвратить Людвига отъ исполненія гнуснаго сего предпріятія. Хотя сіе и трудно было, однако умѣлъ онъ усмирить вспыльчивой и гордой нравъ Падилловъ, а напослѣдокъ и со всѣмъ его успокоилъ, обнадежа просить за него Мендоцу со всѣми своими друзьями. Разставшись съ нимъ взялъ съ него клятву, чтобъ недождавшись успѣховъ отъ его предпріятія, не дѣлать на Алвареца нападенія.

Такимъ образомъ бывшіе друзья, одинъ для здержанія даннаго другу своему слова, а другой повинуясь во-

лѣ Мендоцовой, старались столь рачительно убѣгать отъ свиданія другъ съ другомъ, какъ прежде того желали быть неразлучно. Сія перемѣна такъ явна была, что сродники и друзья съ обѣихъ сторонъ ее примѣтили. Каждой бралъ ту сторону, къ коей больше былъ привязанъ, и въ три дни почти вся Гранада раздѣлена была на двѣ части. Но при всемъ томъ добродѣтель и разумъ Алварецовъ, удерживалъ обѣ стороны въ умѣренномъ спокойствіи. Онъ вездѣ говорилъ о своемъ солюбовникѣ съ почтеніемъ, и оказывалъ несказанное желаніе съ нимъ примириться. Другъ Дона Людвига старался сію тишину употребить въ свою пользу, и не упустилъ ничего, чѣмъ бы могъ доказать Мендоцѣ преимущества союза Падиллова. Но сей старой Графъ, имѣя въ мысляхъ свое предпріятіе, поступалъ съ нимъ, не давая ему ни надежды, ни отказу, и склонилъ его также на недѣльной срокъ: а соперники льстясь надеждою получить Эльвиру, дали спокойно пройтить назначенному времяни.

Донъ

Донъ Алварецъ по прошествїи онаго не находилъ никакого препятствїя увидѣться съ Эльвирою, и желая нетерпѣливно узнать свою долю, пошелъ не медля нимало въ домъ Мендоцовъ: но въ какуюжъ печаль и смущенїе былъ ввержень, не нашедъ въ немъ никого, кромѣ Элеоноры, сестры Мендоцовой. Она увѣдомила его, что братъ ее пятой ужѐ день уѣхалъ въ Минорку, отъ куда прежде трехъ лѣтъ возвратиться не можетъ. Не скрыла она и того, что онъ за тѣмъ только туда и отправился, дабы помирить ихъ съ Людвигомъ. Сїе почиталъ онъ единственнымъ средствомъ, продолжала она, къ излѣченїю васъ отъ такой страсти, которая вѣчныя бѣды дочери его приключить можетъ.

Вѣдомость сїя была для Алвареца громовымъ ударомъ. Все слышанное почиталъ онъ привидѣнїемъ, и въ справедливости онаго долго сумнѣвался. Но какъ сїя госпожа въ томъ его совсѣмъ увѣрила, то пришелъ онъ въ неописанное отчаянїе. Мендоца былъ виною его несчастїя.

Онъ обвинялъ его нездержанїемъ слова, называлъ поступокъ сей обманомъ, и осыпалъ сего почтеннаго мужа весьма язвительными выговорами, которыя для него были неприличны. Потомъ спустя нѣсколько минутъ стыдился своей вспылчивости, и думалъ, что причинилъ Эльвирѣ ужасную обиду, хуля поступокъ ея родителя. Чего ради обратилъ весь свой гнѣвъ на Дона Людвига, коего солюбовничество было виною его злополучїя. Единственную отраду находилъ себѣ въ томъ, что уповалъ за то отмстить ему. Съ симъ намѣренїемъ оставилъ онъ домъ Мендоцовъ въ такомъ бѣшенствѣ, въ какомъ бываетъ человѣкъ ума лишившейся, и пылая мщенїемъ пошелъ искать Падилла, не взирая на увѣщанїе тетки Эльвириной. Выходя изъ дому Мендоцова встрѣтился съ своимъ соперникомъ, и хотя очень блиско его шелъ, однако въ такой глубокой былъ задумчивости, что его не примѣтилъ. Падилло напротивъ того увидѣлъ Алвареца, но нетерпѣливно желая

быть

быть у Графа, не старался примѣчать его смущенія. Между тѣмъ Элеонора раставшись съ Алварецомъ, опасалась равномѣрнаго беспокойства и отъ Людвига; а дабы отъ того избавиться, приказала въ туже минуту всѣмъ своимъ служителямъ, чтобъ Людвига къ ней не впускали, а объявили бы ему, что Мендоца съ Эльвирою уѣхали. Легко понять можно, какую досаду почувствовалъ Падилло отъ сего отказа. Будучи гораздо вспыльчивѣя Алвареца, пришелъ отъ того въ неописанную ярость, и несумнѣнно заключилъ, что Мендоца согласясь съ Пардомъ уѣхалъ въ Минорку, и что его соперникъ скоро за нимъ отправится. Въ сихъ мысляхъ побѣжалъ онъ въ слѣдъ за нимъ, наполнясь злобою и отчаяніемъ.

Нагнавши его, кричалъ ему: Ежели ты столько храбръ, сколько вероломенъ, такъ поди со мною къ городовому валу. Алварецъ отвѣтствовалъ на то однимъ только свирѣпымъ взоромъ, и пошелъ въ назначенное мѣсто. Между тѣмъ, когда мщеніемъ пылающіе соперники

ки готовились прежнюю свою дружбу омыть въ крови своей, нѣкоторые друзья ихъ съ начала ссоры за ними присматривающїе, искали ихъ по всему городу. Они имѣли справедливую къ опасенїю причину, потому что Алварецъ и Людвигъ вышли безъ слугъ изъ домовъ своихъ; но труды ихъ были безплодны. Страхъ ихъ пуще усугубился, когда они въ городѣ соперниковъ найти не могли. Напослѣдокъ ходя по всѣмъ улицамъ соединились обѣ стороны вмѣстѣ, и намѣрились искать ихъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ предмѣстїя: но подошедъ къ городовому валу, поражены были удивленїемъ и печалїю, увидѣвъ Людвига на земли почти безъ дыханїя лежащаго; глаза у него были закрыты, а кровь изъ раны текла ручьями.

Увидя сїе позорище слезы потекли изъ очей ихъ, а отъ вздоховъ не могли они произнесть ни одного слова, и сїе препятствовало имъ помочь Людвигу: но потомъ утоля нѣсколько печаль свою, приближились къ нему, и получили нѣкоторую

торую въ жизни его надежду, примѣтя въ немъ теплоту и движенїе. Перевязавъ рану уняли теченїе крови, и помогали другъ другу несть его домой отдаленными улицами. Строгость законовъ о поединкахъ была въ то время столько опасна для него, какъ и для того, кѣмъ онъ былъ приведенъ въ сїе состоянїе, по чему должно имъ было стараться *о его безопасности.* А чтобъ сїе приключенїе было тайно, обязались они между собою клятвою, и въ народъ разгласили, будто бы разбойники его изранили, и будтобъ сїи злодѣи въ виду ихъ, спасая себя, ушли отъ него тогда, какъ они пришли къ нему на помочь.

Больше всего беспокоило ихъ то, что не могли найтить Алвареца, коего отлучка могла испортить весь ихъ вымыселъ. Но Донъ Людвигъ пришедъ въ память, подкрѣпилъ слова ихъ собственнымъ своимъ увѣренїемъ. Онъ говорилъ, что дѣйствительно разбойники на него напали; а по словамъ его никто въ семъ приключенїи болѣе не сумнѣвался. Много помогало и то друзьямъ

Люд-

Людвиговымъ , что родня Пардова имѣя въ утушенiи сего дѣла равномѣрное участiе, не жалѣла трудовъ и староанiй , дабы доказать , что Алварецъ выѣхалъ изъ Гранады вмѣстѣ съ Мендоцою. Словомъ , каждой столь хорошо притворялся , что напослѣдокъ о томъ вездѣ умолкли. Между тѣмъ о Донѣ Алварецѣ никакого не имѣли извѣстiя, и родственники его , не взирая на всѣ ихъ тайныя развѣдыванiи , не могли о немъ провѣдать ; однако объявляли своимъ знакомымъ, что отъ него изъ разныхъ мѣстъ очень часто письма получаютъ.

Въ то время , когда о утушенiи сего произшествiя съ обѣихъ сторонъ попечительно старались , получилъ Донъ Людвигъ , коего раны были несмертельныя , прежнее здоровье. Родственники и друзья его столь сильно принуждали его къ браку , что наконецъ почелъ онъ за долгъ въ томъ ихъ послушать. Родня его знала , что сего супружества любовiю произвесть не можно , и для того старалась сыскать такую особу , которая бы природою

дою и богатствомъ могла быть достойна наградить ему потерю Эльвирину. Хотя тогда много знатныхъ домовъ находилось въ Гранадѣ, кои сего союза желали, однако не было никакой невѣсты для Людвига приличнѣе ближней Алварецовой родственницы, которую звали Беатриксой. Сей союзъ оба дома почитали довольно сильнымъ къ опровержению всѣхъ подозрѣнiй, и пеклись съ толикимъ о томъ старанiемъ, что въ короткое время къ дѣйствительному привели окончанiю. Донъ Людвигъ, по шести мѣсяцахъ своего выздоровленiя, женился на Беатриксѣ де Пардо, которая по безнадежности о сысканiи Алвареца, почиталась наслѣдницею всего имѣнiя сея фамилiи. Отсудствiе Эльвиры и сiе супружество, изцѣлили со всѣмъ Падилла отъ прежнiя страсти, и онъ истребилъ всю ненависть къ своему сопернику, узнавъ, что никто не вѣдалъ, куда онъ дѣвался. Скоро потомъ прилагалъ и самъ всевозможные способы, чтобъ провѣдать о Алварецѣ; однако всѣ его развѣдыванiи

были

были напрасны, и сїе несказанную печаль ему причиняло. Наконецъ умножилась оная полученною въ Гранадѣ вѣдомостью о смерти Мендоцовой, и о разбитїи корабля Эльвирина. Разнесшїеся слухи увѣряли, что при семъ несчастїи, кое постигло Эльвиру тогда, какъ она по смерти отца своего хотѣла съ острова Минорки возвратиться въ Гишпанїю, и Алварецъ былъ съ нею. Всѣ его сродники несумнѣнно почли, что онъ погибъ же, и для того наложили на себя печальную одѣжду, а Беатриксу, супругу Людвигову, дѣйствительною обладательницею всего Пардова имѣнїя здѣлали.

Между тѣмъ произвело время, которое всѣ приключенїи на свѣтѣ уничтожаетъ, обыкновенныя свои дѣйствїи. Мендоца, Эльвира и Алварецъ были забыты, и ни о чемъ больше не помышляли, кромѣ умноженїя счастїя Людвигова, которой скоро долженъ былъ получить отцовское имя. Супруга его къ учрежденному времяни родила дочь, и оную назвали Беатриксоюжъ. Но

часъ

часъ рожденія сего младенца былъ для матери часомъ смерти, чрезъ что радость Людвигова несказанно уменшилась. Хотя любовь никакого участія въ супружествѣ ихъ не имѣла; однако Падилло былъ кончиною своей супруги чувствительно тронутъ. Добродѣтельная Беатрикса любя его страстно, во всемъ ему угождала, и тѣмъ пріобрѣла отъ него дружбу и почтеніе. Понеже сія утрата напоминала ему всѣ несчастіи со времяни разрыва дружбы Алварецовой случившіяся, и Гранада казалась ему такимъ мѣстомъ, которое изображало ежечасно минувшія его печали; чего ради предпріялъ онъ оставить сей городъ, и искать себѣ славы храбрыми дѣлами. Съ симъ намѣреніемъ отправился въ Кадиксъ, взявъ все свое имѣніе и дочь свою, которая тогда была въ колыбели. Пріѣхавъ просилъ онъ при дворѣ о позволеніи вооружить военной корабль, дабы на ономъ дѣлать поиски въ Средиземномъ морѣ надъ морскими разбойниками, тогда по всему морю разсѣянными. Получа на то соизволеніе,

нїе, продолжалЪ два года должность свою съ такимЪ успѣхомЪ, что привелЪ вЪ ужасЪ самыхЪ отважныхЪ разбойниковЪ. Хотя онЪ кЪ сраженїю и кровопролитїю ежегодно привыкалЪ; однако сердце его наполнено было несказанною нѣжностїю кЪ молодой Беатриксѣ.

Сей младенецЪ былЪ еще только трехЪ лѣтЪ, однако имѣлЪ уже такую красоту, что всѣхЪ приводилЪ вЪ удивленїе. ЛюдвигЪ обожалЪ дочь свою, и не находилЪ вЪ то время, когда вЪ море выѣзжать было не можно, ни вЪ чемЪ больше удовольствїя, какЪ вЪ овожденїи сЪ своею дочерью. Никогда не разставался онЪ сЪ нею безЪ пролитїя слезЪ и горѣстной печали. Сїя отеческая любовь много разЪ удерживала его отЪ выѣзду вЪ море, и наконецЪ столь жестоко вЪ сердцѣ его усилилась, что получила верьхЪ надЪ разумомЪ, и принудила взять сего младенца на корабль сЪ собою. Друзья и вѣрные домашнїе представляли ему ту опасность, которой младенецЪ такихЪ лѣтЪ вЪ военномЪ араблѣ подверженЪ быть

мо-

может. Они говорили, что с ним в один день может случиться то, чего в цѣлые три года не случилось. Например, разбитіе корабля, взятье в полон и протчія несчастіи; но ни какія увѣщаніи не могли отвратить Людвига от предпріятаго намѣренія. Положившись на счастіе до тѣх пор его защищавшее, приказал молодую Беатриксу с ея мамкою и нужными женщинами проводить в корабль. Потом вошел сам в него и пустился с великою радостію в море, ибо имѣл с собою то, с чѣм при всяком выѣздѣ разлучаясь, чувствовал печаль безпримѣрную. Морскіе разбойники приведены были от него в ужас, и боялись с ним встрѣтиться, от чего в нѣсколько мѣсяцов не приключилось ему ничего примѣчанія достойнаго. Сіе подавало ему повод говорить часто, что Беатрикса была его защитником против невѣрных. Но спустя нѣсколько недѣль, одним днем при заливах Королевства Фецскаго, напали на него два разбойническіе корабля у

сама-

самаго берега мѣстечка Тресъ-Форкатъ называемаго. Время было блиско вечера, и ночь начинала покрывать небо мрачными облаками.

Донъ Людвигъ увидя, что непріятельскіе корабли были въ довольномъ одинъ отъ другаго разстояніи, и что ближней бѣжалъ къ его кораблю распустя всѣ парусы, по чему намѣрился не упуская времени напасть на стремящейся къ нему. Онъ льстился побѣдить его прежде, нежели другой успѣетъ къ нему на помочь. Всего удивительнѣе было при семъ сраженіи то, что съ обѣихъ сторонъ не употребляли большаго оружія. Разбойникъ опасался выстрѣловъ пушечныхъ, для того что имѣлъ на кораблѣ любезнѣйшее для него сокровище; а Донъ Людвигъ съ своей стороны опасался того же для своей дочери. Они намѣрились сошедши здѣлать сраженіе, и схватившись крючьями бились долгое время. Людвигъ и начальникъ корабля Феццскаго, пылая равнымъ желаніемъ къ побѣдѣ, ободряли храбрыми примѣрами своихъ воиновъ, и оные подражая

ражая имъ всѣ героями казались. По двучасномъ сраженіи Падилло очистилъ себѣ путь на корабль разбойничей; но въ то же время вскочилъ и Турецкой начальникъ на его корабль съ храбрѣйшими изъ своихъ воиновъ, чего Людвитъ не примѣтилъ. Онъ поражалъ на Турецкомъ кораблѣ всѣхъ сопротивляющихся, и скоро овладѣлъ главною каютою, въ которой никого не нашелъ, кромѣ плачущихъ женъ, изъ коихъ у одной былъ на рукахъ младенецъ трехъ или четырехъ лѣтъ въ весьма богатой одѣждѣ. Увидѣвъ, велѣлъ тотчасъ отнять его, и вышелъ на палубу, дабы возвратиться въ корабль свой, не думая найти себѣ непріятеля. Но сколь великъ былъ его ужасъ и огорченіе, когда онъ усмотрѣлъ, что морской разбойникъ дѣлаетъ въ его кораблѣ такоежъ ужасное кровопролитіе. Поспѣшая туда рубилъ, кололъ и умерщвлялъ всѣхъ, кто чинилъ ему препятствіе, и скоро принудилъ Турковъ въ беспорядкѣ выпти изъ корабля своего. Въ неутолимой своей ярости хотѣлъ побѣду свою здѣ-

лать совершенною, и овладѣть непрїятельскимъ кораблемъ, для чего на оной и устремился; но въ самое то время поднялась ужасная съ громомъ и молнїею буря, и чрезъ нѣсколько минутъ здѣлавшейся вихрь въ одинъ мигъ разорвалъ корабли съ такимъ стремленїемъ, что они другъ друга изъ виду со всѣмъ потеряли.

Донъ Людвигъ стараяся спастись отъ свирѣпой бури, дѣлалъ всевозможныя къ тому распоряженїя, и какъ оная утихла, велѣлъ онъ засвѣтить корабельные фонари, дабы увидѣть, какой вредъ здѣлали Турки въ его караблѣ: Но въ какое же отчаянїе пришелъ онъ увидя мамку и другихъ рабынь молодой Беатриксы убитыхъ, и не нашедъ дочери въ кораблѣ своемъ. Тотчасъ заключилъ онъ, что морскїе разбойники или увезли Беатриксу съ собою, или бросили ее въ море, отъ чего проливалъ слезы и лишася чувствъ, не зналъ, что дѣлать. Надсбно быть отцомъ, и чувствовать силу природы тому, кто захочетъ изобразить печаль Падиллову. Разумъ его въ одинъ

мигъ

мигъ изчезнулъ. Онъ призывалъ небо, море и людей себѣ на помочь; но увидя, что приключителямъ своего злополучїя никакого отмщенїя учинить не можетъ, требовалъ въ своей ярости взятаго въ караблѣ ихъ младенца, намѣряся принесть онаго въ жертву своей дочери. Одинъ изъ его начальниковъ, которой при семъ сраженїи великую здѣлалъ ему услугу, и которой до того уже времяни имѣлъ отъ него повѣренность, принесъ къ нему несчастнаго сего младенца въ тужъ минуту. Лудвигъ, какъ много раздраженъ ни былъ, однако не могъ укрѣпиться, чтобъ не быть тронуту прїятностьми невинныя сей жертвы. Младой сей Турокъ вмѣсто того, чтобъ отъ свирѣпыхъ его взоровъ и отъ взнесенной надъ нимъ сабли ужаснуться, безпрестанно называлъ Людвига отцемъ, и протягивалъ къ нему свои руки. Проницательность его голоса была весьма умильна, а красота лица его удивленїя достойна; отъ чего Падилло пришелъ въ жалость, и упустилъ саблю изъ рукъ своихъ. Сердце его умягчилось,

и вмѣсто ярости нѣжность имъ овладѣла. Взявши молодаго Турку на руки, и испуская слезы произносилъ сiи слова: приключитель моего несчастiя! ты причиною всей моей горѣсти; но я вмѣсто того, чтобъ тебя возненавидѣть, чувствую къ тебѣ жалость; и вижу, что ты хочешь овладѣть моимъ сердцемъ, и льстишься заступить въ немъ мѣсто любезной моей Беатриксы. Алонзесъ [такъ назывался любимецъ Людвиговъ] не пропуская сего полезнаго случая къ усмиренiю его гнѣва и къ приведенiю его въ пущую жалость, упавъ къ ногамъ Лудвиговымъ, говорилъ: Милостивый государь! не прогнѣвайте неба столь неправеднымъ мщенiемъ; а лучше старайтесь заслужить его повѣренность, которую оказываетъ оно вамъ врученiемъ сего младенца, коего намѣрено спасти отъ заблужденiя Магометанскаго. Всевышняя власть будетъ стараться о вашей дочери, естьли вы его збережете; а сею жестокостью, когда обагрите руки ваши въ крови сего невиннаго младенца, вы его огорчите. Оно оставитъ

вить васЪ безЪ помочи, и ввергнетЪ вЪ пущія бѣдствіи. ЕстьлижЪ сердце ваше смягчится кЪ сему Турку, которой умильными своими взорами о будущей своей благодарности васЪ увѣряетЪ; такЪ и небо сердца варварскія умягчитЪ противЪ вашей дочери. Во время рѣчи Алонзесовой, ЛюдвигЪ не спускалЪ глазЪ сЪ юнаго Турки. Ему казалось, что находитЪ вЪ лицѣ его нѣкоторыя знакомыя черты; чего ради старался всѣми мѣрами о нихЪ вспомнить, но не могЪ никакЪ успѣть вЪ томЪ. А какЪ Гишпанцы весьма ревностны вЪ своей вѣрѣ, то рѣчь Алонзесова утишила вовсе гнѣвЪ ЛюдвиговЪ, и вмѣсто онаго наполнился онЪ сожалѣніемЪ. Я исполню твою прозьбу, любезной АлонзесЪ, говорилЪ онЪ, и дарую животЪ сему Туркѣ; хочу, чтобЪ ты онаго подобно родному моему сыну воспитывалЪ; и для того тебѣ его препоручаю. Однако, продолжалЪ онЪ вздохнувши, не упускай ничего кЪ провѣдыванію о моей Беатриксѣ. УмножимЪ поиски надЪ морскими разбойниками, отмстимЪ имЪ, или

вырвем изъ рукъ ихъ то, чего на свѣтѣ нѣтъ для меня милѣя.

Алонзесъ былъ человѣкъ весьма добродѣтельной и въ поступкахъ искусной. Сей случай ставилъ онъ въ великую себѣ утѣху, и возхищался тѣмъ, что усмирилъ гнѣвъ Падилловъ. Онъ благодарилъ его за то, изъявляя несказанное удовольствїе, и взялъ на себя съ охотою воспитанїе молодаго Турки. Въ тотъ самый часъ небо стало прочищаться, ночь становилась свѣтлѣе, и вѣтръ завѣялъ благополучной. Словомъ, вся буря утихла, и казалось, будто бы она на то только и поднялась, дабы произвесть чрезвычайное сїе приключенїе, а потомъ отдаля корабли, наказать несчастнаго Падилла лишенїемъ дочери за его безразсудное предпрїятїе. Сей несчастной отецъ въ чрезмѣрной печали своей охотно желалъ, по утишенїи моря, сойтиться съ тѣмъ кораблемъ, съ коимъ имѣлъ сраженїе; но оной былъ отъ него очень далеко унесенъ бурею. Корабль Людвиковъ находился тогда передъ Миноркой, а разбойничей, какъ то

по

по всему виду казалось, былъ уже въ какой нибудь пристани Королевства Фецскаго: ибо вѣтръ былъ ему спутной. По чему Падилло лишась всея надежды найти своего непрїятеля, принужденъ былъ для починки корабля пристать къ Минорькѣ.

Алонзесъ осматривалъ съ прилѣжностїю платье молодаго Турки, уповая найти что нибудь къ открытїю его природы, коей по богатой одѣждѣ, весьма знатной быть надлежало. Длинной его жупанъ былъ вышитъ жемчугомъ; на шѣе висѣла маленькая золотая цѣпочка, а на ней былъ ящичекъ тогожъ металла. Алонзесъ, усмотря ящичекъ, понесъ его съ удовольствїемъ къ Падиллу, и они долгое время трудились въ открытїи онаго, дабы узнать, что въ немъ было. Наконецъ разкрывъ оной, увидѣли въ немъ женской портретъ, въ половину лица опущеннымъ покрываломъ закрытой, а на обшлагѣ платья ея написано было по Турецки: Султанша Алба. Лица ее разсмотрѣть имъ хорошенько было не

можно, и они заключили, что морской разбойникъ похитилъ сего младенца у какого нибудь знатнаго при Оттоманской портѣ Паши. Падилло отдалъ портретъ и всю одѣжду молодаго Турки Алонзесу на збереженїе, чтобъ тѣмъ, естьли когда нибудь сойдется съ разбойникомъ, можно было доказать, что имѣетъ у себя взятаго у него младенца. Потомъ пробывъ нѣсколько дней въ Минорке пустился онъ опять въ море, и не взялъ съ собою Алонзеса, которой служа съ нимъ долгое время, имѣлъ довольное иждивенїе, и могъ онымъ не продолжая службы прожить спокойно. Падилло разставаяся съ Алонзесомъ просилъ его, ни о чемъ, кромѣ своего покою, и воспитанїя врученнаго ему младенца, не имѣть попеченїя. Благодарилъ сего стараго мужа за всѣ услуги, и сказалъ, что никогда его не оставитъ, при чемъ убѣдилъ прозьбою возвратясь въ Кадиксъ жить въ его домѣ, а молодаго Турку по крещенїи назвать Алфонзомъ. Алонзесъ согласился по старости лѣтъ своихъ на все то, чего Людвигъ

отъ

отъ него требовалъ, и за то еще благодарилъ его. Когда же насталъ способной вѣтръ, то поплылъ онъ въ Кадиксъ, а Донъ Людвигъ къ заливамъ Королевства Фецскаго, обѣщаяся возвратиться къ нимъ, какъ скоро кораблеплаванїе къ концу приходить будетъ.

Алонзесъ безъ всякаго въ своемъ пути приключенїя, прїѣхалъ благополучно въ Кадиксъ со врученнымъ ему залогомъ, и принялъ все Людвигово имѣнїе по его приказу въ свое смотрѣнїе. Прежде всего велѣлъ онъ привезеннаго младенца, не сказывая никому, кто оной прямо былъ, называть сыномъ Падилловымъ. Воспитывая его, находилъ онъ за свои старанїи о немъ прилагаемыя, великое себѣ удовольствїе; ибо въ молодомъ Алфонзѣ показывались такїя хорошїя дарованїи, коими онъ по возрастѣ своемъ могъ быть совершеннѣйшимъ въ Гишпанїи дворяниномъ. *Между* тѣмъ не взирая на обѣщанїе Падиллово, цѣлые четыре года не возвращался онъ въ Кадиксъ, а разъѣзжалъ по берегамъ Фецскимъ, льстяся надеждою, по-

лучить какое нибудь о дочери своей извѣстіе. Очень часто давалъ онъ Христіанскимъ невольникамъ свободу, когда побѣждалъ корабли разбойническіе, и тѣмъ получилъ безсмертную себѣ славу; однако не могъ во все то время ничего о Беатриксѣ провѣдать. Напослѣдокъ скучась столь долгимъ и безконечнымъ исканіемъ, возвратился въ Кадиксъ, уповая тамъ удобнѣе избавиться отъ своей печали. Хотѣлось ему видѣть, не найдетъ ли утѣхъ отъ юнаго Алфонза, коего намѣрился любить такъ, какъ любилъ дочь свою, естьли найдетъ его достойнымъ.

Алфонзъ былъ тогда по девятому году, когда Людвигъ возвратился въ Кадиксъ. Статной и величавой его ростъ, благородная и пріятная походка, красота лица и проворство во всѣхъ поступкахъ, производили уже во всѣхъ зрителяхъ удивленіе. Падилло, котораго почиталъ онъ отцомъ своимъ, по возвращеніи съ ласкою его принялъ, и весьма тому радовался, что можетъ дать ему въ своемъ

сердцѣ

сердцѣ мѣсто Беатриксино. Любьви достойной сей юноша, умѣлъ столь хорошо въ Людвига вкрасться, что съ умноженїемъ лѣтъ принудилъ его забыть совсѣмъ дочь свою, и имѣть къ нему одному любовь отеческую. Сїя очевидная Людвигова склонность заставила всѣхъ друзей его почитать Алфонза сыномъ тайныя любьви; а онъ провѣдавъ о томъ, охотно желалъ ихъ навсегда въ этомъ заблужденїи оставить. Способствуя тому велѣлъ разгласить, что дочь его умерла на морѣ. Симъ способомъ уповалъ онъ утвердить счастїе принятаго своего сына, коего вездѣ называли Дономъ Алфонзомъ де Падилло. Двенатцать лѣтъ прошли такимъ образомъ, и Алфонзъ становился похвалою и удивленїемъ всѣхъ, кто зналъ его. Людвигъ тѣмъ восхищался; а Алонзесъ отъ радости внѣ себя былъ, и неотступно принуждалъ Падилла признать Алфонза настоящимъ порядкомъ за сына, чтобъ онъ навсегда могъ остаться тѣмъ, чѣмъ его люди почитали. Хотя уже Донъ Людвигъ столько много доказалъ своей храбрости,

бросши, что можно бы ему было вовсе отдаться покою, однако любопытствовалъ самъ испытать Алфонза, достоинъ ли оной того благодѣянія, которое ему явить назначилъ, чего ради намѣрился еще разъ выѣхать въ море: а Алфонзъ, наслышавшись отъ Алонзеса о храбрыхъ дѣлахъ мнимаго отца своего, горѣлъ нетерпѣливымъ желаніемъ слѣдовать родительскимъ стезямъ, и своею чрезмѣрною къ тому охотою увѣрялъ Падилла, что со временемъ сравняется съ нимъ въ славѣ его, которая по всюду гремѣла.

Въ самое то время оказался весьма удобной къ тому случай. Гишпанской дворъ увѣдомясь, что изъ Фецы и Марокка выступилъ въ море многочисленной флотъ, и желая узнать ихъ намѣреніе, указалъ всѣмъ своимъ кораблямъ выпти изъ пристаней, и соединясь съ тѣми, кои уже по морю разъѣзжали, уничтожить предпріятіе невѣрныхъ. Людвигъ не упустилъ того, къ чему честію и должностію былъ обязанъ. Взялъ съ собою Алфонза и далъ ему чинъ и постъ важной; а старой Алонзесъ

не

не хотя растаться съ воспитаннымъ своимъ сыномъ, просилъ Людвига безъотступно, чтобъ и его принялъ въ службу. Сколько Падилло ни старался старика сего уговаривать, предлагая весьма основательныя доказательствы, только не могъ ничемъ удержать отъ разлуки съ Алфонзомъ. Такимъ образомъ пріуготовя потребное, вошли въ корабль, и соединившись съ Гишпанскимъ флотомъ, искали кораблей Фецскихъ. Разбойническій флотъ разъѣзжалъ въ Средиземномъ морѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы разбивать и грабить корабли Христіанскіе, плывущіе изъ Малагіи въ Минорку. По нѣсколькихъ дняхъ сошлись Гишпанцы съ Марокскими кораблями, и вступили въ сраженіе, которое кончилось въ пользу Христіанъ. Мужество Людвигово нимало не умалилось двенатцатилѣтнимъ покоемъ. Вездѣ сражался онъ съ обыкновенною своею храбростію; а молодой Алфонзъ превзошелъ всѣхъ воиновъ безпримѣрнымъ своимъ смѣльствомъ. Онъ спасъ два раза жизнь отца своего; овладѣлъ двумя непріятель-

скими кораблями , и убилъ Адмирала Фецскаго , по смерти коего флотъ непрїятельской весь разбитъ былъ. Гишпанцы полонили шесть кораблей и многое число потопили въ морѣ ; а за остальными столь долго гналися , сколько вѣтръ способствовалъ ; но когда оной перемѣнился , тогда довольствуясь своею побѣдою , возвратились въ Малагу.

Донъ Людвигъ несказанно удивлялся младому своему герою , коимъ небо его наградило : и по прїѣздѣ въ Кадиксъ намѣрился непремѣнно усыновить его ; ибо въ Гишпанїи таковыхъ дѣтей , равно какъ и въ законномъ бракѣ произшедшихъ, дѣлали наслѣдниками , и сїе усыновленїе не могло Алфонзу никакого дѣлать безчестїя. Но вышнѣе провинїе приготовляло со всѣмъ иное , и не дало Людвигу столько времени , чтобъ могъ онъ желанїе свое исполнить , а назначило Алфонза къ претерпѣнїю многихъ бѣдствїй. Спустя нѣсколько дней , по прибытїи Людвиговомъ въ Малагу , занемогъ онъ жестокою горячкою , и сколько способовъ о спасенїи его жизни прикла-

дывано

дывано ни было, однако предъузналъ онъ самъ, что смерть его близка. Живши всегда истиннымъ Христїаниномъ, желалъ онъ и умереть такимъ же; чего ради позвалъ духовнаго отца, и открылъ ему между прочимъ и то приключенїе, кое лишило его дочери, а вмѣсто оной даровало ему Алфонза, и сказывалъ, что хочетъ усыновить онаго. Духовникъ выслушавъ рѣчь Людвигову, противился его желанїю, называя оное неправильнымъ поступкомъ, которой законную наслѣдницу всего лишаетъ. Онъ доказывалъ, что Беатрикса, о коей подлиннаго по то время извѣстїя не было, когда нибудь можетъ найтиться, чему подобныхъ случаевъ довольно бывало. А когдабъ сїе случилось, продолжалъ онъ, то была бы она подвергнута многимъ безпокойствамъ, и принуждена вступать въ тяжбу съ человѣкомъ, нималаго родства съ нею неимѣющимъ. Можно тебѣ Алфонза наградить нѣкоторою частїю своего имѣнїя, однако объявя какъ правительству такъ и друзьямъ

сво-

своимъ, что онъ не сынъ твой, и открыть не таяся, какимъ образомъ его получилъ. Падилло чувствительно сожалѣлъ о Алфонзѣ, видя себя принужденнымъ оставить его въ бѣдномъ состоянiи; но не зналъ, чѣмъ бы оказать ему помощь. Напослѣдокъ почувствовавъ близкую свою кончину, приказалъ призвать къ себѣ стараго Алонзеса и Алфонза. Печаль послѣдняго была несказанна, и ясно изображена на его лицѣ. Любя чрезмѣрно Дона Людвига, терзался онъ несказанною горестiю, и обливался слезами, примѣтивъ, что видъ лица его сталъ перемѣняться.

Донъ Людвигъ подалъ ему ослабшую свою руку, и сжавши его говорилъ: Сынъ мой! въ послѣднiе уже выговариваю я милое сiе имя, и несказанно сожалѣю, что по смерти своей онаго не могу тебѣ не оставить: ибо я, любезной Алфонзъ, продолжалъ онъ вздохнувши, не отецъ твой, и мнѣ не извѣстно, отъ кого ты жизнь свою получилъ. Алонзесъ разскажетъ тебѣ чудное сiе приключенiе, котораго я пере-

сказать теперь не въ силахъ. Потомъ обратясь къ Алонзесу говорилъ: а тебя, любезный другъ, прошу и приказываю, никогда не отставать отъ Алфонза, и проводить его въ Минорку, гдѣ я имѣю деревни, состоящія въ полной моей власти. Оными я тебя, дражайшій сынъ, награждаю, говорилъ онъ Алфонзу, и уповаю, что будутъ они довольно достаточны привесть тебя въ посредственное состояніе. Потомъ велѣлъ онъ принесть изъ своего кабинета малинькой ящичекъ, и вынувъ изъ него перстень, полученной отъ Эльвиры, надѣлъ на руку Алфонзу, и отдавъ ему ящичекъ, говорилъ слѣдующія слова слабымъ и прерывающимся голосомъ: Въ немъ сыщешь ты повѣсть о моей жизни, которая можетъ служить тебѣ наставленіемъ. Тутъ же положенъ портретъ найденной на твоей шеѣ, когда отнялъ я тебя у морскихъ разбойниковъ, и мое завѣщаніе съ письмомъ къ Дону Бреликсу Railинѣ, которой отдастъ тебѣ ввѣренныя ему отъ меня деревни. Живи благополучно, любез-

любезной Алфонзъ! ты достоинъ лучшаго счастїя; и я надѣюсь, что помощїю добродѣтелей и твоихъ рѣдкихъ дарованїй, коими небо изобильно тебя наградило, ты со временемъ до онаго достигнешь. Я же ставлю себѣ и то за великую утѣху, что правильно могу назваться источникомъ твоего благополучїя.

По сихъ словахъ велѣлъ ему къ себѣ приближиться, и обнявши его при всей слабости, старался скрыть свое малодушїе; и по нѣсколькихъ минутахъ взглянувъ на него говорилъ слѣдующее: Не забудьте вы оба сказать Дону Алвареццу де Пардо, ежели счастїе допуститъ васъ съ нимъ увидѣться, что я умираю истиннымъ его другомъ. Я желаю, и требую отъ тебя, любезный Алфонзъ, чтобъ ты оказывалъ ему столько любьви и почтенїя, сколько ко мнѣ имѣлъ. Любезной сынъ, продолжалъ онъ, Алонзесъ тебѣ его покажетъ, коли богъ допуститъ ему быть въ нашемъ отечествѣ. Произнесши сїе умолкъ, и не могъ говорить болѣе: они же оба слыша прерывающейся его голосъ, и видя

близ-

близкую кончину почти безчувственны были. Проливали слезы и тяжкіе испускали вздохи не сводя съ него глазъ своихъ. Наконецъ присудствіе ихъ стало его безпокоить, и онъ просилъ, чтобъ они вышли, и дали ему безъ слабости послѣдніе часы своей жизни посвятить вышнему Судьѣ всея твари.

Никакъ не можно изъяснить той печали и горести, кою чувствовалъ Алфонзъ, узнавши, что онъ не сынъ Падилловъ, и что лишился въ немъ такого благодѣтеля, къ которому имѣлъ прямую сыновнюю любовь, и полагалъ на него всю свою надежду. Имѣя благородную душу, не тронутъ онъ былъ потерею своего счастія, и одна лишь благодарность причиняла ему грусть безъутѣшную. Но Алонзесовы мысли не со всѣмъ были съ Алфонзовыми согласны, и несказанная сего старика къ нему преданность, принуждала его открытіе Людвигово почитать несправедливымъ. Хотя онъ и самъ несказанно сожалѣлъ о Падиллѣ, однако не могъ простить ему объявленіе сей тайны, причинившей

нившей счастїю Алфонзову великое препятствїе. Онъ думалъ, что ему будучи странникомъ, не можно будетъ достигнуть до такихъ знатныхъ чиновъ, и такого богатства, какимъ бы, почитаясь сыномъ Падилловымъ, могъ пользоваться. А дабы не потерять и того, что было ему оставлено, принуждалъ усильно Алфонза, по здѣланїи Людвигу послѣдней должности, какъ возможно скоряе въ *Минорку* ѣхать, и наконецъ склонилъ къ тому. Тамъ уповалъ онъ найти столько, чѣмъ бы можно было вооружить корабль, дѣлать на немъ поиски противъ морскихъ разбойниковъ, и тѣмъ получить себѣ славу и снискать милость Королевскую. Алфонзъ прочиталъ съ примѣчанїемъ повѣсть Падиллову, рукою его писанную, и велѣлъ Алонзесу разсказать себѣ все случившееся съ нимъ во время вражды съ Алварецомъ, которой его и удовольствовалъ; а онъ былъ при томъ не только напоминовенїемъ о Людвигѣ, но и злополучїемъ Пардовымъ чрезмѣрно тронутъ. Несчастїе сего Гишпанца приводило его въ

въ жалость, и принуждало съ нетерпѣливостію желать съ нимъ свиданія. Въ такомъ состояніи былъ онъ тогда, когда намѣрился ѣхать въ Минорку, и при отъѣздѣ вынувъ изъ ящика данной отъ Дона Людвига портретъ, надѣлъ его на шѣю съ сими словами: Когда я съ тобою найденъ, то хочу носить тебя до самой смерти; а достальное все отдалъ на збереженіе Алонзесу. Потомъ вошли они въ перьвой корабль, которой отъѣзжалъ въ Минорку, ибо оные ежедневно изъ Малаги туда отправлялись, и оной по желанію ихъ случился военной.

Капитанъ корабля сего извѣстенъ былъ о храбрости молодаго Алфонза, и для того усильною прозьбою убѣдилъ его принять перьвое подъ собою мѣсто. Сіе бы весьма непристойно было, говорилъ онъ Алфонзу, ежелибъ я васъ по такихъ храбрыхъ дѣлахъ принялъ простымъ дорожнымъ человѣкомъ на мой корабль. Нѣсколько дней потомъ плыли они безъ всякой опасности, и не надѣялись нападенія отъ морскихъ разбойниковъ; ибо время къ выходу

для

для нихъ еще не наступило Въ такихъ мысляхъ уповали они безъ всякаго приключенія пристать къ Минорке; но въ одинъ день увидѣли два корабля на встрѣчу къ нимъ плывущіе, которые увидѣвъ корабль ихъ въ тотъ же часъ его окружили, и принудили къ оборонѣ.

Христіане предвидѣли безсумнѣнную погибель; но намѣряся жизнь свою продать за дорогую цѣну, спѣшили съ такимъ смѣльствомъ къ сраженію, будто бы совершенно надѣялись побѣдить невѣрныхъ. Донъ Алфонзъ дѣлалъ примѣръ собою, и думалъ, что къ збереженію своей жизни никакой ему нѣтъ нужды; ибо и произшествіе оной было ему не извѣстно. Нестращася никакихъ опасностей, подобно раздраженному льву, производилъ онъ ужасною своею храбростію несказанное кровопролитіе между непріятелей. Вскочивъ въ ближней къ нему корабль съ Алонзесомъ и съ храбрѣйшими воинами, убивалъ тамъ всѣхъ сопротивляющихся, и овладѣлъ онымъ. Но въ самое то время, когда онъ на сей сторонѣ одержалъ побѣду,

бѣду, Капитанъ Гишпанскаго корабля, былъ на своей не столько счастливъ. Онъ лишился жизни отъ руки храбраго Паши повелѣвавшаго другимъ кораблемъ. Разъяренной сей Турокъ думая, что потеряніе корабля своего товарища ничемъ наградить не можно, кромѣ разбитія Гишпанскаго, поражалъ всѣхъ, кто къ нему приближался, и съ помощїю храбрыхъ своихъ Турокъ, вскочилъ на корабль Гишпанской. Прежде всего убилъ начальника, а потомъ здѣлавъ многихъ храбрыхъ солдатъ къ сопротивленїю неспособными, овладѣлъ ихъ кораблемъ. Какъ скоро побѣжденные крикомъ своимъ Дону Алфонзу, о произшедшемъ несчастїи знать дали, то спѣшилъ онъ къ нимъ на помочь. Идучи надѣялся получить тамъ отъ своихъ солдатъ вспоможенїе, но вмѣсто того по входѣ на свой корабль былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ множествомъ невѣрныхъ, и не взирая на мужественное супротивленїе, взятъ въ полонъ съ остальными Христїанами. Алонзесъ увидя его въ рукахъ непрїятельскихъ,

тотчасъ положилъ оружїе, и отдался въ полонъ Пашѣ Бауценскому, которой шелъ за Пашею Тресъ-Форкатскимъ, плѣнившимъ ихъ корабль. Сею покорностїю надѣялся онъ произвесть въ побѣдителяхъ жалость, и упросить, чтобъ оставили ихъ вмѣстѣ; но упованїе его было безплодно. Алфонзъ достался Пашѣ Тресъ-Форкатскому Маргату, а Алонзесъ Пашѣ Бауценскому Морацѣ. Побѣдители, радуясь полученной побѣдѣ, оковали невольниковъ, и спѣшили распустя парусы въ свои пристани. Христїанской корабль достался Моргату, какъ главному побѣдителю, съ коимъ онъ торжественно въѣхалъ въ Тресъ-Форкатскую пристань и разстался съ Бауценскимъ Пашею.

Отчаянїе стараго Алонзеса было неизрѣченно, когда онъ съ Алфонзомъ разлучался. Тщетно просилъ онъ о той милости, чтобъ оставили съ нимъ молодаго сего человѣка, которой храбростїю всѣхъ прочихъ былъ знатнѣе. Онъ назывался отцомъ его, и обнадеживалъ заплатить выкупныя за себя и за него

него деньги; но прозьба сїя была не внятна, и не взирая на старость его, по прїѣздѣ въ Бауцену, отданъ онъ былъ въ число тѣхъ невольниковъ, кои исправляли самую тяжкую работу. Участь Алфонзова была съ начала таковажъ бѣдственна. Турки примѣтили, что онъ въ бывшемъ сраженїи весьма храбро сопротивлялся, и за то жесточае другихъ мучить намѣрились. Моргатъ полагалъ попеченїе о невольникахъ всегда на своихъ подчиненныхъ, и свою добычу не для пользы, но для славы оставлялъ себѣ; и будучи съ природы жалостенъ, не хотѣлъ смотрѣть на ихъ горѣстную жизнь. Въ то самое время былъ въ Форкатѣ надзиратель человѣкъ прямо жестокосердой, коего называли Оркаyомъ. Алфонзъ доставшись въ руки сего варвара, принужденъ былъ терпѣть мучительную жизнь и несказанныя бѣдствїи, не видя притомъ никакого человѣка, которому бы о перемѣнѣ своей участи могъ принесть жалобу.

Потерявши вольность, былъ онъ не не чувствителенъ; но зная что

 нико-

никогда постоянства своего лучше оказать не можно, какъ въ бѣдственномъ и злополучномъ времяни нашей жизни, и что терпѣливость главною почитается добродѣтелью, и премогаетъ жесточайшія несчастіи, отдался въ волю немилосердаго рока безъ всякихъ ропшаній. Сколь ни тяжко было ему снесить разлученіе съ Алонзесомъ, однако почиталъ оное для того сноснымъ, что не будетъ свидѣтелемъ горестной его неволи. Онъ думалъ, когда бы увидѣлъ Алонзеса при такой же тяжелой работѣ, то конечно бы умеръ съ печали; но не видя льстился, что можетъ быть другой Паша хотя для глубокой старости пощадитъ сего старика, и не допуститъ до такой же мучительной жизни. Однако злополучіе сіе не лишило его разсудка, и при всей своей крайности удержалъ онъ мужество и разумъ. Портретъ и перстень сохранилъ съ такою осторожностію, что Турки снимая съ него платьѣ и надѣвая невольничье, оныхъ не могли примѣтить. Надзиратель Моргановыхъ невольниковъ не былъ тронутъ

нутъ прїятностями Алфонзовыми, и употребилъ его сначала къ самой трудной работѣ. Паша имѣлъ великолѣпной дворецъ, и для умноженїя красоты своему саду, намѣрился проломать каменную гору, которая примыкалась къ берегу морскому, и надъ сею то ужасною работою трудились бѣдные невольники. Орканъ былъ родомъ Италїанецъ, и перемѣнилъ добровольно вѣру для удовольствованїя своего корыстолюбїя. Онъ былъ весьма скупъ и лютъ чрезвычайно, и въ мученїи сихъ бѣдныхъ людей находилъ себѣ великое удовольствїе терзая ихъ цѣлыя десять лѣтъ, въ коихъ отправлялъ сїю должность у трехъ Пашей. Фецской Король зная свойство Орканово, опредѣлилъ его тутъ подъ тѣмъ видомъ, будто бы онъ къ оному дѣлу удобенъ; а въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ намѣренїемъ, дабы чрезъ него все происходящее въ ономъ мѣстѣ, какъ весьма отдаленномъ отъ своей столицы, знать могъ. Сей Государь опасался какихъ нїесть отъ тамошнихъ Пашей противъ его опасныхъ

намѣренiй, и почиталъ, что имѣя вѣрнаго человѣка, можно будетъ чрезъ него въ нужномъ случаѣ способнѣе воспрепятствовать.

Паша Моргатъ вступя въ сie достоинство, и узнавши вредной нравъ сего злодѣя, желалъ охотно удалить его отъ себя; но желанie сie было безплодно, и наконецъ по многимъ тайнымъ причинамъ, принужденъ онъ былъ ласкать Оркана. Хотя ему извѣстны были жестокie его съ невольниками поступки, и хотя онъ тѣмъ весьма былъ не доволенъ, однако не раздражая его отдавалъ ихъ въ полную ему волю. Добродѣтельный Моргатъ не только что не вмѣшивался въ смотрѣнie невольниковъ, но и убѣгалъ отъ свиданiя съ ними, ибо чувствительно бы ему было по своему великодушiю смотрѣть на ихъ мученiи, не могши подать помощи. Отъ сея причины посѣщалъ ихъ въ годъ по два только раза, да и тутъ увѣдомя прежде о томъ Оркана, которой узнавъ его приходъ за благовремянно дѣлалъ такiя распоряженiи, которыми не допускалъ невольниковъ

никовъ приносить жалобы, и тѣмъ отнималъ у сихъ несчастныхъ всѣ способы къ ихъ облегченїю.

Но не взирая на всю Моргатову предосторожность, Орканъ его ненавидѣлъ за то, что имѣлъ онъ такїя добродѣтели, отъ которыхъ сей варваръ чуждъ былъ. Онъ легко могъ примѣтить, что оказываемое отъ Паши къ нему почтенїе, было только наружное, и весьма вѣрно зналъ, что при злыхъ своихъ дѣлахъ не льзя ему быть любиму отъ такого человѣка, которой въ нихъ не участенъ. Зная оное вымышлялъ онъ, чѣмъ бы ввергнуть Моргата въ несчастїе, и лишить такого мѣста, о прїобрѣтенїи коего давно прилагалъ усильное старанїе. Паша Бауценской любимецъ Короля Фецскаго, привелъ Моргата въ милость Государскую, и всѣми силами защищалъ противъ злонравнаго Оркана. Изъ всѣхъ въ полонъ доставшихся Христїанъ одного только Алфонза сей варваръ обманомъ удержалъ себѣ; а прочїе достались Моргату и Пашѣ Бауценскому, и онъ прежде того всегда старался имѣть въ

своемъ смотрѣніи однихъ только Мавританцовъ и природныхъ невольниковъ, надѣяся отъ нихъ лучшія помощи, нежели отъ Христіанъ къ приведенію Паши въ несчастіе. А какъ Алфонзовъ высокой ростъ, и бодрой видъ лица его показывали въ немъ отмѣнную храбрость, то назначилъ онъ его къ ломанію горы, и употреблялъ при оной съ такимъ принужденіемъ, которое показывало, что хочетъ сего несчастнаго скорея лишить жизни. Но милосердое небо низпосылало Алфонзу новыя силы, и онъ чувствовалъ, что бодрость возрастала въ немъ отъ тяжкой его работы. Участь его тѣмъ пуще достойна была сожалѣнія, что онъ не имѣлъ нималой надежды получить отъ кого нїесть деньги къ своему выкупу. Хотя Алонзесъ и могъ здѣлать ему вспоможеніе, ибо имѣлъ завѣщаніе Падиллово; но Алфонзъ не зналъ, гдѣ онъ находился, и думалъ, что можетъ быть при несчастіи своемъ не зберегъ онаго. И такъ не видя никакого способа къ своему избавленію, горѣстное его со-

состоянїе не столь несносно ему казалось, и онъ вздумалъ трудами своими притти въ любовь къ надзирателю, и умилостивя онаго просить, что бы допустилъ увидѣть Моргата, отъ коего льстился получить перемѣну бѣственной своей жизни. Но три уже прошли мѣсяца, а онъ ни одного ласковаго виду не видалъ отъ жестокосердаго Оркана. Прочїе невольники съ равномѣрною жестокостїю съ нимъ обходились, и казалось, что они дѣлая ему разныя злости, находили себѣ въ томъ удовольствїе. Часто взлагали на него при работѣ собственные свои уроки, и клеветали своими проступками. Алфонзъ чувствовалъ за то непреодолимое омерзѣнїе къ симъ подлостїю наполненнымъ бездѣльникамъ; но не могши отмстить имъ, вздыхалъ о томъ тайно, и принудя себя сносилъ поносныя ихъ ругательства.

Однимъ днемъ окончавши тяжкую свою работу пошелъ онъ въ садъ, и вошедши въ лежащую по близости къ покоямъ куртину, ходилъ въ ней задумавшись, размышляя о сво-

ей горѣстной долѣ. Уставши хотѣлъ сесть, но увидѣлъ, что къ ногамъ его упалъ малинькой золотой ящичекъ. Поднявъ осматривался во всѣ стороны, дабы узнать, откуда упалъ оной, только нигдѣ никого усмотрѣть не могъ; а примѣтилъ, что въ верьхнемъ жильѣ окошко съ поспѣшностїю закрылось, изъ чего заключилъ, что оной оттуда обороненъ былъ. Сперьва хотѣлъ онъ говорить съ кѣмъ нїесть изъ онаго дому, и возвратить ящичекъ; но помысливъ о томъ съ прилѣжностїю отмѣнилъ свое намѣренїе, надѣяся найти въ немъ какое нїесть таинство. Отошедши въ отдаленную алею раскрылъ свою находку, и усмотрѣлъ въ ней съ великимъ удивленїемъ письмо на Гишпанскомъ языкѣ слѣдующаго содержанїя:

Прекрасному невольнику.

Молодой Христїанинъ! не изнуряйся печалїю; судьба твоя нашла жалостливыя сердца. Усмири лютое Оркано тиранство, и старайся найти случай къ разговору съ Пашею. Я помогу

гу

гу тебѣ сыскать къ тому дорогу, естьли во время третїей молитвы придешь въ сїю куртину. Живи благополучно; я хочу разорвать твои оковы; но разрывая ихъ и желая услужить тебѣ, предвижу, что сама вѣчно въ неволѣ останусь.

Алфонзъ по то время влюбленъ еще не былъ. Онъ зналъ любовь по одному только слуху, и опасныя ея слѣдствїи знакомы ему стали изъ повѣсти Людвиговой. Однако при всемъ своемъ несчастїи былъ онъ весьма нѣженъ, и природную къ любьви имѣлъ склонность. Чтенїе письма сего произвело въ немъ необычайное побужденїе узнать ту, которая къ нему писала, отъ чего почувствовалъ онъ въ себѣ смущенїе до тѣхъ поръ ему неизвѣстное. Размышляя о всѣхъ словахъ въ немъ написанныхъ, кои весьма нѣжно выражены были, возъимѣлъ онъ не видя своей красавицы, страстную любовь къ ней. Благодарность подкрѣпляла оную, и производила въ немъ несказанное желанїе, какъ возможно скоряе узнать великодушную свою помощницу, прїемлющую столь

чувствительное участїе въ его злополучїи. Онъ несумнѣнно заключалъ, что оковы, о коихъ она говорила, были оковы любовныя, и почитая себя оныхъ причиною, ощущалъ безпримѣрную нетерпѣливость плѣнъ ее раздѣлить съ нею; и для того предпрїялъ не терять назначеннаго времяни.

Часъ третїей молитвы былъ для него какъ для Христїанина свободной. Всѣ Магометане въ то время запирались въ домахъ своихъ; а онъ не упуская времяни старался онымъ пользоваться. Увидѣвъ, что ночь наступила и Турки убрались въ свои жилища, поспѣшалъ въ назначенную куртину. Пришедъ въ оную подошла къ нему старая невольница, и взявъ его за руку отвела въ отдаленной проходъ, и въ ономъ говорила ему худымъ Гишпанскимъ нарѣчїемъ. Христїанинъ! молодая Гераида, моя госпожа и дочь Паши нашего, прїятностїю лица твоего и жестокостїю твоей судьбины въ жалость приведенная, приказала мнѣ отдать тебѣ сей золотомъ и каменьями наполненной ящикъ.

ящикъ. Возьми его, но не употребляй ни на что, кромѣ своего выкупу. Старайся онымъ умилостивить Оркана, которой самой корыстолюбивый человѣкъ въ свѣтѣ. Ты долженъ притвориться, будто бы при разрыванїи горы нашелъ сїе сокровище, и отдать ему съ тѣмъ обнадеживанїемъ, что всякой день при своей работѣ уповаешь клады сыскивать. Скоро увидишь ты къ себѣ перемѣну сего варвара; и когда сїе случится, то проси его о доставленїи тебя въ число придворныхъ невольниковъ, въ чемъ онъ тебѣ конечно не откажетъ. Сїе облегчитъ твою неволю, и сыщетъ способъ увидѣться съ Гераидою. Она хочетъ говорить съ тобою, и послѣ того подать тебѣ способъ къ совершенной свободѣ. Но во всѣхъ дѣлахъ будь скроменъ, и не потеряй ея милостей, употребя сїе награжденїе на другое, а не на то, на что прислано.

Я почитаю себя великодушной госпожѣ твоей безпримѣрною благодарностїю обязаннымъ, отвѣчалъ Алфонзъ, и никогда не поступлю

противно ея повелѣнiю. Хотя бы жестокосердой Орканъ и свободу мнѣ дать вздумалъ, то бы я презрилъ оную и остался здѣсь въ неволѣ, знаючи, что повелительницею моей судьбины, буду имѣть прекрасную Гераиду. Я прошу тебя, продолжалъ онъ, обнадѣжить ее въ моей преданности, и сказать, что нѣтъ такихъ дѣлъ на свѣтѣ, которыхъ бы я здѣлать не былъ въ состоянiи для доказанiя ей, что мои оковы съ полученiя письма ея стали мнѣ гораздо драгоцѣнны, и что отнюдь не хочу разорвать ихъ. Сынъ мой, отвѣтствовала старая невольница, я знаю, что на свѣтѣ нѣтъ прiятнѣе сея неволи, и сама довольно въ томъ искусилась: но молодость весьма безразсудна. Гераида возъимѣла къ тебѣ нѣжную склонность. Ты ее увидишь, и безъ сумнѣнiя любить станешь, ибо она можетъ назваться прекраснѣйшею въ свѣтѣ. Однако я не совѣтую тебѣ очень много слѣдовать своей страсти, а совѣтую употребить любовь госпожи моей къ своему освобожденiю. Ты безъ

всякой помощи погибнешь, естьли Паша провѣдаетъ, что дочь его тебя любитъ. Никогда не склонилась бы я оказать ей сея услуги, естьлибъ не клялась она мнѣ, что намѣренiе ея состоитъ въ зделанiи тебѣ вспоможенiя къ твоему безъопасному отсюда удаленiю. Пользуйся ея великодушiемъ, и помни то, что твоя природа и вѣра, съ ея весьма различны. Рѣчь сiя принудила Алфонза къ тяжкому вздоху. Онъ клялся старой невольницѣ исполнить ея совѣтъ, хотя сердце его не въ состоянiи было ни чему, кромѣ страсти своей повиноваться. Послѣ чего просила она Алфонза, по прошествiи трехъ дней въ такоежъ время, о успѣхѣ ихъ вымысла дать знать ей, дабы могла она донесть Гераидѣ. Обрадованный невольникъ, хотѣлъ здѣлать ей нѣсколько вопросовъ, о Пашѣ и роднѣ его: но она дала ему разумѣть, что о томъ ничего сказать не можетъ, и что въ его вопросахъ заключаются такiя тайны, коихъ открыть ей не позволяется. Выговоря сiи слова, ни мало не мѣшкая

съ нимъ разсталась. Сей разговоръ умножилъ любопытство Алфонзово, и онъ пошелъ въ великомъ безпокойствіи въ свое жилище, и во всю ночь размышлялъ о Гераидѣ. А какъ желанія его стремились только къ тому, что бы скоряе ее увидѣть, то намѣрился онъ употребить всѣ возможности, къ склоненію въ жалость Оркана. По утру былъ онъ первой при работѣ, и ободрясь новою надеждою, всѣ труды и тягости не дѣлали ему никакого затрудненія, и уже презрительное его состояніе представлялось тогда предъ нимъ со всѣмъ въ иномъ образѣ. Окончивъ обыкновенной урокъ, думалъ онъ, что для полученія конца своему желанію, еще не довольно здѣлалъ, и для того просилъ новой работы, съ такимъ усердіемъ, которое Оркана удивило, и принудило выговорить, что Христіанской невольникъ шести другихъ стоитъ.

Онъ еще и болѣе тогда удивился, когда Алфонзъ окончавъ работу, отвелъ его къ сторонѣ, и показавъ нѣсколько кусковъ золота, говорилъ: Ми-

Милостивый государь! знать въ прошедшія времяна зарыты были въ ономъ мѣстѣ сокровищи, ибо все, что вы видите, мною здѣсь найдено. Я утаилъ сіе отъ моихъ товарищей, желая вамъ вручить, и уповаю, продолжалъ онъ, при дальнемъ разрыванiи еще болѣе найти онаго. Сіе заключаю изъ того, что земля при производимыхъ по ней ударахъ даетъ звукъ, которой безсумнѣнно въ томъ меня увѣряетъ. Орканъ симъ извѣстіемъ отъ радости внѣ себя приведенной въ первой еще разъ допустилъ Алфонза услышать ласковыя слова: онъ выхвалялъ его вѣрность, и ободрялъ къ продолженію оныя обѣщаніемъ своей милости. Въ слѣдующій день принесъ къ нему Алфонзъ нѣсколько каменьевъ, а на третій вручилъ весь остатокъ даннаго ему сокровища. Скупой Турокъ чрезвычайно дивился, что молодой Гишпанецъ не умолчалъ объ ономъ кладѣ, и не употребилъ къ своему выкупу. За сіе почелъ его весьма глупымъ, и вздумалъ вмѣсто всего награжденія, уменьшить только его работу. По

чему

чему не требовалЪ уже отЪ него такой прилѢжности , кЪ какой прежде былЪ принуждаемЪ , и сверьхЪ того далЪ ему на отдыхЪ по два дня вЪ недѢлѢ. Несчастной невольникЪ увидя, что надзиратель сталЪ показывать кЪ нему благосклонность, не упуская сего случая просилЪ его о перемѢнѢ своего состоянія доставленіемЪ вЪ число придворныхЪ невольниковЪ. ОрканЪ выслушавЪ его прозьбу, и имѢя вЪ мысляхЪ великое предпріятіе , вЪ томЪ ему отказалЪ. Я тебя скоро вЪ число оныхЪ доставлю , отвѢтствовалЪ онЪ , и ты вЪ короткомЪ времяни судьбою своею будешь доволенЪ. ПосѢщеніе Паши нашего приближается , и вЪ оное будетЪ тебѢ сія милость оказана. Слова сего варвара были повелительныя , и на оныя противурѢчить было не можно. АлфонзЪ , хотя ни слова на то не отвѢтствовалЪ , однако чувствителвно огорченЪ былЪ , что Гераидино сокровище столь худо употреблено было. ОнЪ опасался чрезЪ то лишиться свиданія сЪ нею , и намѢрился отписать кЪ ней прося позволенія , чтобЪ его на нѢсколько

сколько минутъ къ себѣ допустила; и для того удаляясь въ уединенное мѣсто, написалъ карандашемъ, которой всегда при себѣ имѣлъ, письмо къ Маргатовой дочери въ слѣдующихъ словахъ:

Великодушной Гераидѣ.

Мое несчастїе одерживаетъ надъ вашимъ великодушїемъ побѣду, милостивая государыня! Орканъ не умоляемъ; и я умру отъ горѣсти, естьли вы не помѣшаете въ моей смерти, позволя мнѣ увидѣть прекрасную и жалостливую Гераиду. Я хочу изустно ея увѣрить, что она наложила на меня такїя оковы, которыя гораздо крѣпче невольническихъ цѣпей моихъ.

Сїе письмо положилъ онъ въ тотъ же ящикъ, въ которомъ отъ сей красавицы къ нему было брошено, и въ назначенное время пошелъ въ куртину. Старая невольница нѣмѣцкая пришла туда же. Онъ разсказалъ ей отъ слова до слова бывшей съ надзирателемъ разговоръ, и изъяснилъ весьма живо свое отчаянїе, въ которое суровостїю сего варвара приведенъ былъ. Послѣ того заклиналъ

налъ ее вручить письмо великодушной Гераидѣ и разсказать отвѣтъ Оркановъ. Оное исполнить невольница взялася, и обѣщала на другой день въ этомъ же мѣстѣ принесть отвѣтъ къ нему, и съ тѣмъ они разстались.

Алфонзъ препроводилъ ночь сїю неспокойнѣе прежней. Любовь, коей заразы начиналъ онъ чувствовать, не дозволялала ему вкусить ни малаго покою. Описанїе старой невольницы о красотѣ дочери Маргатовой, и нѣжная его склонность, которую онъ изъ письма ея возымѣлъ, прямую страсть въ него вселили. Онъ увѣрился, что чрезмѣрное ее великодушїе, съ которымъ она о благополучїи его старалась, происходило отъ взаимной любьви къ нему, и восхитясь симъ воображенїемъ, намѣрился ее любить вѣчно. Но скоро потомъ разсматривая прилѣжнѣе пламенную любовь свою съ ужасомъ предвидѣлъ, что различїе ихъ вѣры и состоянїя никакого благополучїя вѣчно имъ не обѣщаетъ. Хотя онъ о человѣколюбїи Маргатовомъ и предваренъ былъ, и хотя надѣ-

надѣялся отъ него свободы, ежелибъ сыскалъ случай о своемъ злополучіи его увѣдомить, только не могъ тѣмъ льститься, чтобъ Паша позволилъ ему любить Гераиду безъ принятія Магометанскаго закона, и не извѣстясь о его природѣ. Терзаяся сими размышленіями, предпріялъ онъ лучше умереть, нежели ввергнуться въ беззаконіе перемѣною своей вѣры.

Сверьхъ сего помышлялъ онъ и о томъ, открыться ли ему въ незнаемости своего роду; ибо по всѣмъ доказательствамъ видно было, что жизнь свою получилъ онъ отъ Турки. Хотѣлъ открыть сію тайну, но страшился, дабы опознавши не отослали его за знатной выкупъ къ родителямъ. Портретъ при немъ найденной увѣрялъ его, что изображенная на немъ особа была дѣйствительно мать его; а званіе Султаншино доказывало ему несумненно, что она Магометанка, и имѣетъ мужа тогожъ закону. Все сіе ввергало его въ ужасную печаль, и принуждало изтребить вовсе склонность къ Гераидѣ. Но въ тужъ минуту

нуту сильное стремленiе страсти перемогая разсудокЪ , побужало его неотмѣнно сЪ нею увидѣться. Кто знаетЪ , гогорилЪ онЪ самЪ вЪ себѣ , что не склонится она кЪ принятiю нашего закона ? МожетЪ быть небо для того только вЪ сiю неволю меня и ввергнуло , что бы употребить орудiемЪ кЪ ея обращенiю? можетЪ быть согласится она по любьви ко мнѣ оставить свое отечество и удалиться со мною? Сими лѣстными мыслями любовь , которую онЪ потушить старался , пуще разгаралась. День засталЪ его вЪ сей же прiятной надеждѣ , и оной былЪ изЪ тѣхЪ , которые ОрканЪ далЪ ему на отдыхЪ. Не мѣшкая ни мало , пошелЪ онЪ вЪ садЪ , надѣяся безЪ помѣшательства пробыть вЪ немЪ до вечера. Во все время невольничества своего, не видывалЪ онЪ тамЪ никого изЪ знатныхЪ , ибо множество работниковЪ препятствовало имЪ прогуливаться. Паша и приближенные кЪ нему имѣли особливые сады при дворцѣ , гдѣ ихЪ никто не могЪ видѣть. АлфонзЪ заключа изЪ сего , что онЪ одинЪ

только вЪ ономЪ саду гуляетЪ, ходилЪ по всѣмЪ мѣстамЪ, которыя почиталЪ достойными своего любопытства.

Прохаживаясь увидѣлЪ онЪ аллею весьма отмѣнной отЪ другихЪ работы, и желая прилежнѣе осмотрѣть оную, намѣрился войти вЪ нее; но вЪ самое то время увидѣлЪ, что изЪ нея двѣ женщины вышли, кои усмотря его остановились и устремя глаза сЪ прилѣжностїю разсматривали. Лицы ихЪ были не покрыты. Старшая изЪ нихЪ казалась лѣтЪ сорока, а младшая близко двашцати лѣтЪ; но обѣ были столь прелестны, что АлфонзЪ увидя ихЪ здѣлался неподвиженЪ. ВЪ одну минуту почувствовалЪ онЪ кЪ старшей, сЪ нѣжностїю смѣшенное почтенїе, которое принуждало его противЪ воли проливать слезы; а младшая сердце его кЪ пламенной любьви склонила.

Увѣрясь мысленно, что младшая изЪ нихЪ была любезная его Гераида, хотѣлЪ было вЪ чрезвычайной своей радости упасть кЪ ногамЪ ея; но разсудокЪ не вовсе еще

помра-

помраченной удержалъ его отъ сего намѣренія. Онъ пришелъ глядя на нихъ въ пущее смущеніе, и не зналъ дожидатися ли ихъ, или удалиться. Старшая изъ сихъ госпожъ усмотрѣла его безпокойство, но смущенія своей подруги примѣтить не могла. Она дала знакъ, чтобъ онъ къ ней приближился; что онъ и исполнилъ: и упавши на колѣни предъ нею, просилъ въ отважности своей, что встревожилъ ихъ гуляніе, прощенія. Султанша услышавъ, что Алфонзъ говоритъ по Гишпански, отвѣчала ему на томъ же языкѣ: что ни по чему виннымъ его не почитаетъ, и что онъ никакого опасенія имѣть не долженъ, ибо Паша находится въ отсутствіи. Потомъ спрашивала его о родѣ имяни и отечествѣ. Всѣ ея вопросы были хотя величественно, однако весьма человѣколюбиво и жалостливо произносимы, отъ чего Алфонзъ въ несказанную пришелъ чувствительность и смятеніе. Но по нѣсколькихъ минутахъ привудя себя отвѣтствовалъ: Милостивая государыня! я родомъ

Гиш-

Гишпанецъ, зовутъ меня Алфонзомъ; а отецъ мой былъ карабельной Капитанъ, и назывался Алонзесомъ. Мы попались съ нимъ вмѣстѣ, продолжалъ онъ, въ неволю къ вашему супругу, будучи побѣждены его храбростїю. Но къ пущей моей печали, не имѣю я никакого извѣстїя о участи отца моего, съ коимъ разлучили насъ въ первой день нашей неволи. Я назначенъ здѣсь къ горькой работѣ, и нахожусь во власти жестокосердова Оркана. Султанша выслушавъ рѣчь его тяжко вздохнула, и взглянувъ на него умильнымъ взоромъ, говорила: естьлибъ Паша тебя увидѣлъ, то не достался бы ты въ такїя варварскїя руки. Однако старайся узнать моего мужа; онъ человѣколюбивъ, и весьма жалостливъ къ Христїанамъ. Я уповаю, что и ты отъ него получишь свободу, какъ скоро онъ тебя узнаетъ: только во всѣхъ дѣлахъ старайся скрывать то, что ты насъ здѣсь видѣлъ.

По сихъ словахъ пошли они отъ Алфонза опустя покрывалы съ поспѣшенїемъ, и оставили его въ

такомъ

такомъ состоянiи, котораго легко изобразить не можно. Казалось, что отшествiе ихъ исторгнетъ душу его изъ тѣла; лицо его слезами обливалось, внутренное унынiе имъ овладѣло, и душа его отягчена была жестокимъ мученiемъ. Онъ не могъ узнать, которую изъ нихъ больше любитъ, и думалъ, что равную къ обѣимъ имѣетъ склонность. Гераида, понуждала его чувствовать такую нѣжную прiятность, которая въ него любовь вливала; а напротивъ того подруга ея вселяла въ него безпримѣрное почтенiе, и тѣмъ въ такое безпокойствiе ввергала, какого и прекрасная его любовница не производила. Долгое время не могъ онъ оставить того мѣста, гдѣ съ ними разговаривалъ, и сошелъ съ него очень поздо, опасаясь, дабы Орканъ не засталъ. Пошедъ къ своимъ товарищамъ проводилъ съ ними время до назначеннаго свиданiя, и былъ въ такихъ смущенныхъ мысляхъ, которыхъ со всѣмъ своимъ разумомъ, какъ ни усиливался, истребить не имѣлъ силы. Онъ положилъ возпротивиться

тивиться любьви, и хотѣлъ стараться выгнать изъ мыслей всѣ печальныя воображенiи, и ни о чемъ больше кромѣ своей свободы не думать; но сiе предпрiятiе и минуты не продолжалось. Отмѣня оное намѣрился всѣмъ на свѣтѣ жертвовать тому счастiю, чтобъ любить прекрасную Гераиду, и отъ нее взаимно быть любиму. Встрѣтившись съ ними въ саду, усмотрѣлъ изъ глазъ ея радость; а при отшествiи примѣтилъ смущенiе и безпокойство. Лице ея тогда перемѣнилось, когда старшая звала ее домой итти; изъ чего онъ не сумнѣваяся заключилъ, что все сiе происходило изъ страстной любьви къ нему, и отъ сего воображенiя забылъ всѣ свои горести, и не почиталъ себя болѣе въ числѣ несчастныхъ.

Въ сихъ мысляхъ пошелъ онъ во время третьей молитвы, къ назначенной куртинѣ. Невольница Гераидина пришла туда въ одну съ нимъ минуту, и взявъ его за руку, говорила: пойдемъ со мною! я отведу тебя въ ту аллею, въ которой се-

го дни видѣлъ ты Гераиду; она ожидаетъ тебя тамо. Отъ радости внѣ себя приведенной невольникъ летѣлъ за нею; а приближившись къ прекрасной Гераидѣ, упалъ къ ногамъ ея, и страстными взорами изъявлялъ состоянiе души своей, будучи не въ силахъ изъяснить онаго словами. Встань Алфонзъ, говорила ему сiя красавица съ прiятностiю; встань, я тебѣ повелѣваю; тщетны бы труды мои были, естьлибъ захотѣла я скрыть отъ тебя, что ты мнѣ понравился. Весьма ужѣ ясно я оное доказала, и поздо мнѣ притворяться въ такой склонности, которая по моему разсужденiю не столь порочна, чтобъ ее стыдиться. Письмо твое увѣряетъ меня, что и ты ко мнѣ несклоненъ; и естьлибъ мы могли слѣдовать нашимъ сердечнымъ чувствамъ, то были бы совершенно благополучны. Но въ теперешнихъ обстоятельствахъ, не хочу допустить тебя со всѣмъ страсти твоей предаться; а хочу разорвать твои оковы, не отягощая новыми. Я намѣрилась воспротивиться прiятной нѣ-

жности

жчости тобою вЪ меня влїянной; хочу отослать тебя вЪ твое отечество, и на вѢки сЪ тобою разлучитися, ибо не надѢюся лучшаго счастїя снискать тебѢ. Султанша, мать моя, которой ты сего утра нечаянно встрѢтился, возЪимѢла кЪ тебѢ такую склонность, которая ни малой разности сЪ моею не имѢетЪ. Твое злополучїе чувствительно ее трогаетЪ. Есть еще и другїя причины, побуждающїя мать мою быть кЪ тебѢ благосклонною. Сколь скоро родитель мой возвратится, намѢрена она просить его о твоей свободѢ. Попеченїе о удовольствованїи тебя нужнымЪ для проѢзду вЪ Гишпанїю, она на себя сЪ удовольствїемЪ прїемлетЪ; а я для того только увидѢлась сЪ тобою, чтобЪ тебя о томЪ увѢдомить. Знай, что сїе наше свиданїе, продолжала она, перьвое и послѢднее вЪ моей жизни. Живи благополучно; и когда будешь у своихЪ сродниковЪ, хотя изЪ рѢдка приводи меня кЪ себѢ на память; и вѢрь, что вЪ печаляхЪ погруженная Гераида, ни чѢмЪ безЪ тебя

счастлива быть не можетъ. Ахъ сударыня! вскричалъ Алфонзъ удержавъ ее за полу: что это! Открывъ мое благополучїе, хотите вы безъ жалости меня оставить! не ужь ли для того только здѣлались вы ко мнѣ благосклонны, чтобъ ускорить смерть мою, и не ужь ли думаетъ великодушная Гераида, что разорванїе цѣпей моихъ состоитъ въ моей волѣ? Нѣтъ сударыня! невольническїя мои оковы больше здѣсь меня не удерживаютъ; но есть теперь другїе въ тысячу разъ крѣпче оныхъ, которыя сопрягаютъ меня съ Моргатомъ на вѣки. Я васъ обожаю, милостивая государыня! и не хочу такой свободы, которая лишитъ меня вѣчно вашего присутствїя. Я знаю, что несчастному невольнику не позволяется имѣть съ вами такихъ разговоръ, и что ему взоровъ на дочь господина своего взводить не должно. Но когда ужѐ вы сами не устыдились унизиться ставъ ко мнѣ благосклонною, тогда позволяется и мнѣ, забывъ мое состоянїе, доказать вамъ страстное пламя моего сердца, которое отъ

любьви къ вамъ сгараетъ. Благодарность произвела страсть мою, а красота ваша всечастно оную усугубляетъ. Я не могу о томъ и подумать, чтобъ оставить сïе прелестное мѣсто. Увы!... къ чему мнѣ помочь великодушной Султанши? Ни она, ни вы не знаете со всѣмъ презрительной моей участи. Словомъ, сударыня, продолжалъ онъ въ чрезмѣрной своей страсти, я ни что иное какъ игра счастïя, безъ отечества, безъ родителей, и незнаемъ самому себѣ. Я долженъ буду повсемѣстно скитаться, и имѣть бѣдственную жизнь, коли лишусь послѣднïя утѣхи, видѣть любезную Гераиду, любить ее, и быть отъ нее любимымъ. Хотя страсть моя безнадежна и опасна; но почтенïе мое будетъ ее всегда удерживать въ должной молчаливости. Я не требую за то никакого воздаянïя, кромѣ того, чтобъ вѣчно остаться невольникомъ дражайшей моей Гераиды.

Рѣчь сïя тронула и удивила молодую Султаншу. Какъ! спрашивала она Алфонза, такъ ты не Гишпанецъ?

нецЪ ? Я бы могЪ, милостивая государыня, имЪ назваться, отвѣтствовалЪ АлфонзЪ, естьлибЪ воспитанїе отечествомЪ почиталось; но я не рожденЪ вЪ немЪ. НесчастнымЪ случаемЪ достался я вЪ Гишпанїю вЪ чужїя руки, и всѣмЪ что вы во мнѣ видите, долженЪ великодушному моихЪ благодѣтелей попеченїю. Но одного изЪ нихЪ похитила смерть, а сЪ другимЪ разлучился я неволею. ОнЪ былЪ вЪ одинЪ день со мною заключенЪ вЪ оковы; и сЪ того дня не извѣстно мнѣ куда его дѣвали. ЗлополучїемЪ твоимЪ я чувствительно тронута, отвѣтствовала Гераида, утирая текущїя слезы, и твоя повѣсть побуждаетЪ меня взять больше вЪ судьбѣ твоей участїя. Естьли тебѣ слова мои хотя малою утѣхою служить могутЪ; то вѣрь мнѣ АлфонзЪ! и будь надѣженЪ, что ты мнѣ милЪ несказанно, и что я не упущу ничего кЪ здѣланїю тебя благополучнымЪ. Будь ты тѣмЪ, чѣмЪ быть хочешь; но я думаю, что природа твоя благородна. Твои поступки меня вЪ томЪ увѣряютЪ. Гераида

также, какъ и ты, несчастна, продолжала молодая Султанша, и я не удивляюсь теперь тому, что сердца наши другъ къ другу столько склонности возъимѣли: ибо имѣемъ мы одинакую участь. Моргатъ мнѣ не отецъ, и Султанша на свѣтъ меня не производила. О моей природѣ и отечествѣ столькожъ мнѣ извѣстно, какъ и тебѣ о твоемъ произшествiи. Но приключенiи наши требуютъ гораздо больше оставшагося теперь времяни. Я всѣми мѣрами буду стараться еще разъ увидѣться съ тобою; а до тѣхъ поръ ты ни о чемъ не печалься. Мы допустимъ жалостливую и человѣколюбивую Султаншу къ испрошенiю у Паши твоей свободы. Моргатъ до всѣхъ милосердъ и великодушенъ; я льщусь, что онъ и къ тебѣ будетъ благосклоненъ. По сихъ словахъ дала она ему поцаловать руку, и вторично съ нимъ простилась. Алфонзъ слышаннымъ почти внѣ себя приведенъ былъ, и упавъ къ ногамъ Гераидинымъ, старался продлить еще нѣсколько минутъ. Невинное сiе удовольствiе; но не

могЪ ее удержать. Прекрасная его любовница, здѣлавши склонности своей насилїе, удалилась отЪ него сЪ такою скоростїю, что онЪ ни отвѣтствовать, ни слѣдовать за нею успѣть не могЪ. ПотерявЪ ее изЪ виду, пошелЪ вЪ обыкновенное свое жилище, повторяя вЪ мысляхЪ отЪ нее услышанное. Восхитясь онымЪ, находилЪ онЪ великое удовольствїе вЪ сходствѣ ея доли сЪ своею, и льстился новою надеждою склонить ее кЪ оставленїю сихЪ варварскихЪ мѣстЪ. Уповая на сїе, намѣрился употребить всѣ возможности, кЪ сысканїю входа во дворецЪ МоргатовЪ; дабы чрезЪ то еще разЪ получить случай увидѣться сЪ Султаншею, которая столь хорошо говорила по Гишпански, что онЪ ее за природную почиталЪ Гишпанку. Не безЪ извѣстно ему было, что Турки больше любили невольницЪ, нежели законныхЪ женЪ своихЪ; а притомЪ и красота Султаншина подкрѣпляла его мнѣнїе, что она достоинство сїе красотою своею получила. ОнЪ вспомнилЪ и то, что ТуркамЪ множество женЪ имѣть позволено,

зволено, и что они о вѣрности мало помышляютъ, и отъ того ужасно безпокоился, и не могъ искоренить произшедшей въ немъ ревности. Молодость и красота Герайдины вперяли въ него мысли, что Моргатъ ее любитъ. Сіи размышленіи усугубляли его подозрѣніе, и любьви препятствіемъ казались. Терзаясь оными, не могъ онъ уснуть ни одной минуты, и всю ночь препроводилъ не затворяя глазъ въ несказанномъ смущеніи. Наконецъ утомясь отъ размышленій вздумалъ перемѣною мѣста истребить ихъ, и для того при наступленіи дня всталъ, и пошелъ къ горной работѣ.

Понеже отъ разрыванія пригорковъ дѣлались пещеры, и въ оныхъ находили подземные проходы; то вздумалось Алфонзу [которой давно ужè побуждаемъ былъ любопытствомъ осмотрѣть ихъ] войти въ одну изъ оныхъ. Но какъ скоро вступилъ въ самую ближнюю, то не успѣлъ еще и пяти шаговъ здѣлать, а услышалъ уже голосъ разговаривающихъ людей. Онъ тотчасъ

часѣ остановился, и призналѣ, что Орканѣ съ кѣмѣ то разговаривалѣ. Удивясь чрезмѣрно нашедѣ его вѣ такое время вѣ семѣ необыкновенномѣ мѣстѣ, сталѣ слушать рѣчь его со вниманіемѣ. Первое, что Алфонзѣ услышалѣ, были слѣдующія Оркановы слова кѣ бывшему съ нимѣ вѣ пещерѣ: Намѣреніе мое твердо предпринято, и кѣ произведенію онаго все готово. Я не могу долѣе сносить моего рабства; и когда Король усердію и вѣрности моей воздаянія здѣлать не хочетѣ, тогда должно мнѣ самому стараться о своемѣ благополучіи. Моргатѣ владѣетѣ мѣстомѣ мнѣ принадлежащимѣ, котораго бы ему никогда безѣ помочи Паши Бауценскаго получить было не можно. Но я приложу всѣ способы, дабы лишить его жизни безѣ пролитія крови вѣрныхѣ моихѣ сообщниковѣ. Съ годѣ тому назадѣ, увѣдомилѣ я Короля, что Паша нашѣ не исполняетѣ Магометанскаго закона, и никогда изѣ палатѣ своихѣ не выходитѣ, кромѣ посѣщенія Паши Бауценскаго, и выѣзду вѣ море; и что вѣ мечетѣ нико-

никогда не бываетъ; а всегда во время нашей молитвы, какъ я отъ невольниковъ его свѣдалъ, въ другихъ дѣлахъ упражняется. Только вся моя искренность служила во вредъ мнѣ, и умножила милости Королевскія къ Пашѣ Бауценскому. Мораца, называя меня обманщикомъ, исходатайствовалъ отъ Короля запретительной указъ, чтобъ я ни о чемъ не помышлялъ, кромѣ ввѣренныхъ мнѣ невольниковъ, и никогда бы не упоминалъ о Моргатѣ. И такъ, любезной Гаметъ, не остается мнѣ теперь никакой надежды, кромѣ моего храбраго предпріятія. Моргатъ здѣлалъ мнѣ наичувствительную обиду отнятіемъ моей невольницы; и хотя послѣ того дватцать два года ужѐ минуло, и любовь моя къ ней со всѣмъ погасла, однакожъ не погасло во мнѣ желаніе къ отмщенію.

Но увѣренъ ли ты, спрашивалъ Гаметъ Оркана, въ своихъ невольникахъ? и надѣешься ли, что они опасному сему повелѣнію послушни будутъ? Могутъ ли они въ томъ мнѣ возпротивиться, отвѣчалъ Ор-

канъ? Развѣ я не господинъ ихъ? Они склонены мною къ сему предпріятію, и обнадежены воздаяніемъ. Я озлословилъ имъ Пашу весьма жестокосердымъ человѣкомъ, и увѣрилъ, что онъ по окончаніи работы намѣренъ всѣхъ ихъ лишить жизни. Напротивъ того обѣщалъ имъ дать свободу и знатное награжденіе, естьли помогутъ мнѣ умертвить его; на что всѣ они склонились. А какъ уже время посѣщенія Морганова наступаетъ; то я оное наиспособнѣйшимъ къ исполненію моего намѣренія почитаю: ибо онъ обыкновенно приходитъ съ небольшою свитою. Тотъ самой день, въ которомъ является онъ сюда пышнымъ моимъ повелителемъ, назначилъ я днемъ его погибели. Оружіе для всѣхъ невольниковъ изготовлено; но я не покажусь при сраженіи ихъ сообщникомъ, и не буду держать ни чьей стороны, а притворюсь будто бы его защищаю. Симъ вымысломъ безъ всякихъ затрудненій можно мнѣ будетъ назвать сіе приключеніе бунтомъ невольниковъ, естьли оно мнѣ

удастся.

удастся; а ежели Моргатъ одержитъ верьхъ, то и тогда не можно ему будетъ подозрѣвать меня.

Донъ Алфонзъ сею мерскою измѣною въ ужасъ приведенной, не хотѣлъ о ней больше вѣдать, а дабы его не увидѣли, удалился съ возможною скоростїю, и помышлялъ, какимъ бы образомъ ее упредить. Нѣкая тайная склонность побуждала его стараться о спасенїи Моргата, и хотя почиталъ его своимъ солюбовникомъ, однако былъ весьма великодушенъ, и не желалъ ему столь презрительной погибели; по чему ни о чемъ, кромѣ отвращенїя оной, не думалъ; но дѣло сїе было весьма трудное. Сперьва хотѣлъ было онъ ввѣрить сїю тайну для пересказанїя Пашѣ старой невольницѣ; но подумавъ увидѣлъ, что сїе намѣренїе опасно. Потомъ вздумалъ было отписать о томъ къ Гераидѣ, но и сїе почиталъ также непристойнымъ дѣломъ, которое могло бы привесть ее въ подозрѣнїе: ибо не льзя ей было увѣдомить Пашу, не объявя притомъ и того, что имѣетъ тайную переписку съ его невольникомъ.

Въ таковыхъ будучи размышленіяхъ безпокоился онъ ужасно, и на конецъ пришла ему въ мысль одна выдумка, которую намѣрился исполнить, хотя для того, что ежели оная будетъ и не удачна, такъ по крайнѣй мѣрѣ дастъ время къ лучшему вымыслу. Предпріявъ сіе вмѣшался въ свободной часъ между своихъ товарищей, и взявши бумагу писалъ на ней карандашемъ со всѣмъ необыкневенные знаки, называя ихъ волшебными. При семъ дѣлѣ казался онъ столь задумчивымъ и важнымъ, что невольники приведены были тѣмъ въ любопытство, и желая узнать, что онъ дѣлаетъ, безотступно о томъ его вопрошали. А Алфонзъ отвѣтствовалъ имъ съ важнымъ видомъ, что дѣлаетъ сіи знаки для того, дабы узнать судьбину отца своего, и долго ли продолжится ихъ неволя. По сихъ словахъ всѣ невольники его окружили, и просили предсказать имъ то, что съ ними случится; а Алфонзъ будучи съ ними долгое уже время, и зная довольно о ихъ приключеніяхъ, безъ труда могъ нѣкоторые

ихъ вопросы угадывать. Разсказавши двоимъ или троимъ весьма справедливо бывшее съ ними, удивилъ ихъ несказанно. Они почли его въ истинну искуснымъ звѣздочетцемъ, и разсказывали о томъ своимъ товарищамъ, которые желая также узнать о своей участи, просили о томъ Алфонза. Притворной волшебникъ сказалъ всѣмъ, что никому ничего не скажетъ до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ему клятвы, дабы никому не объявлять о его искусствѣ.

Въ тужъ минуту всѣ невольники, желая любопытство свое удовольствовать, клялись быть молчаливыми, а Алфонзъ обѣщалъ не только сказать будущее съ ними, но хотѣлъ и искусству своему выучить. Нѣкоторые между ими были влюблены въ придворныхъ невольницъ, и тайно съ ними видались. Звѣздочетъ зналъ о томъ, и видая многихъ по ночамъ въ садъ на свиданїе приходящихъ, обнадѣживалъ ихъ успѣхами въ страсти; а они слышаннымъ восхищались. Намѣренїе его состояло въ томъ, что можетъ

жетЪ быть чрезЪ сїю шутку дойдетЪ слухЪ о немЪ и до Моргата: ибо онЪ надѣялся, что невольники, не взирая на ихЪ клятвы, конечно кому нибудь изЪ друзей своихЪ радость свою скажутЪ. Хотя сїя надежда на пустомЪ только воображенїи основанїе имѣла, и весьма невѣроятнымЪ способомЪ кЪ отвращенїю коварнаго умыслу казалась, однако небо вложивши оную вЪ мысль Алфонзову, допустило столь счастливо окончать, какЪ онЪ и самЪ не надѣялся. ОдинЪ невольникЪ будучи предсказаннымЪ весьма доволенЪ, не могЪ скрыть своей радости отЪ нѣкоего друга придворнаго невольника, которой любопытствуя узнать о себѣ, склонилЪ Мавританца, чтобЪ онЪ упросилЪ Христїанина угадать его участь, а оной не могши отговориться, друга своего вЪ томЪ обнадежилЪ.

Увидѣвшись сЪ звѣздочетомЪ, принесЪ ему вЪ своемЪ преступленїи извиненїе, и просилЪ о своемЪ другѣ разсказывая часЪ и минуту его рожденїя. АлфонзЪ почитая сей случай благосклоннымЪ своему вымыслу,

мыслу, отговариваясь нѣсколько минутъ вывѣдывалъ изъ невольника нужное къ своему пророчеству; а потомъ изображалъ все приключившееся съ его другомъ, а особливо знатные случаи, кои тутъ же свѣдалъ, и обѣщалъ ему въ слѣдствіи великое счастіе. Мавританецъ побѣжалъ пересказать своему другу предсказанное, и привелъ его въ неописанное удивленіе. Въ тотъ же часъ придворной невольникъ разгласилъ во дворцѣ, что въ числѣ невольниковъ Оркановыхъ есть одинъ Христіанинъ, которой пречуднымъ образомъ волшебную науку знаетъ. Слухъ объ ономъ распространившейся дошелъ чрезъ пять дней и до Моргата. Между тѣмъ ходилъ Алфонзъ всякой вечеръ въ садъ, желая увидѣть старую невольницу; но трудъ его былъ тщетенъ. Посланница Гераидина больше ему не казалась; а онъ отъ того несказанно беспокоился. Въ шестой день по его вымыслѣ, приказалъ Паша Оркану представить къ себѣ Христіанскаго невольника. Хотя сей варваръ онымъ повелѣніемъ чрезмѣрно

огор-

огорченЪ былЪ, однако долженствовалЪ повиноваться, и отдать Алфонза главному надЪ придворными невольниками надзирателю, которой взявши онаго вЪ тужЪ минуту отвелЪ кЪ Моргату. АлфонзЪ никогда еще не чувствовалЪ такого удивленія, вЪ какое приведенЪ былЪ видомЪ Паши сего. ОнЪ воображалЪ найтить грубаго и суроваго Турку дикаго и свирѣпаго нраву; но напротивЪ того увидѣлЪ прекраснѣйшаго человѣка, подобнаго коему вЪ жизнь свою почти не видывалЪ. РостЪ его былЪ складенЪ, а лице человѣколюбивое, и вЪ немЪ изображалась пріятность и благородное величество. ВЪ самую перьвую минуту влилЪ онЪ вЪ Алфонза почтеніе, и одержалЪ верьхЪ надЪ его гордостью. Молодой ГишпанецЪ поклонился Пашѣ сЪ такимЪ униженіемЪ, какого оказать ему былЪ не намѣренЪ. Чувствіе вЪ сердце Моргатово АлфонзомЪ вкорененное было столькожЪ сильно; и хотя пяти мѣсячная невольничья жизнь красоту его гораздо перемѣнила, однако благороднымЪ своимЪ видомЪ превосхо-

сходилъ онъ всѣхъ Христїанскихъ невольниковъ. Паша далъ ему знакъ къ себѣ приближиться, и сказалъ надзирателю нѣсколько Турецкихъ словъ, которой ему на томъ же языкѣ отвѣтствовалъ. Алфонзъ хотя и разумѣлъ нѣсколько по Турецки, однакожъ Паша не зная онаго, спрашивалъ надзирателя, какимъ языкомъ говоритъ невольникъ, и разумѣетъ ли по Турецки? Узнавъ отъ Муцаима, что онъ Гишпанецъ, оборотился къ Алфонзу, и спрашивалъ его по Гишпански: Кто онъ таковъ? Какъ давно находится невольникомъ? и для чего не выкупился? Милостивый государь! отвѣтствовалъ Алфонзъ, я родомъ изъ Кадикса; нѣкоторыя нужныя обстоятельства звали отца моего въ Малагу, и оттуда понуждали насъ ѣхать въ Минорку. При семъ проѣздѣ имѣли мы несчастїе встрѣтиться съ кораблемъ вашимъ, и уступить рѣдковиданной вашей храбрости. Вы раздѣлили добычу свою съ Пашею бывшимъ тогда съ вами. Я достался на вашу часть, а отецъ мой на другую. Участь

его

его по сїе время мнѣ не извѣстна, и я не могъ и о себѣ его увѣдомить. Все наше весьма посредственное богатство родитель мой имѣлъ при себѣ, и я разлучась съ нимъ пришелъ въ несостоянїе разорвать мою неволю. Рѣчь свою изъяснилъ онъ съ такимъ велерѣчїемъ и прїятностїю, которая Пашу въ пользу его предварила. Изъ глазъ Алфонзовыхъ была видна благодарная его природа, заставляющая всѣхъ присудствующихъ смотрѣть на него съ почтенїемъ. Моргатъ не могъ спустить съ него глазъ своихъ, и по краткомъ молчанїи началъ сими словами: Я запретилъ Оркану брать Христїанскихъ невольниковъ къ горной работѣ, а назначилъ ихъ для моего дому. Непослушанїе его ужасно меня раздражаетъ, а гнѣвъ мой твоимъ мученїемъ, которое ты у него претерпѣлъ, усугубляется. Теперь останешься ты при мнѣ; я сыщу отца твоего и уменьшу тѣмъ твое несчастїе. Между тѣмъ увѣдомь меня о произшедшемъ здѣсь слухѣ, будтобъ ты узнаешь предбудущїя приключенїя. Откройся мнѣ не

не таяся, и уповай на мое великодушіе.

Алфонзъ упавъ на колѣни просилъ тихо Пашу, чтобъ отвелъ его въ уединенное мѣсто, гдѣ можетъ показать ему свое искусство. Морганъ, догадываяся въ ономъ дѣлѣ быть какой ніесть тайнѣ, велѣлъ ему встать, и отведши къ окну говорилъ: Молодой Христіанинъ! сказывай все безъ опасенія; здѣсь никто, кромѣ меня, не разумѣетъ Гишпанскаго языка. Алфонзъ взирая на него съ подобострастіемъ, говорилъ: Милостивый государь! нѣкое тайное движеніе побуждало меня не знавши васъ взять въ жизни вашей участіе; а теперь присудствіе ваше возбраняетъ мнѣ притворствовать предъ вами. Я не волшебникъ; вѣра моя довольно меня въ томъ наставила, что знаніе о будущемъ вышней Судья всѣхъ смертныхъ единственно для себя оставилъ. По чему не смѣя ничего такого себѣ приписывать, что ему принадлежитъ, выдумалъ я невинную сію хитрость лишь на то, дабы снискать свиданіе съ вами,

ми , и открыть измѣнническое Орканово противъ васъ предпрїятїе. По сихъ словахъ разсказалъ Пашѣ все слышанное отъ слова до слова , и привелъ его тѣмъ въ такое смущенїе , коего онъ скрыть не могъ. Во время рѣчи Алфонзовой перемѣнялся Моргатъ многократно въ лицѣ , и казалось , что дѣлаетъ великое себѣ насилїе. Когда невольникъ престалъ говорить , тогда Паша ободрившись, благодарилъ онаго за его великую услугу , и обнадеживалъ въ воздаянїе за то скорую вольность. Влюбленной Гишпанецъ страшася разлученїя съ Гераидой пуще всякаго злополучїя , отвѣтствовалъ на то , что никакой не требуетъ себѣ милости , кромѣ сысканїя отца своего , и что безъ него не желаетъ возвратиться въ отечество. Моргатъ оное обѣщалъ ему , и подозвавъ надзирателя придворныхъ невольниковъ , говорилъ : Муцаимъ ! я препоручаю тебѣ сего Христїанина ; возьми его въ число тѣхъ , кои для двора моего назначены.

Надзи-

Надзиратель поклонясь Пашѣ ниско, далъ знакъ молодому невольнику итти за собою; а приведши его въ невольническіе покои, одѣлъ въ подобную другихъ Христіанъ богатую одѣжду, снялъ съ него оковы, и наложилъ въ знакъ рабства сереброное ожереліе, на коемъ висѣла цѣпь того же металла; потомъ говорилъ ему: служба твоя состоитъ въ томъ, чтобъ ты всякой день, когда Паша встаетъ и спать ложится, былъ въ его спальнѣ. Онъ объявилъ ему и то, что не позволяется имъ выходить изъ дворца, и имѣть разговоры съ невольниками, кромѣ придворныхъ. У насъ есть оныхъ три рода, продолжалъ надзиратель; перьвой, въ коемъ ты находишься, состоитъ изъ такихъ Христіанъ, кои могутъ себя выкупить, и изъ такихъ, которые плѣнясь великодушіемъ нашего господина, неволю свободѣ предпочитаютъ. Второй есть изъ природныхъ здѣшней земли, и они назначены служить Пашѣ при его военныхъ дѣйствіяхъ. А въ третьемъ состоятъ Мавры и Арапы, и оныe

оныя отданы подъ смотрѣнїе Оркана, гдѣ самыя тяжкїя исправляютъ работы. Моргатъ не дозволяетъ намъ съ ними нималѣйшаго имѣть обхожденїя, а причина тому скоро будетъ тебѣ извѣстна: ибо будешь ты свидѣтелемъ всѣхъ его поступокъ. Только при всемъ томъ, что ты здѣсь ни увидишь, надлежитъ быть весьма скромну. Всѣ мы служимъ нашему господину больше изъ любви, нежели изъ подобострастїя, да и ты скоро судьбу свою весьма счастливою почитать будешь, и не захочешь ей перемѣны.

Алфонзъ отъ сего разговора пришелъ въ удивленїе, и хотя удерживался отъ перебитїя рѣчи Муцаимовой, но не могъ перемочь стремительнаго своего любопытства. Услышавъ, что надзиратель говоритъ съ нимъ по Гишпански, такъ хорошо, какъ природнымъ языкомъ, перервалъ наконецъ рѣчь его и говорилъ: Великодушной Муцаимъ! я нимало во всемъ тобою сказанномъ не сумнѣваюсь. Сердце мое въ сей часъ несказанную возъимѣло склон-

ность,

ность, и для меня радость сїя весьма велика, что я могъ найти здѣсь земляковъ своихъ. Чистое произношенїе нашего языка увѣряетъ меня, что ты природной Гишпанецъ. Сїе доказательство еще не довольно вѣроятно, отвѣтствовалъ Муцаимъ усмѣхнувшись, ибо Паша лучше меня говоритъ по Гишпански; однако, продолжалъ онъ, я не хочу ничего скрывать отъ тебя. Вѣдай, что я уроженецъ Гранадской; несчастное разбитїе корабля при сихъ берегахъ случившееся лишило меня вольности. Хотя бы я тогда же могъ выкупиться, когда попался въ неволю Паши Тресъ-Форкатскаго, однакожъ понравился онъ мнѣ столь сильно, что принудилъ забыть друзей, сродниковъ и отечество. Алфонзъ вопрошалъ его, сколько женъ Паша имѣетъ? Одну только, отвѣтствовалъ надзиратель, которая достойна страстной и постоянной любьви его; а прочїя невольницы назначены только къ ея услугамъ и забавѣ: я уповаю, что ты завтрѣ ее увидишь. Моргатъ обыкновенно беретъ двухъ или трехъ невольниковъ,

когда ходитъ въ ея покои, но намъ запрещено подъ лишенїемъ жизьни безъ него ходить туда.

Алфонзъ охотно желалъ продолженїя сему разговору, но долженъ былъ итти къ Пашѣ. Муцаимъ проводилъ его въ покои къ Моргату, и обѣщался разсказать въ другое время всѣ нужныя для него обстоятельства. Они застали Пашу въ великомъ беспокойствѣ, а приходъ Алфонзовъ привелъ его въ пущее смущенїе. Онъ былъ состоянїемъ сего невольника столь чувствительно тронутъ, сколько много обезпокоенъ былъ умысломъ Оркановымъ, и въ заплату за его услугу вымышлялъ, какимъ бы способомъ скоряе сыскать отца его, и потомъ дать имъ свободу: для чего отправилъ безъ замедлѣнїя вѣрнаго изъ своихъ невольниковъ къ Пашѣ Бауценскому; а въ письмѣ своемъ просилъ его: естьли онъ въ числѣ невольниковъ, взятыхъ при послѣднемъ сраженїи, имѣетъ отца Алфонзова, то бы не умедля къ нему прислалъ. Богатой Алфонзовъ нарядъ умножалъ красоту его, и привлекалъ на себя взоры всѣхъ,

кто

кто его видѣлъ. Самъ Паша былъ имъ несказанно тронутъ, и не взирая на все притворство, коимъ хотѣлъ скрыть чувствіи своего сердца, не могъ укрѣпиться, чтобъ не оказать ему отмѣнной предъ другими ласки. Молодой невольникъ не видя въ Пашѣ нимало Турецкой грубости, ощущалъ къ нему нѣжную склонность, которая принуждала любить своего господина, и отвѣтствовалъ на привѣтствіи его съ восхищеніемъ. Они оба здѣлались столь чувствительны и мягкосердечны, что не зная причины обливались слезами, и при каждомъ словѣ произносили глубокіе вздохи.

Моргатъ стыдясь своей слабости вошелъ въ кабинетъ, дабы скрыть ее отъ бывшихъ съ нимъ; а Донъ Алфонзъ здѣлавъ нѣжности своей насиліе, вмѣшался между невольниковъ. Онъ былъ отъ нихъ весьма учтиво принятъ, и они оказывали ему такое почтеніе, коимъ привели въ несказанное удивленіе. Видъ удовольствія сіяющей на глазахъ сихъ невольниковъ, и несказанное ихъ подобострастіе къ Моргату, казались

ему чудомъ непонятнымъ. Онъ старался дойтить до того, какая бы притчина заставляла ихъ столь много любить человѣка весьма отличной съ ними вѣры, и отъ чего бы они столь привязаны къ нему были, что забывъ то, что онъ ихъ непріятель, пренебрегали свое отечество и жили у него въ неволѣ. Но въ то же время, какъ онъ о томъ размышлялъ, почувствовалъ и самъ къ нему такую же склонность, какова отъ другихъ была оказывана. Не желалъ больше вольности, и страшился, чтобъ не разорвали оковъ его. Сїе почиталъ онъ дѣйствїемъ горячей своей любьви къ Гераидѣ, и все видимое и сказанное Муцаимомъ, казалось ему волшебствомъ. Надзиратель думая, что Моргатъ не скоро выдетъ изъ кабинета, гдѣ государственныя дѣла всякое утро и вечеръ часа по три его удерживали, вознамѣрился употребить сїе время на показанїе покоевъ новому невольнику. Алфонзъ тому весьма радъ былъ, и льстился увидѣть притомъ наперстницу Гераидину: но во всѣхъ проходахъ не видалъ ни одной

ной женщины. Удивляяся несказанно всему порядку, которой владычествовалъ въ дикомъ семъ мѣстѣ, и слѣпому послушанїю невольниковъ, не могъ напослѣдокъ преодолѣть своего любопытства, и спросилъ Муцаима: Конечно вашъ Паша со всѣмъ отличнаго отъ своихъ одноземцевъ нраву; ибо обладаетъ онъ вами съ толикимъ искусствомъ и привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ, кто его ни увидитъ. Я не могу скрыть отъ тебя несказаннаго моего почтенїя имъ въ меня влїяннаго. Естьли ты его больше спознаешь, отвѣтствовалъ Муцаимъ, такъ станешь больше и удивляться. Правда, что поступокъ Паши нашего ни малаго не имѣетъ сходства съ его чиномъ, родомъ и отечествомъ. Хотя я и знаю нѣкоторыя причины отмѣннаго его великодушїя, однако не смѣю открыть тебѣ сея тайны. Пашѣ нашему должно о вѣрности и скромности того человѣка, кому захочетъ тайну свою ввѣрить, весьма быть обнадежену, и онъ только одинъ можетъ открыть ее. Милость, которую онъ къ тебѣ ока-

зываетъ подаетъ мнѣ поводъ думать, что не долго отъ тебя будетъ скрываться. Я почитаю тебя повѣренности сея достойнымъ, и охотно желаю склонить его къ здѣланію тебя въ оной участникомъ. Но притомъ, продолжалъ надзиратель, смотря на Алфонза съ прилѣжностію, я хочу просить тебя, чтобъ и ты оказалъ мнѣ нѣкоторое удовольствіе. Увѣдомь меня, не ты ли тогда, какъ мы корабль вашъ въ полонъ взяли, повелѣвалъ одною стороною онаго, и оказывая въ сраженіи отмѣнную свою храбрость, чуть было не овладѣлъ кораблемъ Паши Бауценскаго?

Я не знаю, отвѣтствовалъ Алфонзъ съ благопристойностію, кому принадлежалъ тотъ корабль, съ которымъ мы сражались, только въ томъ признаюсь, что всѣми силами старался не допустить васъ одержать надъ нами побѣду. Можетъ быть достигъ бы я до моего желанія, ежели бы невоспрепятствовала мнѣ въ томъ Моргатова храбрость. Такой человѣкъ, отвѣтствовалъ Муцаимъ, какъ ты, [которой дѣ-

дѣлаетъ столь похвальныя дѣла, какія отъ тебя я видѣлъ, рожденъ не къ рабству, но къ повелѣнію. Мужество и разумъ твой, которые въ такихъ лѣтахъ въ тебѣ видны, подаютъ весьма хорошую къ будущему надежду, и для того не должно допустить тебя погрузиться въ поносномъ невольничествѣ. Я не разумѣю, такъ какъ ты угадывать по звѣздамъ, продолжалъ онъ улыбаясь, однако осмѣливаюсь предсказать тебѣ великое счастіе, сколь скоро Паша узнаетъ, что ты тотъ молодой герой, коего поступкамъ онъ до сей поры удивляется. Приказаніе Моргатово о сысканіи тебя послѣ сраженія было тщетно. Я догадываюсь, что Орканъ тогда, какъ ты обезсилѣлъ, напавъ на тебя со многолюдствомъ овладѣлъ тобою. Сей немилосердый надзиратель рабочихъ невольниковъ, удержалъ тебя при себѣ для полученія знатнаго выкупу; ибо Паша никакихъ Христіанскихъ невольниковъ, не оставлялъ подъ его смотрѣніемъ.

Сей вторичной разговоръ начиналъ составлять между ими дружбу, и Алфонза столь смѣлымъ здѣлалъ, что онъ вопрошалъ Муцаима, имѣетъ ли Паша дѣтей? Надзиратель произнесъ при семъ вопросѣ глубокой вздохъ, и побывъ нѣсколько въ размышленіи отвѣтствовалъ: Моргатъ называется отцомъ, не будучи имъ дѣйствительно; съ нимъ послѣдовали весьма несчастные и чрезвычайные случаи, коихъ мнѣ открыть тебѣ не можно. Есть у него теперь одна только дочь, которая бы своимъ разумомъ и удивительною красотою могла служить ему утѣшеніемъ; но нѣкое печальное напоминаніе смущаетъ безпрестанно жизнь его, и несравненная Гераида грусти отца своего перемочь не можетъ. Муцаимъ хотѣлъ было продолжать рѣчь свою, но позванъ былъ къ Пашѣ; а понеже онъ Алфонзу о всѣхъ въ Маргатовомъ дворцѣ мѣстахъ обстоятельное извѣстіе далъ, куды ему входить безъ преступленія законовъ можно было, то оставилъ его безъ опасенія и пошелъ къ Моргату. Лишь только онъ

онъ ушелъ, то Алфонзъ приведенъ будучи слышаннымъ въ радостное восхищенїе, пущее почтенїе и подобострастїе къ Пашѣ почувствовалъ. Справедливо уже былъ онъ увѣренъ, что онъ ему не соперникъ, и что Гераида дочь его, по чему ни о чѣмъ кромѣ того не думалъ, какимъ бы образомъ притти въ любовь къ Моргату, открыть ему несчастную свою долю, и склонить всѣми возможностями къ тому, чтобъ отдалъ за него Гераиду. Онъ льстился въ томъ многими воображенїями, и подкрѣпляемъ былъ больше всего тѣмъ, что Моргатъ имѣя къ Христїанамъ великую склонность, для того не станетъ сопротивляться его счастїю, когда узнаетъ, что онъ во всю жизнь свою преданъ ему будетъ.

Намѣряся прїобрѣсть благосклонность своего господина, и желая о способахъ къ тому свободнѣе подумать, пошелъ онъ въ садъ. Вошедъ въ одну аллею, къ которой съ обоихъ сторонъ примыкалось строенїе, увидѣлъ, что въ тужъ самую минуту на правой сторонѣ въ нижнемъ

жильѣ отворились двери, и изъ нихъ вышла женщина. Поглядя на нее пристально узналъ, что она невольница Гераидина, которая одна шла къ нему. Онъ побѣжалъ съ несказанною скоростїю къ ней на встрѣчу, а она приближившись къ нему говорила: Мы знаемъ премѣну твоего состоянїя; чрезъ два часа выду я опять къ тебѣ сюда же, только ты непреминуй притти, когда заснутъ твои товарищи. Султанша желаетъ говорить съ тобою; и я проведу тебя въ ея покои. Окончавъ сїе не дала ему время къ отвѣту, и вошла съ поспѣшностїю въ тѣжъ двери, изъ коихъ вышла.

Хотя Алфонзъ несказанно желалъ съ нею поговорить, однако удержать ее не могъ осмѣлиться. Онъ льстился тѣмъ, что можетъ быть и Гераида въ назначенной часъ будетъ у Султанши, и отъ сея сладкой надежды сердце его успокоилось, и чувствовало такую радость, каковой очень долгое время не вкушало. Домъ Моргатовъ почиталъ онъ въ слѣдствїи убѣжищемъ отъ всѣхъ бѣдственныхъ приключенїй, и думалъ,

малъ, что ему ничего, кромѣ свиданія съ Алонзесомъ, желать не осталось. Въ сихъ мысляхъ возвратился въ покои Моргатовы и хотѣлъ итти къ другимъ невольникамъ; но въ самое то время одинъ изъ нихъ сказалъ ему, что Паша желаетъ его видѣть. Вошедъ въ кабинетъ засталъ тутъ и Муцаима; а Моргатъ увидѣвъ его велѣлъ къ себѣ приближиться, и говорилъ: Храброй Христіанинъ! не имѣя ничего скрытнаго отъ Муцаима, увѣдомилъ я его о томъ, что ты сказалъ мнѣ; а онъ напротивъ того объявилъ, что я нахожу въ тебѣ того храбраго героя, коего мужеству понынѣ еще удивляюсь. Я сердечно желаю доказать мою тебѣ дружбу, и для того хочу ввѣрить мое смущеніе, въ коемъ нахожусь отъ того, какимъ бы образомъ измѣнническаго Оркана съ его сообщниками забрать въ темницу; а потомъ учинить имъ за ихъ измѣну достойное наказаніе.

Сей злодѣй, продолжалъ Паша, столько мнѣ опасенъ, что я его пуще всѣхъ страшиться долженъ;

и онъ со вступленія моего въ сіе Губернаторство, старался бездѣльническими умыслами склевѣтать меня при дворѣ Королевскомъ. Я покушался было отдалить его отъ ТресъФорката; но Король Фецской запретилъ мнѣ о томъ думать, и приказалъ исполнять мою должность, а объ немъ впредь таковыхъ не дѣлать представленій. Сей Государь имѣетъ намѣреніе употреблять его при здѣшнихъ Пашахъ развѣдателемъ ихъ поступокъ. Предосторожность Королевская справедлива, ибо по отдаленности сего мѣста можетъ здѣсь что нибудь предпріято быть къ поврежденію его власти. Орканъ узнавъ указъ Королевской, съ самаго того времяни не пропуская никакого случая, дѣлалъ мнѣ досады. Зная, что всѣхъ Христіанъ попадающихся въ мою неволю я для себя оставляю, старается онъ всѣми возможностьми у меня уводить ихъ, и для сея самыя причины и тебя, отдѣля отъ другихъ пленниковъ, употребилъ къ горной работѣ.

Я не властенъ, продолжалъ Паша, отрѣшить его отъ должности;

сти; она зависитъ отъ самаго Короля, и Орканъ только по надзиранію черныхъ невольниковъ, матрозовъ и корабельныхъ припасовъ состоитъ въ моемъ повелѣніи. Все вышеобъявленное долженъ я времянно осматривать, и когда найдется тутъ что нієсть запущенное и неисправное, тогда принужденъ я писать ко двору, о здѣланіи ему наказанія. И такъ вся моя власть надъ нимъ весьма ограничена, и мнѣ не можно отрѣшить его отъ должности, и не льзя упустить на меня положеннаго. Мнѣ должно необходимо посѣтить невольниковъ; и я вижу, что въ оное посѣщеніе можетъ сей злодѣй напасть на меня, только не нахожу никакого способа, которой бы довольно силенъ былъ спасти меня отъ приготовленныя смерти. Одно только средство есть къ тому, чтобъ пустясь на счастіе имѣть съ его сообщниками сраженіе, и коли удастся вонзить ему въ грудь кинжалъ, и тѣмъ очистить свѣтъ отъ такого гнуснаго чудовища. Но въ самое то время должно и мнѣ приготовиться потерять

рять жизнь свою, естьли попадусь въ руки Королевскія; а спастись отъ того весьма будетъ трудно. Сообщниковъ его очень много, и я не уповаю преодолѣть ихъ; они отнимутъ у меня всѣ къ побѣгу дороги, и поимавъ ко двору отошлютъ.

Милостивый государь, отвѣтствовалъ Алфонзъ, не довольно бы было моей къ вамъ ревности, ежелибъ открывъ измѣну, не показалъ притомъ способовъ, коими можно отъ нея спастися. Не время уже больше притворствовать вамъ предъ Орканомъ, и казаться къ нему благосклоннымъ. Всѣ обстоятельства ясно васъ принуждаютъ истребить его какъ возможно скоряе, въ чѣмъ вы легко успѣть можете. Я свѣдалъ, что кромѣ Христїанъ никого при дворѣ вашемъ нѣтъ, и что всѣ они охотно избрали неволю. Вы почитаете ихъ достойными вашей повѣренности; а не хотите ввѣрить имъ своего благосостоянїя? Вооружите ихъ, милостивый государь, и велите при вашемъ посѣщенїи быть за собою. Исполнивъ сїе, увидите вы Оркана и помошниковъ

злаго

злаго его умысла, отъ ударовъ нашихъ на земли лежащихъ. Никто изъ моихъ одновѣрцовъ, естьли они истинные Христіане, не отречется отъ сего предпріятія. Оно поведетъ ихъ на сраженіе противъ враговъ нашей вѣры; а я покажу примѣръ моимъ товарищамъ.

Сіи слова произнесъ Алфонзъ весьма мужественно, и каждое изъ нихъ проникало до сердца Моргатова. Онъ сталъ рѣчью юнаго Гишпанца чувствительно тронутъ, и не могъ укрѣпиться, дабы не оказать нѣжности усердному своему невольнику. Обнявъ его, говорилъ ему: тебѣ любезной Алфонзъ, тебѣ, и всѣмъ Христіанамъ буду я долженъ остальною жизнію. Мудрымъ твоимъ совѣтомъ открываешь ты мнѣ такую дорогу, которую долженъ я предпріять для оставленія пагубнаго сего мѣста. Я къ тому пріуготовлюсь; увѣдомлю моихъ невольниковъ, и когда мы соединимся, то будемъ ужѐ въ состояніи уйти отсюда. А ты храброй плѣнникъ, ты, къ кому я прямую отеческую любовь ощущаю, скоро будешь увѣ-

ренъ,

ренъ, что не долго остается тебѣ носить оковы. Алфонзъ, восхищенной нѣжнымъ Моргатовымъ привѣтствїемъ, чувствовалъ къ нему столько благодарности, сколько Паша ласки ему оказывалъ, и не могъ удержаться отъ обнятїя ногъ его; а сей поступокъ привелъ Пашу въ пущее мяккосердечїе. Въ таковыхъ разговорахъ прошло время очень скоро; и Паша увидя, что ужѐ гораздо поздо было, а онъ имѣлъ еще много дѣлъ приказать Муцаиму; то для того отпустилъ отъ себя Алфонза съ сими словами: По утру я тебя увижу, и открою окончанїе моего предпрїятїя; а Алфонзъ поклонясь низко пошелъ къ Христїанскимъ невольникамъ. Съ ними проводилъ онъ остатокъ вечера, размышляя о томъ, отъ чего бы столь скоро произошла въ немъ къ Моргату такая преданность. Паша имѣлъ видъ благородной и нравъ снисходительной; а добродѣтель столь живо изображалась на лицѣ его, что оной никакъ не можно было уповать въ немъ по его природѣ. Алфонзъ не могъ вѣрить, что бы Паша природной

родной былъ Турокъ; и желая открыть подлинную его природу, дѣлалъ различные вопросы своимъ товарищамъ; но они отвѣчали на то двояко, и говорили: что Моргатъ не простой природы, и что всѣ они животомъ своимъ за жизнь его жертвовать готовы, естьли востребуетъ того нужда. Мысли ихъ для намѣренія Алфонзова были весьма полѣзны, и онъ разставшись съ ними увѣдомилъ ихъ, что Моргатъ и въ него вселилъ такую къ себѣ преданность, какова ими оказывается. Такимъ образомъ прошли часы даже до ужина, послѣ коего разошлись всѣ по жилищамъ. Покои невольническіе были здѣланы на подобіе шелашей, и поставлены другъ противъ друга возлѣ длиннаго прохода, примыкающагося къ тому строенію, куда Алфонзу притти велѣно было.

Нетерпѣливость здѣлала его примѣчательнымъ. Узнавъ, что всѣ товарищи заснули, не упуская времени употребилъ онъ сонъ ихъ въ свою пользу, и почитая ихъ крѣпко спящими, всталъ не мѣшкая, и со

сторожностью приближился къ назначенному мѣсту. Тихое молчанiе вездѣ тогда владычествовало; свѣчи были погашены, и весьма бы трудно было сыскать ему указанное мѣсто, ежелибъ заранѣе прилѣжно онаго не примѣтилъ. Дожидавшись долгое время растворились наконецъ двери, и изъ нихъ вышла со свѣчею старая невольница. Приближась дала она ему знакъ, чтобъ не говорилъ нислова, и провела его тайными проходами въ покой Султаншинъ, которая лежала тогда въ постелѣ, а возлѣ ее сидѣла Гераида, и обѣ казались весьма печальны. Влюбленной невольникъ хотѣлъ было броситься къ ногамъ своей любовницы, но опасся тѣмъ прогнѣвить ее: ибо не зналъ, съ какимъ намѣренiемъ его призвали; чего ради упалъ на колѣни предъ Султаншею, которая взглянувъ на него съ прiятностiю, говорила: Алфонзъ! я знаю все, что Гераида говорила съ тобою; и естьлибъ въ сiю недѣлю не столь больна была, то получилъ бы ты отъ насъ давно извѣстiе. Хотя я въ великую вдаюся опасность впуская

ская тебя въ сіе мѣсто; однако не могу возпротивиться моему любопытству, принуждающему меня свѣдать о твоей природѣ. Нѣжность при первомъ свиданіи тобою въ меня влїянная, и дружба моего къ тебѣ мужа, которой пересказалъ мнѣ о твоей храбрости, и о совѣтахъ, какимъ образомъ намъ уйти отсюда, а пуще всего объявленіе Гераиды, что ты о родѣ и отечествѣ своемъ не знаешь, принудили меня къ исполненію теперешняго предпріятія. Ввѣрь мнѣ свою судбину, примолвила она съ пріятностію, и не утай ничего. Я Христіанка, по чему не имѣешь ты ни малаго отъ меня опасенія. Хотѣла было она продолжать рѣчь; но въ самое то время растворились двери, и Моргатъ вошелъ къ нимъ. Никакъ не возможно изобразить, кто изъ нихъ болше почувствовалъ страху. Алфонзъ, не имѣя времени встать стоялъ еще на колѣняхъ предъ Султаншиною постелей; а ужасъ, удивленіе и смущеніе, на лицѣ его написаны были. Султанша и молодая Гераида бросились съ вели-

великимъ воплемъ въ объятіи другъ друга, и почти недвижимы лежали. Паша глядѣлъ на нихъ съ удивленіемъ и почувствовавъ ревность, начиналъ было подозрѣвать свою супругу; но сердце его въ томъ ему противурѣчило. Наконецъ, преодолѣвъ различныя мысли терзающія его душу, вскричалъ: что я вижу? не ужъ ли кровь Падиллова и здѣсь хочетъ меня тревожить? но къ пущему несчастію, и ты дражайшая супруга, продолжалъ онъ, оборотясь къ Султаншѣ, и ты начинаешь ужѐ быть мнѣ невѣрною! я вижу, что сынъ моего злодѣя имѣлъ искусство, по толь долголѣтномъ постоянствѣ тебѣ понравиться, и поколебать твою вѣрность. Отецъ хотѣлъ похитить у меня твое сердце, а сынъ честь мою похищаетъ.

Ахъ! любезной Морганъ, перервала Султанша рѣчь его; не поноси невинной своей супруги, коей любовь и добродѣтель гораздо больше тебѣ извѣстны, нежели бъ могъ ты имѣть на нее подозрѣніе. Я не понимаю ничего изъ смѣшенныхъ словъ, коими меня порицаешь. Къ

чему

чему произносишь ты имя Падилло-во? Я не знаю, отъ кого Алфонзъ родился; и не таясь открою тебѣ то, что меня къ свиданію съ нимъ понудило; а въ томъ, что я тебѣ сего намѣренія не объявила, винною себя не ставлю. Вспомни лишь о томъ, что нѣкогда былъ ты отцомъ, и что лишились мы сына нашего, о участи коего до сихъ поръ ничего не знаемъ. Мнѣ удалось нечаянно узнать, что Алфонзъ не извѣстенъ о своемъ родѣ, и о томъ, какъ онъ въ Гишпанію достался. Сіе побудило меня позвать его къ себѣ, дабы узнать прямо, кто онъ таковъ, и какъ родителей лишился. По сихъ словахъ она умолкла, и проливала слезы. Алфонзъ очувствовался въ продолженіе Султаншиной рѣчи, и не могши слушать сего замешательства, всталъ съ полу, и смотря на Пашу съ пріятнымъ видомъ говорилъ: Не подумайте, милостивый государь! что молчаніе мое происходитъ отъ робости: притчиною тому чрезмѣрное мое удивленіе, отъ слышаннаго во мнѣ произшедшее. Кто вамъ

сказалъ

сказалъ, что я сынъ Подилловъ? И по чему знаете вы сего добродѣтельнаго мужа? Скажите мнѣ, какимъ несчастнымъ случаемъ здѣлался онъ вашимъ непрїятелемъ? Подождавъ нѣсколько минутъ, и увидя, что Паша не отвѣтствуетъ, началъ онъ опять: Извините меня, милостивый государь, въ моемъ дерзновенїи; ваше молчанїе тому причиною. Хотя гнѣвъ изъ очей вашихъ блистаетъ; но онъ ни мало меня не устрашаетъ. Мнѣ кажется, что я теперь подъ именемъ Паши Тресъ-Форкатскаго, вижу добродѣтельнаго Донъ Алвареца де Пардо, и въ томъ утверждаюсь по здѣланному мнѣ о его качествахъ описанїю.

Это правда, отвѣтствовалъ Паша, что ты его видишь: но онъ видитъ въ тебѣ сына своего злодѣя, и ты онымъ вѣчно останешься. Самой тотъ Алонзесъ, котораго называлъ ты отцомъ, сюда ужѐ прибылъ, и объявилъ мнѣ твою природу. Я съ тѣмъ только пришелъ сюда, что бы совершить великодушное мое противъ тебя намѣренїе,

и возобновить съ тобою дружбу, отцомъ твоимъ противъ воли моей нарушенную. Но въ самое то время, когда я льстился столь прiятною надеждою, нахожу тебя среди ночи, и въ такомъ мѣстѣ, куды входъ всѣмъ мущинамъ запрещенъ; у ногъ моей невѣрной, которая по всему видимому къ тебѣ благосклонна.

Утишите гнѣвъ свой, милостивый государь, прервалъ Алфонзъ рѣчь его, и перестанте поносить невинныхъ. Ежели хотите вы наказать меня за преступленiе, такъ наказывайте за такое, коимъ я предъ вами проступился; но не обвиняйте со всѣмъ неизвѣстною мнѣ виною. Выслушайте, милостивый государь, несчастныя мои приключенiи: они помогутъ вамъ истребить несправедливое ваше противъ супруги подозрѣнiе, и утолятъ гнѣвъ къ Дону Людвигу. Послѣ того можете вы поступить со мною по своей волѣ: ибо въ жизни моей полную власть имѣете. Алонзесъ обманулъ васъ; Донъ Людвигъ мнѣ не отецъ. Нечаянной случай вручилъ

чилъ меня въ руки сего добродѣтельнаго мужа, которой изъ великодушія взялъ попеченіе о моемъ воспитаніи. Ежели я имѣю въ себѣ нѣкоторыя дарованія, то долженъ я ими мудрому его предводительству и полѣзнымъ совѣтамъ въ меня влiяннымъ. Послѣднія слова моего милостиваго воспитателя, продолжалъ Алфонзъ, на смертномъ одрѣ произнесенныя, были о любезномъ его другѣ. Онъ приказывая, говорилъ мнѣ: Алфонзъ! естьли ты когда нибудь увидишь Алвареца, то люби его какъ отца своего, и увѣрь, что я умираю вѣрнѣйшимъ его другомъ. Клянусь вамъ, что не знаю о себѣ, кто я таковъ; да и Людвигъ того не зналъ же. Вотъ мое несчастіе; а теперь скажу и преступленіе мое предъ вами. Хотя я храбростію вашею здѣлался невольникомъ, однако злополучіе не перемогло моего честолюбія. Будучи отъ Дона Людвига, какъ сынъ его воспитанъ, удержалъ я въ себѣ нравъ его и благородство, и потому почитая себя лучшего счастія достойнымъ, увидѣлъ нѣкогда прекрасную

красную Гераиду, и въ тотъ же часъ здѣлался подвластнымъ ей на вѣки. Я ее обожаю, милостивый государь, и желая чаще съ нею видѣться, употребилъ всѣ возможности къ сысканїю способа войтить во дворецъ вашъ. Узнавши сїе будьте вы, хотя Морганомъ, хотя Алварецомъ; Гишпанцомъ или Варваромъ; жизнь моя состоитъ въ рукахъ вашихъ. Я охотно желаю быть въ вашей неволѣ, и вамъ усердствовать. Вашъ добродѣтельной нравъ и безъ любьви моей довольно бы силенъ былъ склонить меня остаться здѣсь на вѣки, и безъ роптанїя сносить мою долю.

Онъ пересталъ говорить, а Султанша обливаяся слезами, и произнося глубокїе вздохи спрашивала его: не знаетъ ли онъ того, какимъ образомъ достался Дону Людвигу, и не былоль тогда при немъ какихъ нибудь знаковъ? Я теперь несказанно смущенъ, милостивая государыня, отвѣтствовалъ Алфонзъ, и не могу разсказать вамъ онаго приключенїя. Алонзесъ, зная о томъ больше моего, васъ обстоятельно увѣдомить

можетъ. Онъ былъ тогда съ Падилломъ, какъ отняли меня съ корабля разбойническаго. Да вотъ, продолжалъ онъ вынувъ перстень и портретъ, кои при немъ были; вотъ вещи на мнѣ найденные! Великодушной Донъ Людвигъ оставилъ мнѣ ихъ, для доказанія моей природы.

Какъ много Паша встревоженъ ни былъ, однако взялъ ихъ изъ рукъ Алфонзовыхъ и подалъ Султаншѣ, а она взглянувъ на нихъ признала своими. Перстень былъ самый тотъ, которой отдала она при рыцарствѣ Дону Людвигу, а портретъ съ имянемъ Албы былъ ея же: ибо сїе имя приняла она въ Фецѣ. Опознавши свои вещи показала ихъ Моргату, которой всмотрясь въ оные сталъ изумленъ, и глядѣлъ на Султаншу. Спустя нѣсколько минутъ вскричали они оба: Любезной Ибрагимъ! дражайшей сынъ нашъ! такъ даритъ тебя намъ небо за наши молитвы. При сихъ словахъ бросился Паша обнимать Алфонза, и говорилъ безпрестанно: Мой сынъ! любезной сынъ! не Моргатъ уже тебя обнимаетъ,

маетъ, но Алварецъ де Пардо, отецъ твой. Рѣчь въ устахъ его пресѣклась; всѣ замолчали и въ сердцахъ ихъ поднялись дѣйствія природы. Не могши нѣсколько минутъ ни одного слова промолвить, радостными движеніями изъявляли они другъ другу то, что сердца ихъ чувствовали. Слезы изъ очей ихъ лились ручьями, и тѣлодвиженіемъ доказывали они нѣжнѣйшіе знаки радости и удивленія. Алфонзъ лежалъ у ногъ Алварецовыхъ, говоря безпрестанно: дражайшій родитель! возможно ли мнѣ быть столько счастливу, чтобъ найти въ васъ даровавшаго жизнь мою? Не сумнѣвайся въ томъ, сынъ мой, говорила ему Султанша, не могши удержать потоковъ слезныхъ; ты еще больше счастливъ. Дай мнѣ обнять себя! дай обнять себя твоей матери! ты видишь во мнѣ Султаншу Албу, и въ ней мать твою Эльвиру, которая нѣжностію къ тебѣ наполнена.

Удивленія Алфонзова никакимъ образомъ изъяснить не можно. Онъ начиналъ было все виденное почи-

тать привиденїемъ ; но Донъ Алварецъ примѣтя оное велѣлъ позвать Алонзеса. Муцаимъ привелъ сего старика въ самой скорости ; а онъ обративъ очи на воспитаннаго имъ сына, не могъ никакимъ подобострастїемъ удержаться отъ обнятїя ногъ Алфонзовыхъ. Потомъ повторялъ нѣсколько разъ слѣдующїя слова: такъ могу я въ жизни моей еще столько быть счастливъ, чтобъ увидѣть тебя противъ всего моего чаянїя, жива и не вредна. Но увы! любезной Алфонзъ, я не имѣю уже того, чѣмъ бы можно было разорвать твои оковы. При взятьѣ моемъ въ полонъ, отняли у меня все то, чѣмъ бы могли мы выкупиться. Храброй и любезной Алонзесъ! вскричалъ Алфонзъ, поднявши своего воспитателя. Станемъ прославлять счастливые часы нашей неволи ; они дали мнѣ найти моихъ родителей ; и ты видишь въ Пашѣ Тресъ-Форкатскомъ отца моего. Но мудрый Алонзесъ, продолжалъ онъ, не давая ему начать говорить ; родитель мой ожидаетъ отъ тебя достовѣрности о моемъ благополучїи ;

и

и ты для бога не скрывай ничего изъ моихъ приключенїй.

Алонзесъ не видалъ во все время своего невольничества никого, кромѣ дѣйствительныхъ Турковъ, и бывъ одну только минуту предъ Моргатомъ, не осмѣлился тогда взглянуть на него, и тутъ почти въ перьвой разъ онаго увидѣлъ. Алварецъ нарочно сѣлъ, такъ чтобъ Алонзесъ могъ черты лица его при сїянїи свѣчи разсмотрѣть, что и случилось; и онъ устремя на Пашу пристально взоръ свой, столько видомъ его пораженъ былъ, что не могъ произнесть ни одного слова. Хотя Моргатъ узналъ сего старика въ то же время, когда онъ въ перьвой разъ предъ него приведенъ былъ; но притворилъ тогда свой голосъ; а тутъ не имѣя больше нужды скрываться, всталъ и подошелъ къ нему съ сими словами: Развѣ лѣты мои, любезной Алонзесъ, столько много меня перемѣнили, что ты Алвареца де Пардо со всѣмъ узнать не можешь? Рѣчь сїя открыла глаза старому Гишпанцу. Онъ бросился, будучи полонъ радости и смущенїя,

къ ногамъ Моргатовымъ, и схватя его руки цаловалъ ихъ, и говорилъ: О боже! не обманываютъ ли меня глаза мои? Полно Донъ Алварецъ ли это? Прости меня, милостивый государь, продолжалъ онъ, прости въ моемъ сумнѣніи; ибо не можно мнѣ было подумать найти васъ здѣсь.

Любезной Алонзесъ, отвѣтствовалъ Донъ Алварецъ обнявъ его, скоро узнаешь ты о причинѣ странной сей перемѣны; но до тѣхъ поръ будь увѣренъ, что она состоитъ въ одномъ только наружномъ видѣ, и что душа моя при всемъ притворствѣ, вѣру истиннаго Христіанина сохранила. Лучшимъ доказательствомъ къ твоему увѣренію, представляю я въ Султаншѣ Албѣ, жену мою Эльвиру де Мендоцу, которая Дона Людвига и меня здѣлала непріятелями. Хотя Эльвира весьма короткое время была въ Гранадѣ, и Алонзесъ рѣдко видалъ ее, однако онъ тотчасъ узналъ ее и поклонился съ почтеніемъ. Потомъ хотѣлъ было просить о изъясненіи сихъ весьма удивительныхъ приключеній;

но

но Алфонзъ желая оной случай употребить въ пользу себѣ и Гераидѣ, которая тогда отъ радости и страху проливала слезы, подошедъ къ ней, говорилъ Алонзесу: Любезной воспитатель! начавъ мое счастїе, приведи его ко окончанїю. Когда ты спасъ жизнь мою, такъ ты же долженъ учинить ее благополучною. Предувѣренїе, коего я перемочь не могу, сказываетъ мнѣ, что твое о приключенїяхъ моихъ увѣдомленїе сыщетъ намъ дочь Падиллову, такъ какъ Дону Алварецу сына его сыскало. Алонзесъ услыша сїи слова не могъ удержаться отъ вздоху, и взирая на Дона Алвареца печальнымъ видомъ говорилъ: Я не сумнѣваюсь, милостивый государь, чтобъ Алфонзъ не былъ сынъ вашъ, и вы не напрасно оказали къ нему свое великодушїе, принявъ у него отцовское имя. Онъ достоинъ того своими рѣдкими дарованїями: но я никакимъ образомъ не могу льститься въ сысканїи того, чего мы лишились. Однако желая во всемъ любезному Алфонзу быть послушнымъ, разскажу вамъ его повѣсть.

Паша хотя и довольно узналъ изъ его рѣчи, что онъ со всѣмъ того не понялъ, о чемъ Алфонзомъ былъ вопрошаемъ, но намѣряся выслушать повѣсть сына своего приказалъ, чтобъ всѣ умолкли, и потомъ просилъ Алонзеса разсказать не провоняя ничего, приключенiи Падилловы. Старой Гишпанецъ началъ повѣсть свою со дня ихъ сраженiя: увѣдомилъ Алвареца о всемъ, что Людвигу послѣ женидьбы случилось; о рожденiи молодой Беатриксы, и о смерти ея матери. Онъ сказывалъ о той печали, въ которую приведены были всѣ его сродники, полученною въ Гранадѣ вѣдомостью о смерти Мендоцовой и о несчастномъ разбитiи корабля Эльвирина. Изобразилъ живо чувствительную печаль Дона Людвига о его смерти. Потомъ пересказывалъ то, какимъ образомъ намѣрился Падилло оставить Гранаду и принялъ у Короля морскую службу. Упомянулъ о всѣхъ его военныхъ дѣйствiяхъ, и дѣлалъ описанiе о каждомъ караблѣ, которые отниманы были у невѣрныхъ. Напослѣдокъ дошелъ и до то-

того, какимъ образомъ получили они Алфонза съ разбойническаго корабля, сказывая, что притомъ равномѣрнымъ несчастїемъ лишилися молодой Беатриксы. Описалъ тогдашнюю Людвигову печаль и отчаянїе, и обьявилъ, какимъ образомъ склонилъ его къ жалости противъ молодаго Турки. Напослѣдокъ заключилъ повѣсть послѣдними Дона Людвига о Донѣ Алварецѣ словами. Потомъ умолкши нѣсколько, говорилъ Алварецу: Вотъ, милостивый государь, то, чего вы знать желали. Алфонзъ долженъ имѣть при себѣ портретъ и перстень, при немъ найденной, а одѣжда его положена была въ ящикъ съ духовною Дона Людвига и была при мнѣ; но при несчастїи моемъ попалась въ руки Паши Бауценскаго или солдатъ его, и я не могу ихъ теперь для доказательства вамъ представить.

Я не имѣю въ нихъ нужды, любезной Алонзесъ, отвѣтствовалъ Пардо; дѣйствїи природы довольно бы сыльны были и безъ портрета Эльвирина къ моему удостовѣренїю. Теперь открою и я вамъ такую

тайну, которая приведетъ васъ въ удивленiе. Я былъ начальникомъ того Турецкаго корабля, на которой напалъ Донъ Людвигъ, и мы не зная другъ друга имѣли сраженiе. Младенецъ, у меня похищенной, есть сей мой сынъ, а дочь его, коея онъ тогдажъ лишился, стоитъ теперь предъ вами. Любезной Алфонзъ! ты видишь ее въ прекрасной Гераидѣ; въ той, которую ты страстно любишь. Никогда не можно быть радости болѣе той, кою почувствовало все собранiе. Эльвира обняла Гераиду; Алфонзъ стоялъ предъ нею на коленяхъ; Донъ Аларецъ зжималъ у обѣихъ руки, а старой Алонзесъ цаловалъ платье дочери Людвиговой. Наконецъ старались они утишить чрезмѣрное восхищенiе, и умѣрить произшедшую радость. Алварецъ принесши небу за столь счастливое приключенiе тысячи благодарностей, просилъ Эльвиру и прекрасную Беатриксу отдаться покою; а Алфонза и Алонзеса взялъ съ собою, что бы пересказать имъ свои приключенiи. Прощаяся съ Эльвирою просилъ у

нее

нее въ ревнивости своей прощенія, и признаніе изъяснилъ столь нѣжно, что безъ труда получилъ извиненіе. Хотя Эльвира несказанно желала препроводить всю ночь въ пріятной ихъ бѣседѣ; но Алварецъ весьма усильно просилъ ее, для збереженія здравія, отдаться покою, и она наконецъ принуждена была на то согласиться. Прекрасная Герада не безъ огорченія разставалась съ Алфонзомъ; но надѣяся скоро съ нимъ увидѣться, перемогла печаль свою. Глаза сихъ нѣжнолюбящихся давали ясно разумѣть другъ другу все то, что съ одной стороны почтеніе, а съ другой стыдливость изъяснить словами возбраняли. Эльвира и Алварецъ будучи въ движеніяхъ сердечныхъ весьма искусны, легко могли оное примѣтить, и ласковыми лобызаніями доказывали имъ свое на то соизволеніе; а сіе молодыхъ любовниковъ не сумненно въ благополучіи ихъ увѣряло.

Паша приказалъ войти къ Эльвирѣ ея невольницамъ, а самъ пошелъ отъ нее съ Алфонзомъ и Алонзесомъ. Пришедши въ кабинетъ

свой, и не впуская туда никого, кромѣ вѣрнаго Муцаима, началъ разсказывать повѣсть свою слѣдующимъ порядкомъ:

Любезной Алфонзъ, мы справедливо должны удивляться Божїему промыслу и щедротамъ его. Доказательствомъ тому служитъ милосердїе его со мною учиненное. Мы заслуживали съ Людвигомъ за нашу злобу, коей любовь была виною, и коей слѣдствїи поощряли насъ желать смерти другъ другу, ужасное наказанїе. Но Всевышняя власть вмѣсто того принудила насъ при всей нашей ненависти воспитать взаимно отечески дѣтей нашихъ, и тѣмъ проступки свои вовсе загладить. Сїе приключенїе имѣетъ въ себѣ нѣчто столь чрезвычайное, отъ чего должны мы признаться, что оное устроено и окончано властїю небесною; въ чемъ теперишняя моя повѣсть совершенно васъ увѣритъ. Ты слышалъ, продолжалъ онъ говоря Алфонзу, между приключенїями Дона Людвига нѣкоторую часть и моихъ, и я не хочу повторять то, что тебѣ знакомо,

комо, а начну продолженїемъ отъ нашего сраженїя.

Мы пошли поощряемы ревностїю, злобой и мщенїемъ къ городскому валу; а пришедъ туда, не говоря ни слова, обнажили шпаги и старались умертвить другъ друга. Я былъ, какъ вы знаете, счастливѣя Людвига, коего горячей нравъ ничего съ терпѣливостїю и осторожностїю дѣлать не позволялъ. Онъ бросался подъ мои удары безъ всякаго прикрытїя, и наступалъ на меня столь не осторожно и жарко, что наконецъ самъ наткнулся на мою шпагу и пронзилъ грудь свою. Увидѣвъ его тогда безъ чувствъ упавшаго, когда и раненымъ быть не чаялъ, и почтя дѣйствительно мертвымъ, не хотѣлъ жизни поноснымъ наказанїемъ лишиться, а намѣрился уйтить, и тѣмъ спастись отъ всѣхъ опасностей. Для сего пошелъ я тайными проходами домой, и забравъ всѣ наличныя деньги и каменья, взялъ съ собою Генриквеца, на котораго во всемъ полагался. Вы видите вѣрнаго сего друга здѣсь подъ имянемъ

Муцаима. Съ нимъ выбрался въ ту же еще ночь изъ Гранады, и поѣхалъ прямо въ Луцену. Туда прïѣхали мы безъ всякаго приключенïя, и я жилъ въ ономъ городѣ нѣсколько дней тайно, дабы вымыслить, какимъ образомъ поступать въ будущее время. Генриквецъ не умолкно принуждалъ меня оставить совсѣмъ Гишпанïю; но любовь къ Эльвирѣ не дозволяла мнѣ слѣдовать его совѣту. Я выѣхалъ изъ Луцены въ Кадиксъ, гдѣ на перьвомъ кораблѣ, отъѣзжающемъ въ Минорку, поѣхалъ въ сей островъ. Мы были столь осторожно одѣты, что никому признать насъ было не можно. Кораблеплаванïе наше было благополучно, и по нѣсколькихъ дняхъ вышли мы въ Миноркѣ на берегъ, гдѣ развѣдавъ о жилищѣ Мендоцовомъ къ нему явились.

Легко можете разсудить о его удивленïи, кое почувствовалъ онъ увидѣвъ насъ почти въ одно съ нимъ время, въ Минорку прïѣхавшихъ. Въ ту же минуту узналъ онъ справедливую причину моего прïѣзду, и смотря на меня печальнымъ взоромъ

ромЪ говорилЪ : АлварецЪ , всеконечно умертвилЪ ты Падилла ; и я вижу , что моя вЪ томЪ предЪосторожность была безполезна ? Я отвѢтствовалЪ ему сими словами : Милостивый государь ! вы довольно были увѢрены , что медлѢнность ваша здѢлаетЪ меня пуще несчастнымЪ. По сихЪ словахЪ стоялЪ онЪ нѢсколько минутЪ вЪ глубокой задумчивости , а потомЪ обнялЪ меня и проливалЪ слезы. Пользуясь его чувствительностїю , разсказалЪ я ему чистосердечно все между ЛюдвигомЪ и мною произшедшее , и притомЪ проливая слезы цаловалЪ руки его и просилЪ помочи. Я доволенЪ тѢмЪ , сказалЪ онЪ , выслушавЪ рѢчь мою , что не ты былЪ начинщикомЪ. ПосмотримЪ сперьва , не предпринимая ничего , какЪ дворЪ приметЪ сїе дѢло. У меня есть еще столько вЪ МадритѢ друзей , которыхЪ можемЪ употребить для нашего вспоможенїя , естьли потребуетЪ нужда. Между тѢмЪ домЪ мой будетЪ тебѢ убѢжищемЪ отЪ всѢхЪ гоненїй. ВЪ немЪ тебѢ гораздо способнѢе укрыться , нежели

вЪ

въ другомъ какомъ мѣстѣ; ибо не намѣренъ я ни съ кѣмъ въ здѣшнемъ городѣ заводить знакомства. Надѣюсь, продолжалъ онъ улыбаяся, что не въ скукѣ проводишь ты свое время. Эльвира станетъ стараться, дѣлая тебѣ товарищество, прогонять твое уныніе. По сихъ словахъ упалъ я для принесенія благодарности къ ногамъ его, и въ тотъ же день съ вѣрнымъ моимъ Генрикъвецомъ, оставя первое наше жилище, перебрался къ нему. Великодушной Мендоца представилъ меня Эльвирѣ, и она несказанно отъ моего прибытія ужаснулась; но я примѣтилъ, что при всемъ ея страхѣ не противно ей было мое присутствіе. Графъ, будучи въ Гранадѣ, увѣдомилъ ее о своемъ противъ насъ съ Людвигомъ предпріятіи, и далъ на волю слѣдовать ея склонности, которую она, хотя я того не вѣдалъ, питала ко мнѣ въ своемъ сердцѣ. Она принимала меня всегда столь ласково, что любовь моя получая отъ того новыя силы, всеминутно усугублялась; но при всемъ томъ не хотѣлъ я повѣренности

сти

сти Мендоцовой здѣлаться недостойнымъ, а намѣрился таить страсть свою и быть молчаливымъ; ибо почиталъ себя несчастіемъ своимъ, человѣкомъ выгнаннымъ изъ отечества, лишеннымъ прежняго счастія и недостойнымъ быть ея супругомъ. Но не взирая на всѣ прилагаемыя мною старанїи о сокрытїи любьви моей, приводила меня Эльвира, въ которой ежедневно находилъ новыя прелести, въ ужасное колебанїе, и я отъ сего принужденія мучился безпрестанно. Мученїе мое умножалось напоминанїемъ того, что отнялъ я жизнь у любезнаго своего друга, и ввергало въ совершенную задумчивость, которой преодолѣть былъ не въ силахъ.

Мендоца скоро оное примѣтилъ. Любя меня прямо, не жалѣлъ онъ никакихъ трудовъ, чтобъ получать изъ Мадрита, о всемъ по отбытїи моемъ произшедшемъ, обстоятельное извѣстїе. Зная, что тамъ дѣлалось, утѣшалъ меня всегда прїятнымъ увѣщанїемъ, и совѣтовалъ не крушиться о моемъ состоянїи. Но во всю мою въ Минорке быт-

бытность, ни однажды не вспомянулъ о здѣланномъ до отъѣзда изъ Гранады обѣщанiи. Сiе принуждало меня думать, что конечно перемѣнилъ онъ свое намѣренiе, и сими мыслями я несказанно тревожился; однако не могъ осмѣлиться о томъ напомянуть ему. Всѣ ласки и прiятное обхожденiе Эльвиры не уменьшали моей печали, но часъ отъ часу ее усугубляли. Три почти мѣсяча препроводилъ я въ такомъ печальномъ состоянiи, не зная ничего о получаемыхъ Мендоцою изъ Гранады извѣстiяхъ, и думая, что происходитъ тамъ судъ по моему дѣлу, и что для меня никакого спасенiя не остается. Но посреди сихъ горестей, однимъ днемъ пришелъ ко мнѣ Мендоца и отведши въ кабинетъ свой, говорилъ: любезной Пардо, твоя печаль начинаетъ меня беспокоить. Хотя я знаю, что справедливыя имѣешь ты къ тому причины; однакожъ льстился я, что дружба моя достаточна будетъ тебя утѣшить. Ты видишь, что содержу тебя какъ сына, и даю знаки особливаго къ тебѣ почте-

чтенія, позволя свободной входъ къ Эльвирѣ. Тебѣ извѣстны наши обычаи; а по сему моему повѣденію не можешь ты ни мало сумнѣваться въ моей искренности. Но при всемъ томъ вижу я, что сіе преимущество предъ всѣми твоими соперниками, и усердная моя дружба не могутъ преодолѣть твоего смущенія. Для бога, любезной Алварецъ, продолжалъ онъ обнявъ меня, открой мнѣ свое сердце. Я сумнѣваюсь, что не произвожуль въ тебѣ, называяся отцомъ твоимъ, принужденія; и естьли сумнѣніе мое справедливо, такъ удостой меня хотя именемъ друга, и не утай причину тоски своей.

Сія рѣчь чувствительно меня тронула, и не въ моихъ уже было силахъ, хотя бы и хотѣлъ передъ нимъ скрываться. Милостивый государь, отвѣчалъ я ему, Алварецъ былъ бы самый неблагодарный изъ всѣхъ людей, естьлибъ на столь милостивое участіе въ моей печали, притворно сталъ отвѣтствовать. Имя сыновнее, коимъ меня удостоиваете, почитаю я весьма драгоцѣннымъ,

цѣннымъ, и несравню его ни съ какимъ достоинствомъ на свѣтѣ. Да и все мое унынїе произходитъ отъ того, что почитаю себя онаго званїя недостойнымъ. Повѣрьте, милостивый государь, что сїе только меня смущаетъ. Я ужѐ не тотъ Алварецъ де Пардо, которой могъ вступить въ союзъ съ Мендоцою. Теперь я ни что иное, какъ только несчастный изгнанникъ, лишенной отечества, богатства и помощи друзей моихъ. Но не взирая на сїе злополучїе унизившее мое состоянїе, сердце мое ни въ чемъ не перемѣнилось. Я и теперь обожаю прекрасную Эльвиру съ такимъ же жаромъ, какъ и тогда, когда ее могъ невозбранно любить. Жестокая сїя любовь, разлучившая меня на вѣки съ любезнѣйшимъ другомъ, принудя пролить кровь его, выгнала изъ отечества и осудила къ непрерывнымъ бѣдствїямъ. Она твердитъ мнѣ всечасно, что обижу прекрасную Эльвиру открытїемъ моей страсти, и принесенїемъ такого сердца, которое любьви ея недостойно: вотъ истинная причина

всей

всей печали и смущенія, кои меня изнуряютъ. Я трепещу спросить васъ о томъ, что произходитъ въ Гранадѣ. Теперь представляется въ глазахъ моихъ приговоренная мнѣ казнь. Признаюсь вамъ, что смущаетъ меня поносное мое изгнаніе; ибо лишаетъ послѣдней утѣхи, жить и умереть для прекрасной Эльвиры. Словомъ, милостивый государь! человѣкъ выгнанной справедливостїю законовъ, и осужденной на лобномъ мѣстѣ жизнь окончить, не достоинъ вашего союза. Но при всемъ томъ чувствуя я, что невозможно мнѣ жить на свѣтѣ, не любя вашей дочери, и не открывъ ей пламенной моей страсти.

Я почитаю себя весьма несчастнымъ, отвѣтствовалъ Мендоца обнявъ меня, что ты столь мало имѣешь ко мнѣ повѣренности, и думаешь, будтобъ дѣло до чести твоей принадлежащее, коему дочь моя причиной, можетъ склонить меня къ перемѣнѣ моего обѣщанія. Такъ развѣ Донъ Алварецъ впускаясь въ сраженіе съ Людвигомъ, потерялъ благородство своей природы,

и

и всѣ похвальныя дарованiи, коими съ перьваго виду любить себя принудилъ? Для чегожъ бы просить мнѣ тебя о принятiи убѣжищемъ моего дома, ежели бы не имѣлъ я больше прежнихъ моихъ мыслей? Научись лучше и справедливѣе знать Мендоцу, любезной Алварецъ! естьли ты и теперь желаешь моего союза, и когда то правда, что я отдавъ за тебя Эльвиру, могу жизнь твою здѣлать благополучною; такъ прiими ее теперь же отъ руки такого отца, коему покой ее и счастiе всего дороже на свѣтѣ. Узнавши, что ты ее любишь, не скрою отъ тебя, что и она къ тебѣ нѣжную имѣетъ склонность, и для того сей же часъ тебя къ ней представлю. Я уповалъ, что отсутствiе произведетъ въ тебѣ другiя дѣйствiи; но вижу, что въ томъ обманулся. Чего я страшился, то ужѐ совершилось! чѣмъ больше сталъ ты достоинъ сожалѣнiя, тѣмъ миляе мнѣ здѣлался. Дочь моя имѣетъ равныя со мною мысли; она любитъ въ Донѣ Алварецѣ благородство его души и добро-

бродѣтель, а не знатность природы и великое богатство. Будь ея супругомъ. Союзъ брачной соединитъ васъ на вѣки; и дабы оной еще радостнѣе здѣлать, скажу все, что я изъ Гишпанїи свѣдалъ. Донъ Людвигъ живъ, и онъ тебѣ не только другъ, но еще и ближней сродникъ. Общїе сродники ваши, полученную отъ тебя имъ рану, въ народной слухъ разгласили здодѣйствомъ разбойническимъ; а Падилло выздоровѣвъ женился на Беатриксѣ де Пардо, родной твоей племянницѣ. Вѣдомость сїя, продолжалъ Мендоца, гораздо вѣроятна; и я для подкрѣпленїя и увѣренїя всѣхъ Гранадскихъ жителей въ томъ, что ты въ самомъ дѣлѣ со мною изъ Гранады уѣхалъ, хочу выдавъ за тебя дочь мою, къ нимъ возвратиться. Нашимъ возвращенїемъ здѣлаемъ мы между Людвигомъ и тобою примиренїе, и возобновимъ прежнюю вашу дружбу.

Я не могу, любезной Алфонзъ, продолжалъ Алварецъ, изъяснить тебѣ моей радости сею вѣдомостью во мнѣ произведенной. Однако

ко безъ притворства признаюсь, что не могъ я тогда различить, что больше дѣлало мнѣ удовольствія: извѣстіель о жизни Людвиговой, или предстоящее мое съ Эльвирою супружество. Дружба моя къ сему солюбовнику въ минуту въ сердцѣ моемъ возобновилась, и приведши на память прежнее наше обхожденіе, несказанно меня восхищала. Я находилъ себя недовольно красноръчивымъ изъяснить Мендоцѣ сердечныхъ моихъ чувствій, и умножалъ недостатокъ словъ умильными взорами и нѣжными объятіями. Живность оныхъ увѣряла его безсумненно въ моей благодарности; и онъ повелъ меня для ускоренія моего благополучія въ тужъ минуту къ Эльвирѣ. Вошедъ, приказалъ ей почитать меня такимъ человѣкомъ, которой по прошествіи трехъ дней будетъ ея супругомъ. Потомъ обнявши насъ оставилъ, и пошелъ для распоряженія нужнаго къ нашему браку, и далъ намъ свободу объявить другъ другу любовь нашу, которая молчаніемъ пуще разгоралась.

Тогда

Тогда то почиталъ я себя совершенно благополучнымъ ! Эльвира ставъ свободна отъ принужденія, и не стыдясь сбычайной ихъ пола благопристойности, по отеческому приказанію мнѣ открылась, и ясно доказывала нѣжную любовь свою. Она обьявила начало оной столь чувствительными словами, что я отъ радости почти внѣ себя былъ. Великодушной Мендоца по нѣсколькихъ часахъ пришелъ къ намъ, и доволенъ былъ согласіемъ нашимъ. Онъ показывалъ свою о томъ радость и веселился съ нами, какъ нѣжный отецъ и другъ искренный. Эльвира зная добродѣтельный нравъ даровавшаго ей жизнь, въ любьви своей его только повѣренным и имѣла. Она открыла ему страхъ, печаль и неудовольствіе, кои при отъѣздѣ ихъ изъ Гранады чувствовала; но при всемъ томъ слѣдуя разумнымъ родителя своего совѣтамъ, скрывала отъ всѣхъ безпокойствіе души своей. Столь въ покорности рѣдко виданная дочь, должна мила быть отцу своему; да и онъ не жалѣлъ ничего, чѣмъ

бы только можно было ее утѣшить, и по прибытіи въ Минорку открылся Эльвирѣ, что въ угодность ей совокупитъ насъ, ежели я туда пріѣду.

Лишь только провѣдалъ онъ, что есть въ пристани корабль готовой къ отъѣзду въ Гишпанію; то намѣрился на немъ туда отправиться. Бракъ нашъ совершенъ былъ въ Минорке безъ всякой пышности, для того что по прибытіи въ Гранаду хотѣлъ онъ праздновать. И такъ не думали мы больше ни о чемъ, кромѣ скораго отъѣзда; но въ самое то время Мендоца занемогъ горячкою. Болѣзнь его такъ усилилась, что въ послѣдней вечеръ предъ нашимъ отъѣздомъ въ обьятіяхъ моихъ съ жизнью разлучила. Я не хочу напоминать слезъ нашихъ и горести; а думаю, что вы легко ихъ вообразить можете, по нѣжности Эльвириной къ отцу ее, и по моей къ нему благодарности. Сей великодушный отецъ привелъ дѣла свои предъ кончиною въ такой порядокъ, что Эльвира по его смерти безъ всякихъ затрудне-

нїй могла вступить въ наслѣдство всего отцовскаго имѣнїя. Надлежало оказать ему послѣднюю должность, и по тому не можно намъ было на объявленномъ кораблѣ отправиться. Мы принуждены были дожидаться другаго, и цѣлой мѣсяцъ онаго прождали. Между тѣмъ попечительное мое усердїе и горячность любьви моей, поуменьшили нѣсколько печаль Эльвирину. Я признаюсь, что удовольствїе мое отъ обладанїя ею происходящее, превозмогало всѣ прочїя горести, и я не чувствовалъ нималаго желанїя оставить Минорку. Но какъ бракъ нашъ тайно совершенъ былъ, и тутъ не всѣ объ немъ знали, то сїе тревожило добродѣтельную Эльвиру, и она желала съ несказанною нетерпѣливостїю возвратиться въ Гранаду; въ чемъ и я долженъ былъ согласиться. Увѣдомясь о кораблѣ отъѣзжающемъ въ Гишпанїю, не мѣдля ни мало со всѣми нашими домашними вошли въ оной. Вѣтръ былъ благополучной, тогдашнее годовое время прїятно, и все обнадеживало насъ счастливымъ плаванїемъ. Про-

должая путь нашъ цѣлую недѣлю, въ одинъ день превратились всѣ сіи пріятные виды въ такую ужасную бурю, каковой мы никогда не видали. Корабль нашъ былъ игралищемъ волнъ и вѣтра; мачты были переломаны, и вихремъ по разнымъ мѣстамъ разбросаны. Ужасные камни біеніемъ волнъ обнажились и представляли неминуемую намъ погибель. Вопль бывшихъ на кораблѣ и малодушіе матрозовъ отъ свирѣпости волнъ въ нихъ произшедшее, любезную мою Эльвиру несказанно ужасали. Она по минутно чувствъ лишалась; да и я опасаясь на вѣки потерять ее, былъ самъ весьма смущенъ и беспокоенъ. Во все сіе время Генриквецъ, не отставая отъ меня ни на минуту, принуждалъ сойтить въ шлюбку, сказывая, что мы въ ней лучше спасемся. Многіе матрозы совѣтовали мнѣ то же; а надежда, которая и при великой опасности не вовсе исчезаетъ, когда придетъ ужѐ крайность до збереженія жизни, представила мнѣ сей вымыслъ наилучшимъ способомъ. Обнявъ Эльвиру, сошелъ я съ нею,

съ Генриквецомъ и съ четырмя матрозами въ шлюбку, и сколь скоро вступилъ въ нее, такъ въ тужъ минуту корабль нашъ разбился, и погрузился съ оставшимися на немъ въ море. День начиналъ проясниваться, будтобъ нарочно для того, чтобъ мы были свидѣтелями печальнаго сего позорища. Собственная напасть помѣшала мнѣ смотрѣть на чужую гибель, и шлюбка наша вѣтромъ летящая, удалила отъ глазъ нашихъ ужасное сїе видѣнїе. Скоро уже надѣялись мы берегъ достигнуть; но она вдругъ о камень разшиблась, и погрузила всѣхъ насъ въ одну пропасть. Эльвира стояла тогда возлѣ меня съ одной, а Генриквецъ съ другой стороны; и я хотя и не уповалъ спастися; однако не оробѣвъ ни мало, надѣялся на то, что умѣлъ искусно плавать. Взявши одною рукою Эльвиру, поплылъ съ нею къ берегу, не взирая на жестокость волнъ и бури. Наконецъ по долговременныхъ трудахъ почувствовалъ я подъ ногами землю; но на самомъ томъ мѣстѣ, ослабшїя мои силы отказались больше

 слу-

служить мнѣ, и я лишась чувствѣ, не зналѣ, что послѣ со мною случилось.

Очувствовавшись удивился я несказанно, увидѣвѣ себя вѣ богато убранномѣ покоѣ, Турками окруженнаго. Между ими былѣ одинѣ весьма благороднаго виду, которой стоя при той софѣ, на коей я лежалѣ, смотрѣлѣ на меня сѣ сожаленїемѣ. О боже! вскричалѣ я; гдѣ я? И что такое вижу? Сїи слова дали узнать Туркѣ, что я совершенно опамятовался; и онѣ тотчасѣ приказалѣ бывшимѣ при немѣ вытти, которые приказѣ его вѣ минуту исполнили. Оставшись на одинѣ со мною, говорилѣ чистымѣ Гишпанскимѣ нарѣчїемѣ: Молодой Христїанинѣ! одѣжда и языкѣ твой увѣдомляютѣ меня о твоемѣ отечествѣ и вѣрѣ. Благодарю за то небо, что выслало оно меня для твоего спасенїя на морской берегѣ. Перестань печалиться; я обнадеживаю освободить тебя, и кленусь, что не будешь ты здѣсь долѣе того удержанѣ, покуда невыздоровѣешь. Человѣкѣ сѣ тобою избавленной, будетѣ

будетъ столькожъ попечительно, какъ и ты пользованъ, и ты скоро можешь его увидѣть; а теперь не пришелъ онъ еще въ память, и все въ томъ же жалкомъ состоянїи, въ каковомъ мы его нашли. Слова сего Турки усугубили мое удивленїе, и я не поминая его великодушїя, устремилъ на него глаза, и говорилъ ему: Государь мой! отпусти мнѣ вину мою, естьли я чѣмъ нибудь огорчилъ тебя; я не знаю того, куда меня волны выбросили, и съ кѣмъ теперь нахожусь. Но какъ я ни смущенъ, только могу отблагодарить за твое ко мнѣ призрѣнїе: но притомъ осмѣливаюсь сказать, что рѣчь твоя несказанно меня смутила. Я спасалъ женщину, которая мнѣ въ тысячу разъ миляе жизни, и уповаю, что приплылъ съ нею къ берегу, и что ее должно было найти со мною. Естьли то правда, продолжалъ я, что ты изъ сожаленїя можешь умилостивиться, такъ прошу тебя, для всего того, что тебѣ на свѣтѣ мило, не разлучать меня съ нею, и допустить теперь же ее увидѣть.

Клянусь тебѣ великимъ нашимъ Пророкомъ, отвѣчалъ Турокъ, что я не видалъ никого съ тобою, кромѣ мущины, коего держалъ ты въ рукахъ своихъ тогда, какъ я пришелъ къ тебѣ на помощь. Гуляя по морскому берегу, усмотрѣлъ я доски корабельныя вѣтромъ на берегъ выброшенныя; а потомъ и тебя увидѣлъ. Богатая твоя одѣжда, и бралїантами обложенной портретъ висящей на твоей шѣѣ, влагали мнѣ въ мысли, что ты знатной природы. Тотъ же часъ велѣлъ я тебя съ несчастнымъ твоимъ товарищемъ внесть въ мои покои, и теперь имѣютъ объ немъ такое же какъ и о тебѣ попеченїе. Но я божусь тебѣ, что никакой женщины мы съ тобою не видали. Для утвержденїя справедливыхъ словъ моихъ, отдаю я тебѣ портретъ твой, и обнадеживаю, чтобъ отдалъ вмѣстѣ съ нимъ и изображенную на немъ особу, естьлибъ была она въ моей власти.

О боже! вскричалъ я по сихъ словахъ, наполнясь отчаянїемъ! такъ когожъ спасъ я, естьли не

любезную Эльвиру! потомъ въ несказанной моей горести заклиналъ я Турку, отвесть меня къ тому человѣку, котораго нашли со мною; а онъ ужаснувшись отъ моего жестокаго отчаянія, увѣщавая меня, говорилъ: Любезной Христіанинъ! утоли печаль свою, я велю по всѣму острову развѣдать о той, которую ты столь желательно хочешь видѣть; а теперь для твоего увѣренія отведу къ тому, коего спасли съ тобою. Но притомъ прошу тебя, не давай окружающимъ меня о твоемъ безпокойствіи нималаго подозрѣнія. Я кленусь тебѣ, продолжалъ онъ, что все употреблю въ твою пользу, и какъ вѣрный другъ буду служить тебѣ. Я обѣщалъ ему себя принудить: а онъ взявъ меня за руку, отворилъ потайныя двери и вошелъ со мною въ другой покой, въ коемъ нѣсколько Турковъ стояли около постели моего товарища. Приближившись къ оной дрожащими ногами, усмотрѣлъ я на ней къ несказанному моему удивленію Генрикveца. Сей искренній другъ тогда только лишь опом-

нился, и увидѣвъ меня подавалъ мнѣ руки, говоря сїи слова весьма слабымъ голосомъ: Милостивый государь! я чувствително благодарю васъ, и несказанно радуюсь тому, что ваша здѣланная мнѣ помочь, была самимъ безвредна.

Какъ! прервалъ я рѣчь его, такъ развѣ я тебя только спасъ, съ тобою плылъ противъ волнъ и вѣтра, и не жалѣя моей жизни, старался тебя на берегъ вытащить? Да! милостивый государь, отвѣчалъ Генриквецъ, вы не выпустили меня изъ рукъ своихъ, и принудили плыть съ собою, по чему и жизнїю моею вамъ теперь долженъ. Услышавъ сїе, кровь въ жилахъ моихъ остановилась, и я немогши перемочь несказанной моей горести и отчаянїя, упалъ безъ чувствъ въ руки къ Туркѣ со мною пришедшему. Сей великодушной Магометанинъ легко догадался о причинѣ приведшей меня въ сїе состоянїе; и для того велѣлъ отнесть въ свою спальню, и положить на постелю. Чрезъ нѣсколько часовъ, пришелъ я отъ многихъ врачеванїй въ чувство;

и

и тутъ горесть моя пуще усугубилась. Увидѣвъ около себя множество Турковъ, забылъ со всѣмъ про то, гдѣ я находился, и хотѣлъ лишить себя жизни. Съ симъ намѣреніемъ ухватился за кинжалъ моего предводителя, которой былъ при мнѣ безъотлучно; но онъ не допустивъ меня онаго вырвать, говорилъ: несчастной незнакомецъ! я слыхалъ отъ многихъ Христіанъ, что вѣра ваша запрещаетъ вамъ отнимать у себя жизнь свою. Когдажъ и ты въ подлинну Христіанинъ, такъ вспомни то, что предписываетъ тебѣ законъ твой, и подумай, сколь велика сія наша слабость, естьли мы не хотимъ перенесть злополучія. Признаюсь вамъ, что рѣчь его меня устыдила и просвѣтила затмившейся мой разсудокъ. Очувствовавшись, желалъ я предъ нимъ оправдаться, и расказаніемъ моихъ несчастей склонить къ сожалѣнію. Я уповалъ, что услышавъ мое бѣдственное состояніе, не станетъ онъ мнѣ въ желаніи моемъ препятствовать. Для сея причины не утаилъ я отъ него ни природы, ни

имя моего, и пересказалъ всѣ мои приключенія. Окончавши повѣсть, говорилъ ему: теперь ты знаешь мою участь, и такъ разсуждай, справедливо ли мое отчаяніе, и можно ли винить его? Скажи мнѣ, достоинъ ли я жить послѣ сего проступка; ибо могши спасти страстно любимую супругу, допустилъ ей погибнуть, а спасъ вмѣсто ее другаго? Не досадую на то, что я помогъ Генриквецу; онъ такой дворянинъ, которой съ самаго младенчества мнѣ былъ преданъ. Услуги и вѣрность его пріобрѣли мое къ нему почтеніе и повѣренность, по чему и жизнь его мнѣ мила. Но я не могу простить себѣ неосторожности моей, что не зберегъ любезной моей Эльвиры. И когда ужѐ допустилъ я ей погибнуть, такъ не долженъ и самъ ни о чемъ, кромѣ смерти, думать. Мнѣ легко можно сыскать къ своему выкупу деньги; но я не желаю свободы, ибо и жизнь моя теперь мнѣ противна стала. Судьба вручила меня въ твои руки; дѣлай со мною все, что хочешь. Естьли ты желаешь, чтобъ

чтобъ продолжалъ я жизнь, такъ дай мнѣ вкусить самую горчайшую неволю, дабы могъ я загладить вину мою, и наказать себя за то, что спасъ жизнь свою безъ той, которая все мое счастіе составляла.

Донъ Алварецъ, отвѣтствовалъ мнѣ Турокъ, я знаю теперь всю печаль твою, почитаю ее справедливою, и соболѣзную о ней съ тобою; но я хочу оную сколько нибудь уменшить. Говори что хочешь, только я не допущу тебя тоску твою умножить. Давно ли, сказывалъ я тебѣ, что ты не невольникъ, и что не надобны тебѣ на выкупъ деньги. Я вижу, что мой съ тобою поступокъ приводитъ тебя въ удивленіе, потому что не весьма обычайно въ нашей странѣ таковое великодушіе. Ты никогда не уповалъ, что бы Турокъ столько человѣколюбивъ былъ; но и между насъ есть люди знающіе добродѣтель. Вѣдай, любезной другъ, что разбитіе корабля твоего случилось при берегахъ королевства Фецскаго, и что ты находишься на островѣ Албаранѣ, которой состо-

итъ подъ моею властїю. Я Паша Бауценской, и сей городъ принадлежитъ къ моему градоначальству. Меня зовутъ Морацою, и я ношу на себѣ особливую милость Короля Фецскаго. Причина моего къ Христїанамъ снисхожденїя, есть слѣдующая: За двенатцать лѣтъ предъ симъ, въ одномъ нечаянно случившемся съ Христїанами сраженїи, попался я въ полонъ къ нимъ. Тотъ, кому я достался, былъ Гишпанецъ, и назывался Дономъ Ганзалецомъ; онъ былъ весьма знатной природы, но душевныя его дарованїи въ тысячу разъ превосходили достоинствы и богатство.

Не знаю, что ему во мнѣ понравилось, только обходился онъ со мною весьма милостиво, и показывалъ ко мнѣ знаки отмѣннаго почтенїя, кои никогда изъ памяти моей не выдутъ. Я хотѣлъ ему благодарность мою доказать богатымъ выкупомъ, и подарить его подаркомъ достойнымъ оказанныхъ ко мнѣ благодѣянїй; но онъ вмѣсто принятїя оныхъ, принуждалъ меня взять отъ себя многїя драгоцѣнности, и

не требовалъ за то ничего, кромѣ ненарушимой клятвы, чтобъ я со всѣми Христїанами, кои попадаться будутъ въ мою неволю, поступалъ безъ жестокости, и когда можно давалъ бы имъ свободу. Я пораженъ былъ удивленїемъ отъ добродѣтели сего Гишпанца, и клялся ему гробомъ Магометовымъ, что всѣмъ его одновѣрцамъ буду стараться дѣлать благодѣянїи, и услаждать по крайней мѣрѣ ихъ злополучїи, естьли освобождать не въ силахъ буду. Сїю клятву исполняю я не нарушимо съ тѣхъ самыхъ поръ со всевозможною вѣрностїю. Будучи Пашею Бауценскимъ и любимцомъ Короля своего, имѣю случай очень часто многихъ Христїанъ, а особливо Гишпанцовъ, кои попадаются къ намъ въ неволю, подъ свое брать покровительство. Но между всѣми, коимъ я показывалъ услуги, нахожу тебя перьваго весьма знатной природы, и радуюсь, что нечаянное счастїе доставило тебя въ мои руки. Я почитаю тебя достойнымъ заступить въ моемъ сердцѣ нѣжную мою дружбу къ велико-

ликодушному Ганзалецу. Теперь можешь ты все предпріять, что хочешь, здѣсь ли остаться, или ѣхать въ отечество; ибо на все получишь отъ меня соизволеніе. Симъ поступкомъ испытаешь ты мою благодарность къ щедролюбивому твоему одноземцу, коему я по справедливости всѣмъ на свѣтѣ долженъ.

Мораца рѣчь окончилъ, и я не могъ, какъ и отчаянъ нибылъ, не подивиться его благодарности и великодушному поступку. Потомъ вопрошалъ его о сродникахъ Ганзалецовыхъ, и по описанію призналъ онаго роднымъ моимъ дядею и отцомъ Беатриксы, чрезъ что сталъ я Пашѣ Бауцекскому гораздо миляе. Мораца желая меня сколько нибудь обнадежить, послалъ ко всѣмъ Фецскимъ и Марокскимъ разбойникамъ, кои о разбитіи корабля нашего могли имѣть извѣстіе, нарочныхъ, и просилъ, чтобъ увѣдомили его о избавшихся отъ потопленія своего полу людяхъ. Онъ уповалъ, что можетъ быть и Эльвиру выбросило такъ же какъ и меня волнами на берегъ.

Но

Но всѣ его развѣдыванiи были тщетны, и мы ничего не могли о ней услышать. Между тѣмъ Генриквецъ получа облегченiе пришелъ ко мнѣ, и хотя я къ нему столькожъ благосклоненъ былъ, какъ и прежде, однако присудствiе его нѣсколько дней было мнѣ несносно. Наконецъ опомнился заблужденный мой разумъ; я узналъ несправедливость моея поступки, и стараяся загладить оную, обходяся съ нимъ ласковѣя прежняго. Онъ соотвѣтствовалъ на мой прiемъ съ такимъ усердiемъ и преданностiю, что я почиталъ его единственною себѣ утѣхою. Паша Бауценской имѣлъ намѣренiе только двѣ недѣли прожить въ Албаранѣ, и желая истребить мое унынiе, въ которомъ я безпрестанно погруженъ былъ, привезъ насъ съ собою въ Бауцену. Тамъ не жалѣлъ онъ ничего, чѣмъ бы прогнать печаль мою, и представлялъ мнѣ прекраснѣйшихъ женъ своего сераля. Но вѣрная моя къ Элвирѣ любовь не допускала меня ни чемъ веселиться, и препятствовала Морацѣ достигнуть до его жела-

желанія. Шесть мѣсяцовъ препроводилъ я во всегдашнѣй горѣсти, и намѣрился не выѣзжать изъ Бауцены. Новой мой другъ столь хорошо зналъ Гишпанской языкъ, что наономъ безпрепятственно могъ изъясняться, отъ чего находилъ я, живучи съ нимъ, въ его обхожденіи великое удовольствіе, и не помышлялъ о возвращеніи въ отечество. Я воображалъ, что лишась Эльвиры, не осталось для меня никакого пріятнаго мѣста, и радовался нашедши въ Бауценѣ столь искренняго друга.

Въ таковомъ находился я состояніи, какъ къ Морацѣ присланъ былъ отъ его Государя указъ, чтобъ онъ для усмиренія бунтовщиковъ въ провинціи Дарѣ шелъ поспѣшно въ оную съ своимъ войскомъ. Жители объявленной провинціи предпріявши бунтъ, хотѣли овладѣть всѣмъ Марокскимъ Королевствомъ и избѣжать чрезъ то подданства короны Фецской. Сіи двѣ державы были чрезъ долгое время въ раздѣленіи, и управлялись разными Государями; но Мулей Архій, отецъ нынѣ владѣющаго

щаго

щаго Короля, коего зовутъ Мулей Семейнъ, соединилъ ихъ въ одно владѣнїе. Семейнъ по сїе время владѣлъ спокойно, и назначивши столицею Фецу, имѣлъ дворъ свой въ оной; а другими городами управлялъ опредѣленными въ нихъ градоначальниками. Мегересъ, родной его племянникъ, бывшей градодержателемъ въ Мароккѣ, обьявилъ себя начальникомъ бунтующихъ и Королемъ Марокскимъ. Къ своему предпрїятїю склонилъ онъ многїя провинцїи, въ числѣ коихъ и Дара находилась. Для усмиренїя дерзости бунтующихъ, указалъ Король всѣмъ вождямъ своимъ, со ввѣренными войски итти къ назначеннымъ мѣстамъ, и стараться возстановить прежнюю тишииу, а самъ пошелъ со многочисленною силою противъ Мегереса въ Марокко. Война сїя принуждала Морацу разстаться со мною. Великодушной сей другъ опасаяся, чтобъ я въ его отсутствїе не отдался въ пущее унынїе, предложилъ мнѣ здѣлать ему товарищество. Я одѣну тебя, говорилъ онъ, въ Турецкое платье, назову

назову Магометанцомъ, и здѣлаю начальникомъ нѣсколькихъ воиновъ. Предложенїе его казалось мнѣ для моего къ смерти желанїя весьма удобно, и я не опровергая онаго радовался, что прекращу несносную мою жизнь. Съ симъ намѣренїемъ принялъ я охотно предложенїе Морацы, и благодарилъ его за то; а онъ былъ тому столько же радъ, какъ и я, но для разныхъ причинъ. Въ тотъ же день велѣлъ онъ для утвержденїя моего чину разгласить по всему городу, будто бы я принялъ Магометанскую вѣру. Давши мнѣ чинъ назвалъ меня Моргатомъ; а Генриквеца Муцаимомъ, и съ тѣхъ поръ получаетъ отъ Семейна знатное годовое жалованье, для удержанїя меня въ теперишномъ моемъ званїи. По напрасну сопротивлялся я его желанїю, и наконецъ престалъ упорствовать, уповая, что не долго буду пользоваться благодѣянїями сего Турки. Спустя нѣсколько дней выступили мы въ поле, и прибыли къ Дарѣ, гдѣ бунтующїе жители препятствовали намъ въ проходѣ, и принудили вступить

въ

въ сраженїе. Я не хочу беспокоить васъ порядочнымъ описанїемъ тогдашняго бою; а скажу только то, что побѣдили мы противящихся намъ, и я ища смерти, приносилъ по всемѣстно въ жертву любезной моей Эльвирѣ множество невѣрныхъ. Всѣхъ, кто мнѣ ни противился, повергалъ я на землю; и вмѣсто потерянїя моей жизни, спасъ оную храброму Морацѣ, и противъ желанїя дѣлалъ такїя дѣла, кои прїобрѣли мнѣ у всего народа несказанную любовь, похвалу и почтенїе. Мораца, коего безъ лѣсти храбрымъ воиномъ назвать можно, умножилъ славу мою прилагаемыми мнѣ похвалами, и вездѣ говорилъ, что никому, кромѣ меня, сею побѣдою не долженъ. Мы привели Дару опять подъ владѣнїе Королевское, и возстановя въ ней спокойствїе, соединились безъ замедлѣнїя съ Королемъ при Марокѣ. Семейнъ держалъ сей городъ въ осадѣ, которая была продолжительна и кровопролитна. Никогда не видано было жесточае нападенїя и храбрея отпору. Король Фецской былъ въ трудахъ не усыпаемъ,

паемъ, и своими подвигами ободрялъ воиновъ, которые отъ того дѣлали дѣла удивительныя. Бунтующїе, почитая Короля справедливо раздраженнымъ, не надѣялись отъ него никакой милости, и страшась мученїя пуще смерти, вознамѣрились побѣдить или умереть, и отъ сего отчаянїя всѣ героями казались. *Я* же ненавидя жизнь, служилъ Семейну болѣе отчаяннымъ, нежели храбрымъ солдатомъ; но со всѣмъ тѣмъ, что ни предпринималъ для сысканїя смерти, только все происходило ко вреду осажденныхъ. Въ короткое время дѣла мои привели меня въ милость Королевскую; и оная наконецъ столь далеко пространилась, что онъ ввѣрилъ мнѣ производить осаду. *Я* не столько честолюбивъ былъ, чтобъ почелъ себя достойнымъ поручаемаго мнѣ дѣла, и всеконечно бы онаго не принялъ, естьлибъ не надѣялся подъ стѣнами городскими сыскать смерти. *Я* уповалъ, что при столь опасномъ дѣлѣ достигну до того, чего столь ревностно желаю, и въ сихъ мысляхъ принялъ на себя порученрученрученрученрученрученрученрученрученрученрученрученрученручен-

рученную осаду безъ всякаго отрицательства. Только при всемъ моемъ отчаянїи, не хотѣлъ я того, чтобъ бунтующїй Метересъ смертїю моею сталъ побѣдителемъ, и дѣлалъ все, чѣмъ бы побѣду получить было можно. Словомъ, я не щадилъ ни бунтующихъ, ни самого себя, и напослѣдокъ приготовлялся къ главному приступу. Семейнъ и его военачальники были не одного со мною мнѣнїя; но наконецъ склонились и они; ибо безстрашїе мое подавало имъ непонятную надежду. Мы не жалѣли ни трудовъ, ни попеченїй вспомогая другъ другу, и я при семъ предпрїятїи отъ вождей его храбро подкрѣпляемъ былъ. Надобно признаться, что сему приступу надлежало быть жарчайшему изъ всѣхъ прежде дѣланныхъ, и вы легко узнать можете, что я не упускалъ ничего, чѣмъ бы могъ показать мое искуство, и прїобрѣсть благодѣтелямъ моимъ побѣду, а себѣ смерть. Но небо спасшее меня отъ потопленїя морскаго для пущихъ бѣдствїй, дало мнѣ достигнуть до перьваго, не допуская до послѣдняго. Мы

Мы взяли городъ приступомъ. Я взошелъ на городскую стѣну прежде всѣхъ, и овладѣлъ оною не взирая на сопротивленїе Мегереса. Тутъ надлежало отчаянїю и храбрости широкое имѣть поле. Бунтующїй Князь дѣлалъ все, что храбрый воинъ для полученїя побѣды учинить можетъ. Но звѣзда моего счастїя одержала надъ его поверхность Я умерщвлялъ все, что мнѣ въ пути моемъ противилось, и овладѣлъ наконецъ будучи подкрѣпляемъ храбрѣйшими изъ воиновъ, главными городскими вратами. Сїе здѣлалось не безъ малаго пролитїя крови. Я убилъ Мегереса и храбрѣйшихъ изъ его предводителей своею рукою; а смерть ихъ дала намъ совершенную побѣду. Отворивъ Королю городскїя вороты впустилъ его въ городъ, и войско въ мигъ онымъ овладѣло. Смятенные и трепещущїе жители просили пощады, и получили ея старанїемъ Морацы. Мы порубили въ сраженїи большую часть Мегересова войска, а достальныхъ оковали. Семеинъ въѣхалъ въ Марокко, такъ какъ побѣдитель, при чѣмъ мнѣ

мнѣ и Пашѣ Бауценскому по его приказанію дано было участіе. Могу сказать вамъ, что съ тогдашнею радостію великодушнаго моего друга, ни что на свѣтѣ не можетъ сравняться, и она ясно на лицѣ его была написана.

По овладѣніи Морокомъ достальная часть бунтующихъ городовъ, сама отдалась въ прежнее Семейну покорство, и онъ установя спокойствіе, поѣхалъ возвратно въ Фецу, взявъ насъ съ собою. На дорогѣ осыпалъ Король меня честію и подарками, и велѣлъ избирать воздаяніе за мою услугу. Но я не желая никакого награжденія, просилъ его, чтобъ раздѣлилъ свои благодѣяніи служащимъ въ его войскѣ, которые весьма храброе дѣлали мнѣ подкрѣпленіе. Однако не взирая на все мое отрицаніе увидѣлъ, что по пріѣздѣ въ Фецу безъ всякой моей прозьбы пожаловалъ онъ меня въ Градоначальники Тресъ-Форкатскіе и Пашею отъ своего войска. Мораца, надѣяся меня вовсе удержать съ собою, исходатайствовалъ мнѣ сію Королевскую милость безъ моего вѣ-

дома. Семейнъ назначилъ было сїе мѣсто Оркану, но наградилъ меня онымъ по прозбѣ своего любимца, къ досадѣ сего варвара. Я несказанно удивлялся милости Королевской, и будучи на единѣ съ Пашею Бауценскимъ, говорилъ ему слѣдующїя слова: Что хочешь ты изъ меня здѣлать, любезный Мораца? Не ужъ ли забылъ ты, что я Христїанинъ, и что мнѣ, будучи онымъ, между вами никакого знатнаго чина имѣть не можно? Не льстишься ли ты склонить меня симъ возвышенїемъ къ перемѣнѣ моей вѣры? И ежели такїя имѣешь мысли, то оставь ихъ вовсе. Ни дружба, ни благодарность, чѣмъ я тебѣ долженъ, ни всѣ великїе почести и достоинствы, ниже самыя жесточайшїя муки не могутъ привудить меня къ вѣроломству. Я ничего не дѣлалъ здѣсь съ намѣренїемъ получить за то воздаянїя, а искалъ одной только смерти; но она отъ меня повсемѣстно убѣгала. Да и теперишное мое твердое предпрїяте овладѣвшее моимъ сердцемъ, чтобъ не возвращаться въ отечество, происходитъ

исходитъ единственно отъ лишенія возлюбленной Эльвиры и отъ твоей дружбы. Но при всемъ томъ не повредило оно моего къ закону усердія и должности Христіанской. И такъ со всѣми твоими стараніями никогда не можно мнѣ забыть того, что я природной Гишпанецъ и Христіанинъ.

Да ктожъ сказалъ тебѣ, отвѣтствовалъ Мораца съ холодностію, что хотятъ сіе съ тобою здѣлать? Развѣ примѣтилъ ты, что я когда нибудь къ тому принуждалъ тебя? Не ужъ ли дружба моя въ чемъ нибудь перемѣнилась и подала тебѣ причину во мнѣ сумнѣваться? За великое ставилъ я себѣ удовольствіе, что удалось мнѣ увѣрить Семейна и всѣхъ моихъ одноземцовъ, будтобъ ты принялъ нашу вѣру, и тѣмъ доставить тебѣ здѣсь жизнь покойную; но ты все не такъ понимаешь. Скажи мнѣ, требовалъ ли я когда нибудь, чтобъ ты законъ нашъ принялъ? А! Моргатъ, продолжалъ онъ съ пріятностію, я надѣялся, что ты доброму моему предпріятію станешь больше отда-

вать справедливости, и будешь на оное съ лучшею дружбою отвѣтствовать, нежели теперь слышу. Но когда уже ты не хочешь понять моихъ намѣренїй, такъ вижу я самъ себя принужденнымъ похвалить великодушное мое о тебѣ попеченїе. Знай, что мое старанїе здѣлало тебя Пашею Тресъ-Форкатскимъ, и я одно только имѣлъ притомъ желанїе, чтобъ удержать тебя здѣсь вѣчно своимъ другомъ; ибо Бауцена весьма блиска къ оной. Живучи соседями ни что не можетъ пронесть дѣлъ нашихъ, да и Губернаторство сїе почти одно только и есть, въ которомъ начальникъ онаго по положенїю своего дворца можетъ жить самовластнымъ господиномъ. Дворецъ Паши Тресъ-Форкатскаго простирается къ самому берегу моря и выходитъ изъ виду жителей. Корабли могутъ входить и выходить изъ пристани дворцовой, такъ что никто о томъ не спознаетъ. Клянусь тебѣ, что выбралъ я оное мѣсто для того, чтобъ безъ помѣшальства могъ ты продолжать тамъ свою вѣру, и

притомъ

притомъ можно тебѣ оттуда всегда, когда захочешь, возвратиться во отечество безъ всякаго препятствїя. Вотъ мое намѣренїе, несправедливый Моргатъ! я буду стараться отдавать тебѣ всѣхъ Христїанскихъ невольниковъ, кои попадутся въ мою неволю; а ты долженъ склонить Оркана, чтобъ и онъ отдавалъ тебѣ всѣхъ, которые ему достанутся. И такъ можешь ты ихъ удерживать при себѣ, или отпускать на волю по своему разсужденїю. Внутреннее расположенїе во дворцѣ своемъ учредишь ты какъ тебѣ захочется, и никто въ томъ препятствовать тебѣ не будетъ. Словомъ, это такая пустыня, которую я нарочно выбралъ для твоего спокойствїя. Одну лишь имѣю я притомъ досаду, что не могу отдалить отъ тебя Оркана, которой лютяе всѣхъ тварей на свѣтѣ. Семейнъ столько къ нему благосклоненъ, что не можно осмѣлиться на сїе дѣло; но какъ тебѣ кромѣ временнаго осмотру невольниковъ, надъ коими имѣетъ онъ смотрѣнїе, иныхъ съ нимъ дѣлъ не

будетъ, такъ надѣюсь, что не станетъ и онъ противиться твоему желанію; да къ томужъ и мое безпрестанное стараніе будетъ служить тебѣ не малою противъ его помощію. Сего уже много, любезной Мораца, вскричалъ я будучи устыженъ благодѣяніями и великодушіемъ моего друга. Ты принуждаешь меня умереть неблагодарнымъ человѣкомъ. Чѣмъ могу я заслужить столь многія милости? Развѣ моею жизнію! возми ее, и вѣрь мнѣ, любезной Паша, что отдаюсь въ твою волю, и съ сего часа не буду искать, кромѣ твоей дружбы, другаго прибѣжища. Прости моему сумнѣнію; скоро искренность моя докажетъ тебѣ, сколь совершенно почитаю я такого друга, каковымъ тебя вижу. Тутъ перервалъ Мораца рѣчь мою, и недавая больше говорить обнялъ, заклиная меня не упоминать о благодѣяніяхъ и благодарности.

Чрезъ нѣсколько дней получилъ мой другъ отъ Короля увольненіе, и мы поѣхали въ Тресъ Форкатъ, гдѣ онъ въ новое мое достоинство

самъ

самъ меня возвесть хотѣлъ; и велѣлъ жителямъ здѣшнимъ принять меня великолѣпно, при чемъ пробылъ со мною цѣлой мѣсяцъ. Прiятное уединенiе здѣшняго мѣста было съ состоянiемъ моимъ весьма согласно, и я онымъ несказанно былъ доволенъ. Хотя и нашелъ я мое жилище дѣйствительно удобнымъ для тайнаго уѣзду въ Гишпанiю, однако намѣрился здѣлать еще нѣсколько новыхъ проходовъ. Невольниковъ моихъ раздѣлилъ я на три части; а для какихъ причинъ, о томъ уже ты, любезный Алфонзъ, извѣстѣнъ. Симъ учрежденiемъ получилъ я вольность продолжать законъ мой, и всѣхъ Христiанскихъ невольниковъ, попадающихся въ мою неволю, бралъ ко двору моему, а между оными находилась большая часть Гишпанцовъ. Свѣдавъ о ихъ несчастiяхъ отдавалъ я имъ на волю ѣхать въ отечество или при мнѣ остаться: но они удивясь несказанно моему поступку, и узнавши, что будучи при мнѣ могутъ исправлять должность своей вѣры, желали охотно въ неволѣ моей остаться,

ся, и предпочли ее своему отечеству. Я обѣщалъ за сїе усердїе отпускать ихъ въ отечествы всегда, когда они пожелаютъ, съ тѣмъ увѣренїемъ, что такъ изобильно награжу ихъ, дабы прїѣхавъ туда не имѣли они нужды въ чужой помощи. Потомъ велѣлъ я имъ учинить присягу о содержанїи всего въ тайности, что у меня происходить будетъ, и назначилъ надъ ними Муцаима начальникомъ, чтобъ и они такъ же, какъ и другїе невольники, властїю управляемы быть казались. Нашедши между ими одного духовнаго, и желая онаго удержать при себѣ, далъ ему великое богатство, и почтилъ отмѣнно отъ прочихъ; а онъ видя мое великодушїе согласился остаться здѣсь. Онаго одѣлъ я такъ же, какъ и другихъ невольниковъ, и приказалъ во внутреннихъ покояхъ здѣлать потаенной жертвенникъ, которой отъ всѣхъ, кто его видѣлъ, почитался ящикомъ. Напослѣдокъ учредилъ я всѣ дѣла мои, такъ, что никакого человѣка не почиталъ счастливѣя себя, естьлибъ

изъ сердца моего могъ истребить память о Эльвирѣ.

Паша здѣшней имѣетъ великіе доходы. Онъ получаетъ со всякаго полоненнаго корабля по двѣ трети находящагося на немъ богатства. Исправляя мою должность надлежало бы мнѣ во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ Короля Фецскаго, а особливо противъ Христіанъ быть въ сраженіи; но я помощію Паши Бауценскаго удалялся отъ того, дабы не обагрить рукъ въ крови моихъ единовѣрцовъ. Орканъ не могъ смотрѣть безъ зависти на мое возвышеніе; вводимыя мною въ домѣ порядки злость его поощряли, и я скоро почувствовалъ дѣйствіи оныя. Сей злодѣй клеветалъ на меня Королю поносными жалобами; а я узнавъ о томъ не хотѣлъ отмщать ему силою, а ополчился терпѣніемъ. Много разъ показывался я къ нему усерднымъ, и желая пріобрѣсть отъ него повѣренность, позволялъ ему выѣзжать въ море, обѣщая полученную добычу безъ остатку ему отдавать, а себѣ требовалъ однихъ только Христіанъ, кои

въ плѣнъ нашъ попадутся, а сїе несказанно льстило его корыстолюбїю.

Почти цѣлой годъ былъ я Пашею Тресъ-Форкатскимъ, и жилъ весьма покойно изключая напоминанїя о Эльвирѣ, что всегда меня въ унынїе приводило. Для прогнанїя печали хаживалъ я очень часто на берегъ прогуливаться. Однимъ вечеромъ ходя по обыкновенїю съ однимъ только Муцаимомъ, увидѣлъ я, что Мавританской невольникъ шелъ ко мнѣ съ поспѣшностїю, а приближася упалъ на колени и говорилъ: Милостивый государь! удостойте одну минуту выслушать меня тайно. Я весьма важное дѣло имѣю открыть вамъ. Услышавъ сїе, далъ я Муцаиму знакъ удалиться; но онъ вмѣсто послушанїя ставъ между мною и невольникомъ говорилъ: Я никогда не допущу, чтобъ незнакомой человѣкъ на семъ отдаленномъ мѣстѣ одинъ съ вами остался. Естьли онъ никакого худаго умыслу не имѣетъ, такъ и при мнѣ съ вами говорить можетъ. Сїи слова представили мнѣ мою неосторожность, и я велѣлъ Мавританцу говорить

ворить безъ опасенія. Милостивый государь! отвѣтствовалъ онъ, я непремѣнно долженъ буду погибнуть, ежели немилосердый Орканъ провѣдаетъ о томъ, что теперь вамъ открыть намѣренъ. Я обѣщался ему быть молчаливымъ, и ручался въ томъ же за Муцаима, по чему началъ онъ говорить безъ замедлѣнія.

Блиско пятинатцати уже мѣсяцовъ, какъ я послѣ жестокой бури наловя рыбы возвращался домой, и подъѣзжая къ заливамъ Алборанскимъ, увидѣлъ нѣчто плавающее позади моей лодки. Тотчасъ велѣлъ я моему работнику, искусно плавать умѣющему, броситься въ море, и посмотрѣть, что такое плавало; а онъ бросившись ухватилъ оное удачно, и мы усмотрѣли въ вытащенной нашей добычѣ богато убранную женщину, которая какъ намъ казалась не долго прожить могла. Сожаленіе овладѣло моимъ сердцемъ. Я обѣщалъ моему помошнику за избавленіе сей несчастной отдать бывшее на ней платье, и просилъ, чтобъ ее мнѣ оставилъ и никому

бы о томъ не сказывалъ; на что онъ и согласился. Давъ время выблевать ей изъ себя морскую воду, увидѣлъ я, что получила она нѣкоторое облегченіе, однакожъ не говорила еще ни слова, и лишь было открыла глаза, но въ томъ же часъ опять ихъ сомкнула.

Мы приплыли съ нею къ предмѣстіямъ Тресъ-Форкатскимъ, гдѣ я жительство имѣю. Не медля ни мало, внесъ я сію незнакомую въ домъ мой, а жена моя положила ее на постелю: потомъ удовольствовавъ товарища моего обѣщаннымъ воздаяніемъ, столь многое прилагали мы о ней стараніе, что она наконецъ со всѣмъ пришла въ память. Примѣтивъ несказанное въ ней смущеніе, кое она увидѣвъ насъ почувствовала, утѣшали мы ее увѣщаніями, и она на оныя нѣсколько словъ весьма печально промолвила, только мы другъ друга не разумѣли. Она плакала несказанно; жена моя старалась разговорить ее, и давала знать, что она нималаго не имѣетъ отъ насъ опасенія. Мы положили, что увѣщаніе наше подало

ло ей нѣкоторую надежду, ибо принимала она помощь нашу съ ласковымъ видомъ. Долгое время была она больна, и наконецъ выздоровѣвъ находилась въ ужасной печали, коея ни чѣмъ истребить было не можно. По долговременному и неразлучному съ нею житью уразумѣли мы наконецъ, что она Гишпанка, и что при берегахъ нашихъ случилось разбитїе ее корабля, гдѣ она любовника своего лишилась, и онаго оплакивала безпрестанно.

Какъ она печальна ни была, однако красота ея и въ жесточайшихъ горестяхъ насъ удивляла. Я ласкался великимъ счастїемъ, ежели представлю ее Королю нашему, думая, что такой красавицы конечно въ сералѣ его не было. Но въ самое то время наступила война, и я опасался подвесть ее отягощенному многими дѣлами Семейну, а намѣрился ожидать мира. Отъѣзжая къ войску препоручилъ я Албу [ибо такъ назвали мы найденную женщину] женѣ моей. При Мароккской осадѣ, имѣлъ я счастїе служить подъ вашимъ предводительствомъ;

ствомъ. Ваша храбрость, прїятности лица и чрезмѣрное великодушїе, коего дѣйствїи всечастно мы ощущали, привели меня о моей невольницѣ со всѣмъ на другїе мысли. Я предпрїялъ вручить ее вамъ, и воображалъ, что у васъ ей лучше будетъ, нежели у Семейна. По возвращенїи оттуда, увѣдомился я, что вы здѣланы Пашею Тресъ-Форкатскимъ, и что за Христїанскихъ нѣвольниковъ даете знатное награжденїе. Отъ сего утвердился пуще въ моемъ предпрїятїи, и для исполненїя онаго пошелъ къ Оркану, коего просилъ, что бы представилъ меня къ вамъ, для врученїя Албы. Онъ обѣщался сїе исполнить съ тѣмъ договоромъ, чтобъ напередъ самому увидѣть, достойна ли моя невольница таковаго счастїя.

Я привелъ ее къ нему съ моею женою; а онъ удержалъ ихъ обѣихъ, сказавъ мнѣ, что безъ замѣдленїя будетъ о томъ стараться, чего я желаю, и пошелъ отъ меня съ ними. Нѣсколько часовъ спустя возвратился ко мнѣ, и сказалъ, что вы оставили Албу у себя, и

обѣщали прислать за нее награжденїе съ моею женою, которая на одинъ день оставлена во дворцѣ для утѣшенїя Албы. Повѣривъ словамъ его, пошелъ я домой; но на другой день не видя возвращенїя жены своей, пришелъ опять къ Оркану, и спрашивалъ о женѣ и награжденїи. Но лютый сей варваръ взглянувъ на меня сурово, сказалъ, чтобъ я престалъ его беспокоить; а естьли не воздержуся, то сыщетъ чѣмъ усмирить меня. Между тѣмъ не преставалъ я его тревожить: крикъ и жалобы мои здѣлались ему наконецъ несносны, и онъ заключилъ меня въ темницу, гдѣ я шесть мѣсяцовъ высидѣлъ, и только что три дни изъ нее выпущенъ. Освободясь терзался я горѣстїю о потерянїи моей жены и той красавицы, которая составляла надежду къ моему счастїю, и не зналъ, какимъ бы образомъ принесть вамъ жалобы. Но по щастїю моему увидѣвъ васъ теперь здѣсь намѣрился упасть къ ногамъ вашимъ, и просить о справедливомъ мщенїи за отнятїе жены моей, которая вмѣстѣ съ Албою злополучную жизнь имѣетъ.

Раз-

Разсуждай, любезной Алфонзъ, какія волненіи рѣчь сія произвела въ моемъ сердцѣ? Члѣны мои онемѣли, и кровь въ жилахъ остановилась. Я подумалъ, что Алба никто иная, какъ моя любезная Эльвира; и почувствовалъ въ тужъ минуту такое жестокое мученіе, которое и самую смерть превосходило. Восбраженіи, представляющіяся въ глазахъ моихъ, язвили сердце мое тысячею ужасныхъ мыслей. Я приказалъ сему Мавританцу быть молчаливымъ, обѣщаяся возвратить ему жену его; а потомъ возвратился во дворецъ съ Муцаимомъ, и далъ полную волю отчаянію мною овладѣвшему. Обрѣтеніе Эльвиры дѣлало мнѣ великую радость; но терзало меня то, что она въ рукахъ Оркановыхъ, и я мучась ревностію, желалъ бы лучше никогда дочери Мендоцовой не видѣть, нежели найтить ее въ объятіяхъ другаго. Муцаимъ примѣтя безпокойствіе души моей, но не будучи ревностію ослѣпленъ, далъ укротиться моему отчаянію, и покуда я былъ въономъ, угождалъ моимъ мыслямъ.

Я не видалъ и не слыхалъ никогда, говорилъ онъ мнѣ, ужаснѣя сего приключенія; но какъ оному помочь со всѣмъ не можно, и когда ужѐ теперишное Эльвирино состояніе, кажется вамъ противнѣе ея смерти, такъ забудьте о ней, милостивый государь, и подумайте, что ее въ живыхъ нѣтъ.

Мнѣ ее оставить, вскричалъ я! мнѣ забывъ мою обиду, оставить въ рукахъ сего варвара то, что я пламенно люблю, и больше всего на свѣтѣ почитаю? Постойтежъ, милостивый государь, перервалъ Муцаимъ рѣчь мою, и не горячитесь такъ много: коли вы ее столь страстно любите, то поступимъ съ нею по справедливости; станемъ сожалѣть о ней, и не понося ее, вырвемъ изъ поносныя неволи. Я васъ увѣряю, продолжалъ онъ, что добродѣтельная Эльвира не согласится любить Оркана? Можетель вы подозрѣвать, чтобъ супруга ваша сего лютаго Турку сравнила съ вами? Не думалъ я никогда, чтобъ сумнѣвались вы въ ея добродѣтели, и столь худо разсуждали о ея постоянствѣ и вѣрности? Дол-

Долгое со мною обхожденіе, и лѣты превосходнѣе моихъ способствовали Муцаиму, обладать моимъ нравомъ. Я былъ въ его ко мнѣ усердіи весьма справедливо увѣренъ, и сіи короткія слова произвели во мнѣ все то, чего онъ ожидать могъ. Отчаяніе мое перемѣнилось въ печаль и нѣжное сожаленіе; гнѣвъ мой минулъ, и я на Эльвиру взиралъ совсѣмъ уже иными глазами, и мученіи ее почиталъ собственными. Состояніе ее стало меня беспокоить; любовь моя брала въ немъ должное участіе, и умножала стремительное желаніе скорея съ нею увидѣться. Словомъ, я собралъ опять разточенной мой разумъ; ревность меня оставила, и я ни о чемъ не помышлялъ, кромѣ освобожденія любезной своей изъ рукъ жестокаго Оркана. По долговременныхъ вымыслахъ, какимъ бы образомъ начать оное, согласились мы употребить хитрость, которая намъ удобнея насилія казалась; ибо были мы твердо увѣрены, что Орканъ не отдастъ добровольно своей нѣвольницы, а ушлетъ ее въ другое мѣсто,

сто, естьли покушусь я взять ее силою. Однако не удаля Оркана Эльвиры освободить никакъ было не можно; по чему велѣлъ я онаго призвать къ себѣ, и притворился, что никому, кромѣ его, не могу ввѣрить, пересылки весьма важнаго письма къ Пашѣ Бауценскому, въ коемъ есть тайныя отъ двора повелѣнiи; а онъ взялся за то охотно, и отъ меня въ тотъ же день былъ отправленъ.

Я писалъ къ Морацѣ о приключившемся со мною, и просилъ его какъ возможно долѣе удержать въ Бауценѣ Оркана, дабы въ отсутствiе его безъ препятствiя освободить Эльвиру. Едва отвалилъ онъ отъ берегу, какъ я пошелъ въ домъ его подъ тѣмъ видомъ, будто бы онъ отъѣзжая просилъ меня имѣть надъ онымъ смотрѣнiе. Оглядѣвъ прежде невольниковъ, корабельные и прочiе припасы, велѣлъ потомъ отперете себѣ покои надзирателевы, сказывая, что любопытствую видѣть, какъ они убраны. Невольникъ водящей меня думалъ, что ни въ чемъ Пашѣ своему отка-

зать

зать не долженъ, и для того спрашивалъ меня, не желаю ли я видѣть Орканова сераля? Я притворился, будто бы не хочу того; но Муцаимъ показывая великое любопытство, принуждалъ меня здѣлать себѣ въ томъ удовольствїе. Невольникъ не помышляя ни о какомъ умыслѣ, побѣжалъ напередъ насъ объявить мой приходъ женщинамъ серальскимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ спрятались; а другїя покрыли лица покрывалами. Муцаимъ шелъ передо мною, а я остановился изъ предосторожности въ дверяхъ, и глазами всѣ мѣста осматривалъ. Потомъ намѣряся итти далѣя, увидѣлъ одну женщину упадшую къ ногамъ моимъ, которая проливая слезы, говорила: Милостивый государь! благословенные часы тебя сюда приведшїе, награди вольностїю двухъ несчастныхъ женщинъ, страдающихъ цѣлыя шесть мѣсяцовъ подъ игомъ Оркановой неволи. Сїя молодая невольница, продолжала она, указывая на женщину въ Турецкомъ одѣянїи, была для васъ назначена. Съ симъ намѣренїемъ, при-

привела я ее къ Оркану; но онъ вмѣсто врученія вамъ, удержалъ для себя, и принудилъ меня дѣлить съ нею горестную ея долю. Лишилъ меня мужа и дѣтей; и съ тѣхъ поръ дѣлаетъ намъ ежедневно безчисленныя мученіи, надѣяся преодолѣть тѣмъ постоянство сея Христіанки, которая мерзкой его страсти сопротивляется. Она столь боязлива и стыдлива, что не можетъ осмѣлиться сама о томъ трудить васъ: но проситъ чрезъ меня вашей помощи. Добродѣтель ее опасается васъ столькожъ какъ и Оркана; но я зная вашу къ Христіанамъ благосклонность, и великодушной нравъ вашъ, обнадежила ее, что облегчите бѣдственную ея участь, и что при васъ не будетъ она чувствовать никакого нещастія. Я увѣрила ее, что вы будете тронуты ее злополучіемъ столькожъ много, какъ и красотою, и не станете ни чѣмъ инымъ пріобрѣтать ея благосклонности, кромѣ всегдашнихъ щедротъ и ласковаго обхожденія.

По сихъ словахъ поднялъ я оную женщину, и пошелъ къ ея подругѣ

съ сими словами: Ободрись, сударыня! сказалъ я ей по Турецки перемѣня мой голосъ; мнѣ не извѣстно со всѣмъ какъ сердца къ любьви принуждаютъ, и вы не должны имѣть отъ меня нималаго опасенія. Коли бы я узналъ прежде о поступкахъ Оркановыхъ, то не были бы вы столь долго въ его власти. Слѣдуйте за мною, можетъ быть найдете вы во дворцѣ моемъ такую утѣху, какой себѣ и не воображаете. Сія красавица не отвѣтствовала мнѣ ни слова, но проливала безпрестанно слезы. Я взялъ ее за руку, и съ великимъ насиліемъ могъ перенесть горестное ея мученіе; а Муцаимъ далъ руку ея подругѣ, и мы оставили домъ Оркановъ. Не выходя изъ онаго, устрашилъ я нѣвольника Орканова столь много моими угрозами, что онъ обнявъ мои ноги, говорилъ: Милостивый государь! я лишуся жизни, ежели господинъ мой узнаетъ, что я виною освобожденія сей женщины. Скажите, куда можно мнѣ укрыться отъ его гнѣва? Я далъ ему кошелекъ, наполненной золотомъ, и приказалъ

спасать

спасать жизнь бѣгомъ, не наводя себѣ и мнѣ дальныхъ затрудненій. Принявъ золото не допустилъ онъ меня ни до какихъ безпокойствъ, и въ тотъ же часъ ушелъ изъ дому Орканова, и мы объ немъ больше не слыхали.

Я узналъ Эльвиру, хотя лице ее опущеннымъ покрываломъ было закрыто; а отъ любьви и радости чувствовалъ несказанное восхищеніе, видя при себѣ конецъ всѣхъ моихъ мученій. Пришедъ во дворецъ, отвелъ ее въ самые отдаленные покои не давая знать себя, дабы не испугать сею скорою и нечаянною радостію, а потомъ назначилъ ей въ услуженіе всѣхъ родовъ невольницъ, и пошелъ отъ нее обнадеживши моимъ почтеніемъ, и увѣривъ, что всѣ при ней находящіяся будутъ имѣть къ ней подобострастіе. Послѣ того велѣлъ привесть къ себѣ жену невольникову; увѣдомилъ о томъ, что отъ мужа ее свѣдалъ, и далъ ей два кошелька съ золотомъ. Вотъ вамъ въ награжденіе, за спасеніе жизньи сей несчастной незнакомки; но притомъ будьте молчаливы,

ливы, и не потеряйте моихъ милостей. Поди теперь въ домъ свой, ты ужѐ свободна, а я буду всегда стараться о вашемъ счастїи. Она благодарила меня несказанно, проливала отъ радости слезы, и желая мнѣ всякаго благополучїя, пошла домой, будучи удовольствована противъ чаянїя моею щедротою. Оставшись съ Муцаимомъ далъ я радости моей полную волю: сказанное женою невольниковою о постоянствѣ Эльвиринымъ, истребило всю мою ревность и подозѣрнїе. Возвращенїе Эльвиры, представлялъ я себѣ источникомъ всѣхъ забавъ, которой совершитъ мое благополучїе. Я наставилъ одного Гишпанца, какимъ образомъ старатися ему прїобрѣсть повѣренность моей любезной, ибо желалъ я слышать ее мысли, будучи ею не видимъ.

Все благопрїятствовало моему намѣренїю, и она въ три дни, въ которыя я съ нею не видался, была предъуготована къ тому, чего мнѣ хотѣлось. Приставленной къ ней невольникъ, какъ я ужѐ сказалъ, былъ природной Гишпанецъ, и она

весьма

весьма тому радовалась, что нашла своего одноземца, и отъ того очень скоро возъимѣла къ нему повѣренность. Разсказывала ему свои несчастныя приключенїи, лишенїе любьви достойнаго супруга и жестокїе поступки недостойнаго Оркана, коими принуждалъ ее къ перемѣнѣ вѣры и ко вступленїю съ нимъ въ супружество. Увѣдомила, какимъ образомъ прїобрѣла любовь отъ всѣхъ женщинъ серальскихъ, которыя защищали ее противъ насильства Орканова, и не оставляли ее ни днемъ, ни ночью. Продолжая, сказала она, что огорчаясь на дерзость сего варвара, впала въ жестокую горячку, которая близко трехъ мѣсяцовъ продержала ее въ постелѣ, и принудила лютаго надзирателя оставить ее въ покоѣ. Напослѣдокъ не скрыла и того, что покушалась въ отсудствїе Орканово спастись бѣгомъ, хотя никогда не могла получить въ томъ успѣху.

Во время сего разговора былъ я въ кабинетѣ возлѣ ея спальни, которой тонкою стѣною отдѣленъ былъ, гдѣ могъ слышать всѣ слова

ихъ,

ихъ, однако тогда ей не показался. Наконецъ невольникъ мой получивъ больше отъ нее довѣренности, предложилъ ей, чтобъ меня увидѣла, сказывая, что я нѣсколько уже разъ желалъ посѣтить ее, но что безъ позволенія не могъ осмѣлиться. Я увѣряю васъ, милостивая государыня, продолжалъ онъ, что не должны вы ни мало опасаться Паши здѣшняго. Наше добровольное къ нему усердіе можетъ васъ увѣрить о великодушномъ его нравѣ. Я думаю, что во время вашего трехъ дневнаго здѣсь пребыванія довольно доказалъ онъ вамъ свою честь, не нарушая даннаго слова. Гиремъ, отвѣтствовала ему Эльвира съ такимъ видомъ, которой доказывалъ, что рѣчь его ея оскорбляетъ, не ругайся моему злополучію: я почитаю вашего Пашу такимъ, какимъ ты описываешь, и не могу быть къ нему неблагодарною за его избавленіе и попеченіе о моемъ спокойствіи. Но знай, продолжала она, что при всемъ томъ самую мучительную смерть предпочту жизьни, ежели принуждена бу-

ду

ду остаться здѣсь, и подвергнуся новымъ насильствамъ. Коли Моргатъ въ подлинну столько великодушенъ, пусть дастъ мнѣ свободу и доставитъ меня въ такое мѣсто, гдѣбъ вѣкъ свой въ уединенїи окончать могла, оплакивая непрестанно любезнаго Алвареца. Гиремъ обѣщалъ пересказать мнѣ отъ нее слышанное, и далъ уразумѣть, что не можетъ она отказать въ посѣщенїи, меня не огорчивши. Я не разумѣю Турецкаго языка, отвѣтствовала она, и думаю, что Паша по Гишпански не знаетъ, такъ къ чему будетъ пользовать наше свиданїе? Не знаю, сказалъ Гиремъ, какїя причины имѣлъ онъ скрыть отъ васъ, что знаетъ языкъ нашъ, ибо лучше меня его разумѣетъ. Я не могу, продолжалъ онъ, и того отъ васъ утаить, что я Пашу здѣшняго Христїаномъ почитаю. Ежелибъ вы не увѣрили меня о смерти вашего супруга, то бы не зналъ я, что подумать о сходствѣ Паши съ тѣмъ описанїемъ, кое вы о Алвареце своемъ много разъ дѣлывали. Эльвира выслушавъ сїе нѣсколько заду-

думалась, и вздохнувъ сказала: теперь и я вспомнила, что есть нѣсколько сходства въ его голосѣ, и онъ меня тѣмъ тогда же тронулъ. Но увы! я уже довольно увѣрена о моемъ несчастіи, и не могу тщетно надеждою ласкаться: но отъ чегожъ я такъ смутилась, когда онъ подошелъ ко мнѣ, что не смѣла и взглянуть на него?

Гиремъ окончилъ разговоръ, будучи доволенъ слышаннымъ и оставя ее пошелъ ко мнѣ, дабы увѣдомить, что она позволяетъ увидѣться съ собою. Услышавъ отъ него упорство Эльвирино, и мученіе, коимъ терзалась она о моемъ лишеніи, не могъ я допустить ея до пущей печали. Увѣренъ будучи, что посѣщеніе мое не приключитъ ей никакого огорченія, послалъ Гирема сказать ей, что въ слѣдъ за нимъ буду. Чрезъ нѣсколько минутъ пришелъ я въ ее покой съ Муцаимомъ. Сколь скоро ей обо мнѣ сказали, то въ тужъ минуту вставши съ софы, бросилась мнѣ встрѣчу и хотѣла упасть къ ногамъ моимъ съ сими словами. Милостивый государь! окончайте

чайте свое великодушіе, допустите меня увидѣть мое отечество, и оставить такое мѣсто, гдѣ я должности своего закону исполнять не могу. Но я недопуская ее упасть къ ногамъ моимъ, удержалъ за руку и говорилъ: Прекрасная чужестранка! я исполню твою прозьбу и позволяю Албѣ удалиться отсюда, но не соглашусь на то, чтобъ дражайшая Эльвира съ вѣрнымъ ея Алварецомъ на вѣки разлучилась. Услышавъ сіи слова устремила она на меня глаза, и въ тотъ же часъ узнала. Не могу вамъ изъяснить ея возхищенія. Она въ изумленіи поблѣднѣла, и непремѣнно бы упала, ежелибъ я ее не подхватилъ. Обнявши возлюбленную свою, говорилъ ей съ нѣжностію всѣ ласковыя привѣтствіи, кои любовь и радость вразумить мнѣ могли. Чрезъ нѣсколько минутъ она ободрилась, и говорила: немилосердый! чѣмъ я тебѣ досадила, что ты такъ долго скрывалъ отъ меня мое счастіе и принудилъ терпѣть лютѣйшія муки. Въ этомъ безъ труда я оправдался, и потомъ показалъ ей Генрикведа,

коего она тотчасъ узнала, и мы проводили нѣсколько минутъ въ наичувствительнѣйшей радости. Однако не взирая на всю ея веселость, примѣтилъ я въ ней несбычайное беспокойство; но неизслѣдывая онаго, увѣдомилъ ее о всѣхъ моихъ приключенiяхъ, и обнадеживалъ, что не замедлю ѣхать въ отечество, ибо она была единственною причиною моего здѣсь пребыванiя.

Паша Бауценской въ тотъ же день ко мнѣ прiѣхалъ, и привезъ Оркана съ собою, коего подъ разными вымыслами удержалъ такъ долго. Радость сего великодушнаго друга была несказанна, когда услышалъ, что любезная моя Эльвира нашлася. Но Орканъ прибывъ въ домъ свой и не нашедши Албы и своего главнаго невольника, спрашивалъ о ней всѣхъ невольниковъ, но они ему ничего сказать не могли. Отъ сего пришелъ онъ въ ужасное бѣшенство: а его невольницы почитая себѣ за удовольствiе спасенiе Албы, и желая пуще досадить ему, сказывали: что невольникъ увелъ ее и ко мнѣ представилъ. Услышавъ сiе приведенъ

день онъ былъ въ несказанную ярость, и побуждаемъ гнѣвомъ и мщеніемъ, поѣхалъ въ Фецу и жаловался Королю, что я у него невольницу отнялъ. Семейнъ о томъ писалъ ко мнѣ, и требовалъ отвѣту; но Паша Бауценской вступясь въ сіе дѣло, оправдалъ меня, съ такимъ еще успѣхомъ, что приказано было Оркану имѣть только попеченіе о своей должности, и не дѣлать несправедливыхъ оклевѣтаній. Хотя на тотъ разъ я отъ него и избавился, однако имѣлъ въ слѣдствіи всегдашнее безпокойствіе. Эльвира не отступно меня просила оставить сіе мѣсто, и я искалъ отъ Морацы помощи къ моему побѣгу; но онъ отъ того отговаривался, и представлялъ, что не можно мнѣ уйтить, чтобъ Орканъ о томъ не свѣдалъ, и уговаривалъ сіе важное предпріятіе отложить до удобнаго къ тому случая. Онъ просилъ меня подождать до тѣхъ поръ, пока сего злодѣя не удалитъ отъ меня, и обѣщался употребить всѣ возможности, дабы упросить Семейна послать его въ какое нибудь другое мѣсто; и по исполненіи

нении сего клялся съ охотою, и безъ всякой опасности отпустить меня. Я весьма много долженъ былъ Морацовой дружбѣ, и не могъ усумниться въ словахъ его; а сверьхъ того и самъ видѣлъ опасность, которой будетъ онъ подверженъ, ежели бы я не согласился отложить мое намѣренїе. И такъ желая лучше лишиться жизни, нежели вѣрнаго друга привесть въ погибѣль, уговорилъ я Эльвиру обождать терпѣливно удобнѣйшаго случая къ нашей свободѣ.

Между тѣмъ былъ я безвыходно въ моихъ покояхъ, и не выходилъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ нуждъ. Всѣмъ Христїанамъ давалъ свободу, и покупалъ ихъ отъ другихъ Пашей, коимъ они въ неволю доставались; а Мораца самъ ни одного у себя не удерживалъ. Я намѣренъ былъ умножа число моихъ невольниковъ, вооруженною рукою уйтить отсюда, естьли хитростїю желанїе не исполнится. Между тѣмъ любезная моя Эльвира стала беременна, и хотя можно бы мнѣ было тогда уѣхать отсюда, однако долженъ я былъ нѣсколько времени

мени для нее сстаться. Она родила тебя, любезной Алфонзъ, и мы назвали тебя Донъ Педромъ, по имяни твоего дѣда, а при Туркахъ называли тебя Ибрагимомъ. Мораца увѣдомясь отъ меня о сей радости, былъ несказанно доволенъ, что я ничего отъ него не скрываю. Прїѣхавъ ко мнѣ просилъ, чтобъ тебя отдать ему на воспитанїе, и сказывалъ, что въ Алборанѣ имѣетъ Гречанку Христїанскаго закона, которая будетъ твоею кормилицею. Я долженъ былъ на то согласиться, ибо увѣрялъ онъ меня, что не долго тебя продержитъ, и обѣщалъ скоро освободить меня отъ Оркана, сказывая, что къ тому нѣкоторую уже надежду видитъ. И такъ разстались мы съ тобою; но по прошествїи дву лѣтъ просила мать твоя меня не отступно здѣлать ей утѣшенїе взявъ тебя отъ Морацы. Не могши отъ нее отговориться, наконецъ я согласился, и поѣхалъ къ Пашѣ Бауценскому въ островъ Алборанъ, куда и Орканъ за мною слѣдовалъ.

Туда пріѣхалъ я безъ всякаго приключенія, и взявъ тебя на свой корабль, поѣхалъ съ Морацою возвратно въ Тресъ-Форкатъ. Я имѣлъ тогда на шѣѣ портретъ Эльвиринъ, которой написанъ былъ нарочно въ половину закрытымъ лицемъ, дабы ненавести себѣ красотою ея соперниковъ. Ты показывалъ великое желаніе имѣть его въ рукахъ своихъ, и какъ скоро я надѣлъ оной тебѣ на шѣю, то въ тужъ минуту услышалъ, что кричали къ ружью. Оставивъ тебя, хотѣлъ я узнать причину крику, и вышедъ изъ каюты увидѣлъ корабль Христіанской на всѣхъ парусахъ прямо къ намъ стремящейся. Я узналъ его по флагу, что онъ Гишпанской, и желая убѣжать отъ сраженія велѣлъ удаляться; но Орканъ сталъ въ томъ противиться. Паша Бауценской стоя подлѣ меня просилъ, чтобъ я не раздражалъ сего злодѣя, и вступилъ бы въ сраженіе, сказывая, что не для чего намъ, въ разсужденіи превосходной нашей силы, непріятеля опасаться. Я на то согласился и упросилъ только того, чтобъ не

стрѣ-

стрѣляли изъ пушекъ; а сїе въ томъ разумѣ здѣлалъ, дабы удобнѣя тебя зберечь. Непрїятель увидѣвъ, что мы палить не зачинаемъ, и самъ того не дѣлалъ, по чему льстился я надеждою безъ вреда съ обѣихъ сторонъ разойтиться; но однакожъ увидѣлъ, что корабль Гишпанской очень блиско подходилъ къ намъ, по чему начали мы готовиться къ отпору. Непрїятельской начальникъ выскочилъ изъ своего въ мой корабль, а я на его взошелъ. Морацa слѣдовалъ за мною, и мы ужасное надѣлали въ кораблѣ Христїанскомъ кровопролитїе. Въ каютѣ нашли мы нѣсколько женщинъ отъ страху въ обморокѣ лежащихъ и съ ними младенца, коего я отнять велѣлъ; но въ то самое время происходило и на моемъ кораблѣ равномѣрное убивство. Морацa меня увѣдомилъ, что непрїятель былъ побѣдителемъ корабля моего; а я умножилъ всѣ силы, и прогналъ непрїятеля возвратно на его корабль, и почиталъ уже себя совершеннымъ почти побѣдителемъ; но вдругъ поднялась ужасная буря,

разорвала наши корабли, и одинъ отъ другаго изъ виду скрыла.

Корабль Паши Бауценскаго будучи не столько исправенъ, какъ мой, не могъ въ сїе время поспѣть къ намъ на помочь; а мой бурею нѣсколько повредился. Мы пристали опять къ Албарану, гдѣ первѣое мое попеченїе о тебѣ было. Но всѣ мои старанїи о сысканїи тебя были тщетны. Ни тебя, ни твоихъ кормилицъ не могли мы найти, и наконецъ увидѣли ихъ почти мертвыхъ, и они мнѣ сказали о твоемъ похищенїи. Храбрый Алонзесъ, сколько отчаянъ былъ Падилло лишась своей дочери, столь много терзался и я потерею моего сына. Не могу описать тебѣ моего горестнаго состоянїя, и думаю, что превосходило оно Людвигову печаль, ибо долженъ я былъ сказать о томъ любезной моей Эльвирѣ. Нѣсколько дней воображая слезы и жалость нѣжной сей матери, естьли узнаетъ она о семъ несчастїи, смущался я несказанно, и много разъ покушался умертвить себя, но удержанъ былъ Морацою. Напослѣдокъ вышли мы на островъ,

и другъ мой столькожъ какъ я смущенъ былъ, и не смѣлъ хвалиться побѣдою одержанною надъ непрiятелемъ.

Вошедъ въ его покои, старался онъ всѣмъ своимъ краснорѣчiемъ меня успокоить, и представилъ мнѣ невинную плѣнницу прекрасную Гераиду, коей безпримѣрная красота привела меня въ удивленiе. Нѣжное и жалкое ея состоянiе, тронуло меня несказанно. По богатому ея наряду и драгоцѣннымъ каменьямъ, почелъ я ее знатной природы, и спрашивалъ Мороцу, что съ нею дѣлать? Онъ сказалъ мнѣ, что для того только и взялъ ее, дабы Ибрагиму сотовариществовала, по чему и теперь, продолжалъ онъ, долженъ ты взять ее себѣ и воспитать отечески: можетъ быть будетъ она тебѣ утѣшенiемъ вмѣсто твоего сына. Я взялъ ее къ себѣ, и какъ корабль нашъ починили, то возвратился съ горестiю въ Тресъ Форкатъ, и не могъ отъ любезной Албы скрыть моего несчастiя, отъ коего казалось, что она умретъ съ печали. Сiе приключенiе здѣлало

ей отъ всего отвращенїе, чѣмъ въ отечествѣ льститься могла; и она захотѣла вѣчно здѣсь остаться. Мы назвали нашу молодую плѣнницу Гераидою, и прилагали все старанїе о воспитанїи оной. Она превзошла наше чаянїе, какъ въ красотѣ такъ въ разумѣ и добродѣтели. Сколь скоро возрастъ ея дозволилъ намъ открыть ей ея судбину, то почли мы за должность о томъ ее увѣдомить.

Услышавъ оное несказанною была она тронута благодарностїю, и чувствуя къ намъ истинную любовь, показывала нѣжныя преданности, и возобновила въ насъ опять желанїе ѣхать въ наше отечество, дабы сыскать ей тамъ достойнаго супруга. Я непрестанно помышлялъ о томъ, какимъ бы образомъ найти способъ къ отъѣзду, но провидѣнїемъ Божїимъ тобою открылся чудной сей случай, обѣщающей безопасное намъ возвращенїе.

Донъ Алварецъ окончалъ повѣсть, а храбрый Алфонзъ былъ слышаннымъ чувствительно тронутъ, и увѣрялъ своего родителя, что сердце

це его наполнено къ нему нѣжностїю и почтенїемъ. Алонзесъ удивлялся дивному сему приключенїю, и стократно благодарилъ небо за счастливое онаго окончанїе; а Паша обоихъ осыпалъ ласкою. Но какъ ужѐ гораздо было поздо, то разошлись они, дабы остатокъ ночи сномъ успокоиться. Муцаимъ отвелъ Альфонза въ особливой покой, гдѣ онъ не опасаясь Оркана проспалъ до утра, и по разсвѣтѣ прїуготовлялся къ сраженїю.

На другой день велѣлъ Алварецъ, дабы скорея исполнить свое намѣренїе, позвать къ себѣ Оркана, подъ видомъ, будто бы получилъ отъ двора нѣкоторыя важныя повелѣнїи, требующїя къ исполненїю оныхъ прилѣжнаго и осторожнаго человѣка. Надзиратель не мѣдля пришелъ, а Паша принялъ его съ обыкновенною учтивостїю, и приказалъ изготовиться къ отъѣзду къ берегамъ Гишпанскимъ, подтвердя притомъ, чтобъ корабль къ завтрешнему дни былъ готовъ, и что онъ самъ будетъ къ нему для осмотренїя онаго и всѣхъ невольниковъ. Сей измѣнникъ

никъ не подозрѣвая умыслу Алварецова, принялъ охотно приказъ его, и отвѣтствовалъ съ такимъ униженіемъ, какого никогда не дѣлывалъ. Лишь только онъ удалился, то Алварецъ съ Алфонзомъ, Алонзесомъ и Муцаимомъ начали совѣтовать о томъ, что въ наступающей день дѣлать надлежало. Они согласились, чтобъ Алонзесъ и Муцаимъ, какъ скоро ночь настанетъ, положа въ шлюпку лучшее богатство Алварецово, выѣхали въ море, и дожидались бы корабля приставъ къ безопасному и скрытному мѣсту, а когда имъ данъ будетъ знакъ, тобъ къ нему подъѣхали.

Сіи вѣрные старики, обнадѣживали положенное на нихъ съ усердіемъ исполнить, и хотя охотнѣе желали съ Дономъ Алварецомъ и Алфонзомъ быть въ опасности; но должны были повиноваться, и не теряя времени, начали готовиться къ исполненію. Какъ скоро ночь наступила, выѣхали они въ море; а Донъ Алварецъ собралъ къ себѣ всѣхъ Христіанскихъ невольниковъ, и объявилъ имъ, хотятъ ли они вмѣсто

вы-

выкупу за свою свободу зделать ему вспоможенїе въ его предпрїятїи? Невольники плѣненные великодушїемъ Алварецовымъ несказанно радовались, услышавъ, что часъ свободы ихъ приближается, и показывали на лицахъ неустрашимость и усердїе; чѣмъ Алварецъ и сынъ его весьма были довольны, и предвѣщали изъ того благополучное окончанїе. Всѣхъ Христїанъ было человѣкъ до ста, и по большей части солдаты на корабляхъ плѣненные. Донъ Алварецъ вооружилъ каждаго кинжаломъ и саблею, и велѣлъ подъ кафтанами скрывать свое оружїе, и не обнажать до тѣхъ поръ, пока онъ не зделаетъ начала.

Распорядя и наставивъ всѣхъ Христїанъ, пошли къ Эльвирѣ и Гераидѣ, и не сказывали имъ о своемъ предпрїятїи, опасаяся, дабы они испугавшись не испортили ихъ вымысла. Во весь день будучи у нихъ, скрывая намѣренїе казались весьма веселыми и безпрестанно шутили. Алфонзъ пользовался долгое время, увѣряя любезную Гераиду о своей любьви, и дѣлалъ ей самыя нѣжныя

ласки.

ласки. Оба открывали другъ другу тайныя мысли, и взаимною любовїю восхищались. Гераида расказала Алфонзу, что видя его много разъ на горѣ, при которой онъ работалъ, была тронута его красотою, и сколько ни старалась только, не могла преодолѣть своей страсти, въ нѣжное ея сердце имъ влїянной. Чѣмъ чаще я тебя видала, говорила она, тѣмъ пламеннея любовь моя становилась, и наконецъ покорясь своей страсти, вознамѣрилась я снискать тебѣ вольность, и не страшилась никакихъ опасностей, лишь бы исполнить мое намѣренїе. Хотя и чувствовала я, продолжала она, что отсутствїе твое причинитъ мнѣ несносную муку, однако хотѣла тѣмъ доказать тебѣ любовь мою. Алфонзъ не могъ нарадоваться, слушая отъ любезной своей столь нѣжное признанїе, и за то клялся вѣчно ее любить. Въ толь прїятныхъ разговорахъ весьма нечувствительно протекало время, и имъ казалось, что не болѣе часа были они вмѣстѣ.

На-

Наконецъ пришло время разойтися, и Алварецъ сказалъ Эльвирѣ, чтобъ она не къ дальному выѣзду была завтрѣ рано готова. Добродѣтельная его супруга не любопытствуя, обѣщала повелѣніе его исполнить, послѣ чего Алварецъ съ нею растался, и довольную часть ночи препроводилъ въ разговорахъ съ Алфонзомъ. Онъ сожалѣлъ чувствительно, что не могъ проститься съ Бауценскимъ Пашею, и увѣдомить его о своемъ отъѣздѣ.

Орканъ былъ гораздо безпокойнѣе Алвареца. Онъ вооружилъ всѣхъ своихъ невольниковъ, и утвердилъ ихъ новою клятвою, чтобъ напасть на Пашу, какъ скоро его увидятъ. И хотя онъ льстился удачею въ мерскомъ своемъ предпріятіи, однако не могъ во всю ночь быть спокоенъ. Грызеніе совѣсти мучило его несказанно, а сердце его отъ ужасу трепетало, и предвѣщало худой успѣхъ злому его намѣренію. Но онъ старался перемочь воображаемыя опасности, и непремѣнно хотѣлъ погубить Моргата. Наконецъ наступилъ

назна-

назначенной часъ, и Морганъ въ провожанiи Алфонза и всѣхъ Христiанскихъ невольниковъ, пошелъ смотрѣть корабля, которой стоялъ въ готовности въ пристани. Потомъ пришелъ онъ и къ Оркану, которой съ своими единомышленниками на улицѣ его дожидался, и увидѣвъ, что Паша шелъ къ нему на встрѣчу со множествомъ невольниковъ, сталъ отъ того весьма изумленъ; но дабы скрыть свое безпокойство, казался бодрымъ. Морганъ приближившись къ нему, вонзилъ кинжалъ въ самое злодѣйское его сердце; а Алфонзъ въ тужъ минуту въ ужасной ярости съ храбрыми Христiанами, бросился на его сообщниковъ, кои огорчены будучи смертiю своего начальника отмстить за него хотѣли. Кровопролитiе было ужасно. Африканцы дрались прямо отчаянными, и хотя ихъ было больше Христiанъ, однакожъ не могли они устоять противъ храбрости Алварецовой и сына его, и напослѣдокъ всѣ безъ пощады порублены были.

Получивъ

Получивъ побѣду, могли они итти безпрепятственно на корабль. Алварецъ съ Храбрыми Христїанами пошли въ него; а Алфонзъ побѣжалъ къ Эльвирѣ и Беатриксѣ, чтобъ привесть ихъ скорея туда же; а они не видя долго возлюбленныхъ своихъ, начали было беспокоиться о ихъ отсутствїи; но приходомъ Алфонзовымъ обрадовались несказанно; однакожъ примѣтивъ въ лицѣ его перемѣну и платье у него кровью обрызганное чрезмѣрно испугались: чего ради Алфонзъ къ успокоенїю ихъ говорилъ слѣдующее къ Эльвирѣ. Небойтесь ничего, милостивая государыня! Донъ Алварецъ здоровъ, и васъ лишь на кораблѣ ожидаетъ, дабы со всѣмъ утвердить свою безопасность. Что ты говоришь, любезной Алфонзъ? закричала она подавая ему руку: хотя я тебя со всѣмъ не понимаю, однако на все отважусь, чтобъ совершить, какъ ты сказываешь, ваше благополучїе. По сихъ словахъ повелъ ихъ Алфонзъ тайными обходами изъ покоевъ на корабль, куда пришли они благополучно.

Уви-

Увидѣвъ на дорогѣ множество побитыхъ и умирающихъ людей, удивились и испугались они несказанно; но Алфонзъ увѣрялъ, что всѣ сїи злодѣи побѣждены храбростїю Алварецовою, и что онъ никакой неподверженъ опасности; однако не могъ ихъ вовсе успокоить. Эльвира смущалась до тѣхъ поръ, пока не увидѣла Алвареца на встрѣчу къ нимъ идущаго, которой приближась взялъ ее за руку, и нетеряя времени вошелъ на корабль, и поднявъ парусы, велѣлъ отвалить отъ пристани. Находящїеся на коряблѣ Африканцы, будучи безсильны къ сопротивленїю, подвергли себя его волѣ, и надѣялись на его великодушїе.

Выѣхавши въ море, увидѣли шлюпку, на коей Алонзесъ съ Муцаимомъ отправлены были, и здѣлали имъ знакъ, на которой они тотчасъ къ кораблю подъѣхали. Алварецъ приказалъ править къ берегамъ Гишпанскимъ. Вѣтръ былъ спутной, по чему чрезъ нѣсколько дней приплыли они благополучно въ Кадиксъ. Донъ Алва-

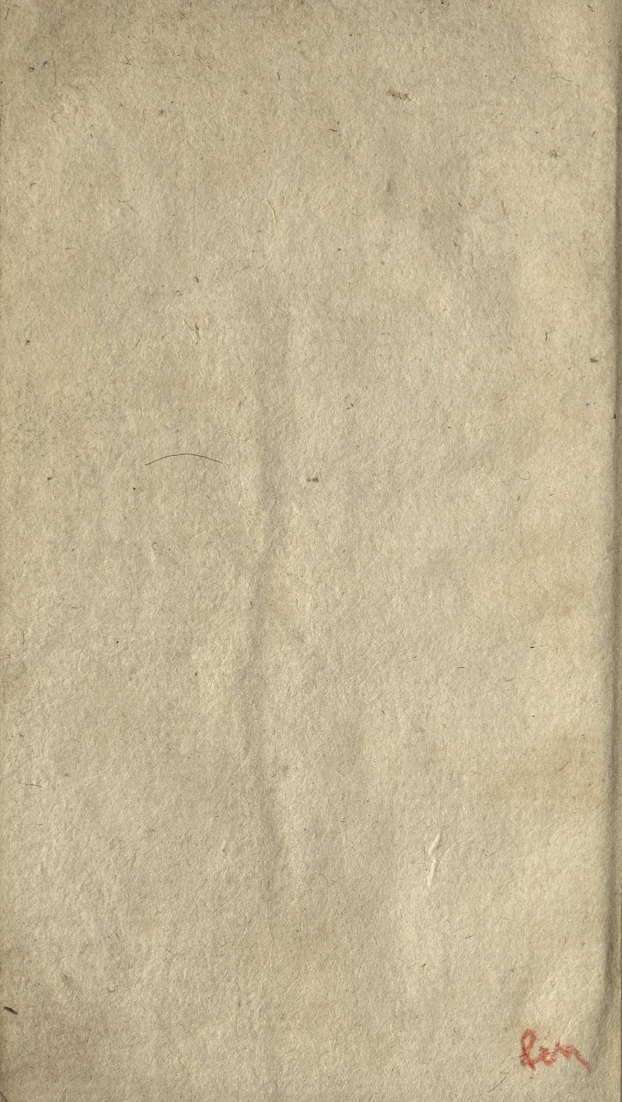
Алварецъ вышедъ изъ корабля, всѣхъ Африканцовъ наградилъ щедро, и позволилъ каждому по желанїю ѣхать, кто куда захочетъ: но не многїе выѣхали изъ Кадикса. Большая часть приняла законъ Христїанской, а нѣкоторые возвратились въ Фецу, съ коими написалъ онъ письмо къ Морацѣ, и послалъ къ нему почти все свое богатство, дабы сей великодушной другъ не почелъ его корыстолюбивымъ и неблагодарнымъ: и въ ономъ извинялся предъ нимъ, что уѣхалъ не простяся, и увѣдомлялъ, что въ тотъ же день отправится въ Гранаду. Прїѣхавъ въ сей городъ, удивленїе и радость родственниковъ его была неизреченна, и они услыша ихъ приключенїя не могли довольно онымъ надивиться. Веселости и забавы были почти во всемъ городѣ, и многїе дни безперерывно продолжались. Беатрикса вступила во владѣнїе всего наслѣдства послѣ Дона Людвита, отца своего; а Донъ Алварецъ получилъ свое и Мендоцово имѣнїе. По нѣсколькихъ дняхъ, совершилось Алфонзово съ Беатриксою брачное сочетанїе, при которомъ

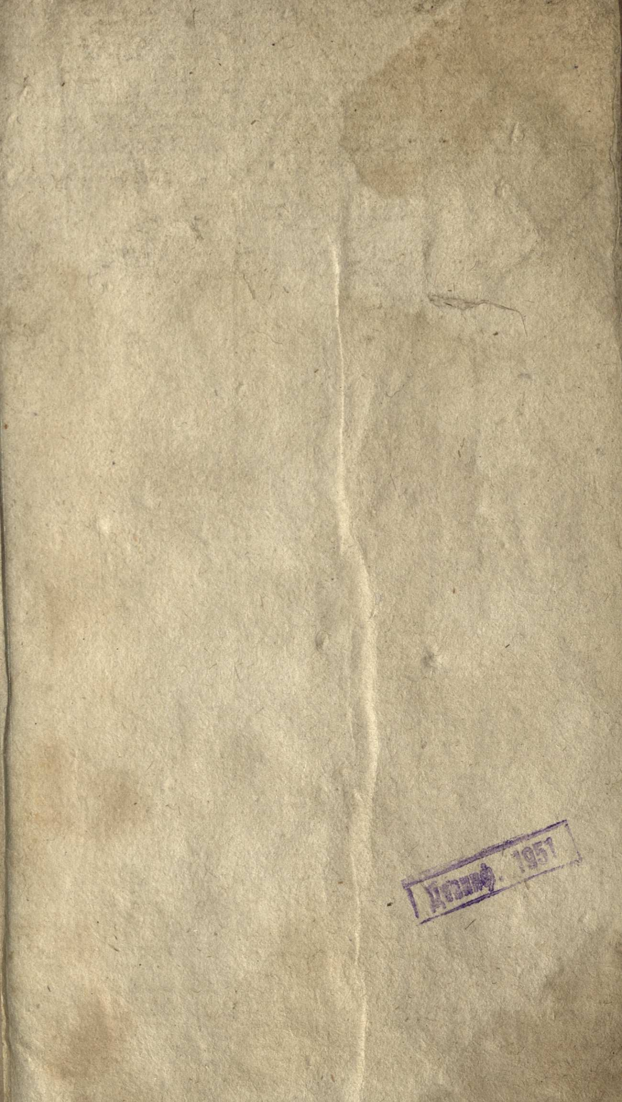
ромъ пировали съ такимъ великолѣпіемъ, какое рѣдко случается, или лучше сказать, какое при тогдашней радости выдумать могли.

КОНЕЦЪ.

1951

